

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2026

Том 26

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

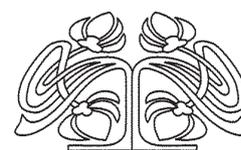
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2026 Том 26

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Крайнов А. Л. Цифровой контроль и проблема свободы в информационном обществе 4

Макаров С. К. Дискурс трансгрессии как путь к возрождению Субъекта 9

Марков А. В., Штайн О. А. «Новое Средневековье» Н. Бердяева и В. Беньямина: кинематографические импликации 13

Петров П. А. О причинах сложности задания исчерпывающего определения технологии Интернет 22

Шаткин М. А. Концепция социоматериального дизайна: теоретические и прагматические аспекты. Часть II 27

Анисимова С. Ю., Борисова Т. В. Философская рефлексия в поисках утраченной истины 32

Сокол А. В. Проблема трансформации традиционного российского религиозно-этического идеала в нравственной жизни советского общества и государства 37

Психология

Фролова С. В. Теоретико-методологические проблемы и решения в психологической работе с переживаниями событий специальной военной операции 45

Рягузова Е. В. Социально-когнитивная архитектура моральной травмы личности 55

Аранович Л. М. Профессионально-этическая комплаентность как критерий демаркации династичности и семейственности в современной социальной психологии 63

Шамионов Р. М., Белых В. В. Типология психологических эффектов социальной активности молодежи в виртуальной среде 70

Муханова И. Ф. Анализ структурной модели формирования жизненных перспектив личности 83

Педагогика

Боц Т. С., Сосновская А. А. Использование цифровых образовательных ресурсов в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей 91

Маркина И. В. Повышение физической активности студенток вуза средствами оздоровительной аэробики: аэробно-силовые нагрузки в профилактике гиподинамии (педагогический аспект) 97

Тиунчик О. В. Особенности формирования тьюторской позиции педагога в процессе внутрифирменного обучения 103

Неустроева Е. С. Моделирование дисциплины «Проектный практикум» для студентов дефектологических специальностей 108

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7).

Журнал входит в Международную базу данных DOAJ

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (php.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Коренева Татьяна Андреевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.03.2026.

Подписано в свет 31.03.2026.

Выход в свет 31.03.2026.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,49 (14,5).

Тираж 100 экз. Заказ 9-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегия серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлгией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлгией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy****Kraynov A. L.**

Digital control and the problem of freedom in the information society 4

Makarov S. K. The discourse of transgression as a way to the revival of the Subject 9

Markov A. V., Shtayn O. A. Medieval futures in Berdyaev and Benjamin: Cinematic thought and the “New Middle Ages” 13

Petrov P. A. On the reasons for the complexity of the task of exhaustive definition of Internet technology 22

Shatkin M. A. The concept of sociomaterial design: Theoretical and pragmatic aspects. Part II 27

Anisimova S. Yu., Borisova T. V. Philosophical reflection in search of the lost truth 32

Sokol A. V. The problem of transformation of the traditional Russian religious and ethical ideal in the moral life of Soviet society and the state 37

Psychology

Frolova S. V. Theoretical and methodological problems of psychological support for coping with events of the Special Military Operation and their solutions 45

Ryaguzova E. V. Social-cognitive architectonics of personal moral injury 55

Aranovich L. M. Professional and ethical compliance as a criterion for the demarcation of dynasties and domesticity in the modern social psychology 63

Shamionov R. M., Belykh V. V. Typology of psychological effects of youth social activity in a virtual environment 70

Mukhanova I. F. Analysis of the structural model of the formation of life prospects of the individual 83

Pedagogy

Bots T. S., Sosnovskaya A. A. The use of digital educational resources in teaching foreign language to non-linguistic students 91

Markina I. V. Increasing physical activity of female university students by means of recreational aerobics: Aerobic and strength training in the prevention of physical inactivity (pedagogical aspect) 97

Tiunchik O. V. Features of the formation of teacher's tutoring position in the process of in-house training 103

Neustroeva E. S. Modeling the discipline “Project workshop” for students of defectological specialties 108

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ:
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Гущин Ян Денисович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)

Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, доктор искусствоведения, профессор (Саратов, Россия)

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)

Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)

Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)

Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)

Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор, профессор РАО (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yan D. Guchshin (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)

Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)

Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)

Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)

Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)

Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)

Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)

Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)

Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)

Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)

Irina V. Steklova (Saratov, Russia)

Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)

Vladimir B. Ustyantsev (Saratov, Russia)

Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)

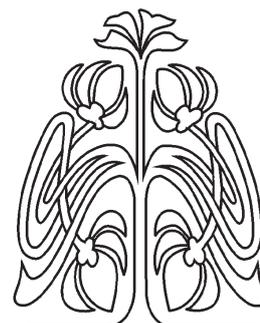
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)

Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)

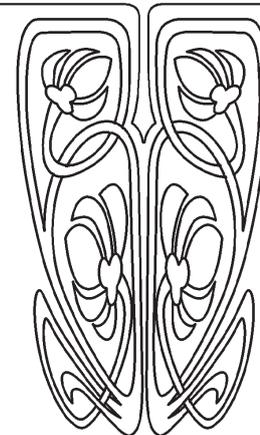
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)

Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)

Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–8

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–8
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-4-8>

EDN: BVSAJ

Научная статья
УДК 004:[1:316]

Цифровой контроль и проблема свободы в информационном обществе

А. Л. Крайнов

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, г. Саратов, проспект им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, krainoval@vavilovsar.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблеме цифрового контроля как инструмента принуждения и манипуляции гражданами, лишаящими их свободы и личного пространства. Использование цифровых технологий не только способствует коммуникации и реализации бизнес-процессов, но и является источником постоянного сбора информации о всех действиях пользователей цифровой среды. **Теоретический анализ.** В процессе исследования определены три уровня цифрового контроля: начальный, базовый и тотальный, отличающихся степенью воздействия на человека. На каждом из этих уровней осуществляется слежка за гражданами с помощью различных информационных технологий с целью оценить их лояльность по отношению к государству и выявить противоправное поведение. В качестве примера тотального уровня цифрового контроля показана китайская система социального кредита. **Заключение.** Развитие цифровых технологий неминуемо ведет к увеличению степени цифрового контроля и уменьшению свободы человека. Этот процесс сопровождается полной зависимостью последнего от цифрового мониторинга и лишением личного пространства. Задача человечества заключается в сохранении баланса между цифровым контролем и свободой, чтобы не допустить цифрового рабства и трансформации человека в постчеловека посредством постепенной киборгизации.

Ключевые слова: цифровой контроль, цифровизация, цифровой тоталитаризм, информационное общество, цифровое рабство, цифровая свобода

Для цитирования: Крайнов А. Л. Цифровой контроль и проблема свободы в информационном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-4-8>, EDN: BVSAJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

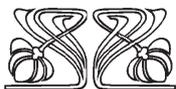
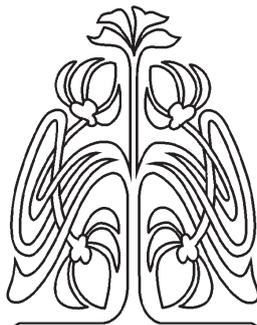
Digital control and the problem of freedom in the information society

A. L. Kraynov

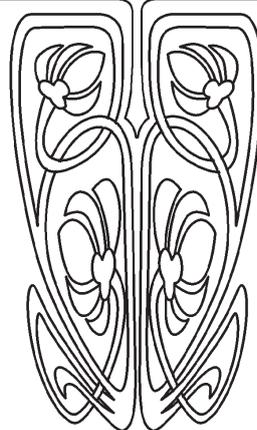
Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Avenue, Saratov 410012, Russia

Andrey L. Kraynov, krainoval@vavilovsar.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Abstract. Introduction. This article examines the problem of digital control as a tool for coercion and manipulation of citizens, depriving them of freedom and personal space. The use of digital

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

technologies not only facilitates communication and business processes but also serves as a source of continuous collecting information about all actions of digital users. **Theoretical analysis.** The study identified three levels of digital control: initial, basic, and total, each one with varying degrees of impact on individuals. At each level, citizens are monitored using various information technologies to assess their loyalty to the state and identify unlawful behavior. China's social credit system is used as an example of a total level of digital control. **Conclusion.** The development of digital technologies inevitably leads to an increase in digital control and a decrease in human freedom. This process is accompanied by the latter's complete dependence on digital monitoring and the deprivation of personal space. Humanity's task is to maintain a balance between digital control and freedom to prevent digital slavery and the transformation of humans into posthumans through gradual cyborgization.

Keywords: digital control, digitalization, digital totalitarianism, information society, digital slavery, digital freedom

For citation: Kraynov A. L. Digital control and the problem of freedom in the information society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-4-8>, EDN: BVSAJB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования обусловлена всевозрастающей ролью информационных цифровых технологий в жизни человека. Прочно укоренившиеся в личном и социальном бытии, они не только способствуют коммуникации и облегчают доступ к информационным ресурсам, но непрерывно следят за всеми действиями индивида и общества. Цифровой контроль, осуществляющийся за человеком с помощью всевозможных гаджетов, не только обогащает маркетинговые базы данных, способствуя лучшей таргетированности рекламных кампаний, но вторгается в личное пространство человека посредством прямого видеонаблюдения, основанного на системе распознавания лиц, и чипирования.

Значимость исследуемой проблемы связана с зависимостью человека от коммуникационной техники (ярким проявлением которой является номофобия), с одной стороны, и постоянной угрозы утраты личной свободы при взаимодействии с данной техникой, с другой.

Цель исследования – определить грань между цифровой свободой и цифровым рабством в современном мире.

Новизна исследования продиктована последними тенденциями информационного общества в сфере цифрового контроля.

Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Теоретический анализ

Под цифровым контролем принято понимать практику применения цифровых технологий и данных для управления различными процессами и поведением людей. С развитием

цифровизации значимость цифрового контроля только возрастает. Цифровой контроль может проявляться на институциональном и техническом уровнях. В первом случае государство и иные социальные институты являются инициаторами реализации цифрового контроля как средства мониторинга за гражданами в целом и персоналом в частности. Во втором случае цифровой контроль осуществляется с помощью различных цифровых технических средств и приложений, с которыми непосредственно работает человек, собирающими данные о всех проводимых в них операциях и отправляющими их на сервера различных компаний.

Если рассматривать данное явление с организационной точки зрения, то очевидны множество плюсов данной практики, один из которых, по мнению Ю. Глуховской, заключается в безопасности производственного процесса: различные датчики измерения температуры тела, артериального давления и наличия алкоголя в крови сотрудника на проходной снижают производственные риски и повысят эффективность труда¹. Институт развития Интернета (АНО «ИРИ») публикует на своем сайте статью, рассматривающую цифровой контроль в большей степени как инструмент мониторинга и слежки за персоналом². Согласно приведенным аналитическим данным, к методам цифровой слежки за сотрудниками прибегает треть работодателей по всему миру. С одной стороны, данная практика призвана повысить производительность

¹ Глуховская Ю. Цифровой контроль // Новостной портал РБК (РосБизнесКонсалтинг). 2 июня 2020 г. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5ed515e97a8aa9b1a19459e0> (дата обращения: 14.10.2025).

² Цифровой контроль за сотрудниками (использование технологий мониторинга на рабочем месте) // Официальный сайт российской автономной некоммерческой организации Института развития Интернета (ИРИ). 7 августа 2023 г. URL: <https://ири.рф/news/tsifrovoy-kontrol-za-sotrudnikami-ispolzovanie-tekhnologiy-monitoringa-na-rabochem-meste/> (дата обращения: 14.10.2025).

труда, так как фиксируется время нецелевого использования рабочего пространства (от кликанья мышкой не на те программы до низкой активности сотрудника в целом), с другой стороны, подобный цифровой контроль зачастую приводит к снижению качества производства, психологическому дискомфорту персонала и утрате доверия к руководству.

Согласно Д. А. Руцину, цифровой контроль представляет собой манипулирование цифровыми коммуникациями со стороны властей. Государство дозирует доступность инструментов цифровой коммуникации для населения, ограничивая использование одних Интернет-сервисов в пользу других. В качестве страны с самым несвободным Интернетом автор приводит Китай, а максимальная свобода в цифровом пространстве отмечается им в Исландии [1, с. 525–526]. Анализируя систему цифрового контроля над гражданами на примере Москвы, И. В. Юшков выделяет две ее части: физическую и виртуальную. Первая представлена техническими устройствами видеонаблюдения с системой распознавания лиц и идентификации личности, а вторая – работой государственных органов в виртуальной среде с целью мониторинга противоправных действий [2]. Задача цифрового контроля, по его мнению, заключается в контроле общества. Таким образом, проблема цифрового контроля всегда сопряжена с проблемой свободы не только в цифровой среде, но и в обществе в целом.

Если анализировать феномен цифрового контроля в философском аспекте, то он связан с понятиями «цифровой тоталитаризм» и «цифровое рабство», так как не просто выступает мониторингом социальной сферы, но лишает человека личного пространства и свободы, превращая его в винтик цифрового общества и подчиняя ряду требований цифровой культуры, главным из которых выступает полная цифровая идентичность. В целом можно выделить три уровня цифрового контроля в зависимости от реализуемой им степени цифрового рабства: начальный, базовый и тотальный.

Начальный уровень цифрового контроля связан с понятием цифрового следа как совокупности всей деятельности человека в сети Интернет. Эта информация никуда не исчезает, но хранится на серверах тех компаний, чьи сервисами человек пользуется. Любые цифро-

вые гаджеты собирают информацию о своем владельце, эта опция зачастую включена в них по умолчанию. Потом данная информация анализируется маркетинговыми службами компаний с целью выявления предпочтений клиента, исправления ошибок в приложениях и трансляции ему контекстной рекламы. Также начальный уровень цифрового контроля проявляется в необходимости формирования пользователем сети своей цифровой идентичности. В цифровом обществе невозможно что-либо сделать, не будучи зарегистрированным во множестве связанных друг с другом сервисов, особенно если речь идет о получении государственных услуг и финансовых операциях. Банки и ритейлеры знают о нас все: от продуктов и вещей, которые мы покупаем, до точного времени нашей активности и наиболее частых маршрутах. Включенная геолокация, участие в программах лояльности, скидках и акциях являются эффективными инструментами начального уровня цифрового контроля.

Базовый уровень цифрового контроля связан с использованием системы видеонаблюдения за обществом. К нему относятся камеры видеонаблюдения за нарушениями, как ПДД, так и с системой распознавания лиц, также данный контроль включает в себя использование биометрии в качестве кода доступа к данным и различным объектам. Этот уровень цифрового контроля способствует реализации социального контроля и самоконтроля, предотвращая многие правонарушения, и активно используется как на государственном, так и частном уровнях.

Тотальный цифровой контроль выступает гипотетической моделью развития техники и является предметом острых философских дискуссий. На этом уровне обсуждаются проблемы технологической сингулярности и постчеловечества, трансгуманизма и чипирования человека, восстания машин и киборгизации. Сегодня существуют технико-технологические предпосылки для осуществления данного уровня цифрового контроля, реализующиеся в Китае в виде системы социального кредита. Миллионы повсеместно установленных видеочкамер с модулями распознаванием лиц и сканирования тела ежесекундно оценивают поведение граждан КНР на предмет лояльности к государству. При законопослушном поведении количество кредитных единиц возрастает, что дает гражданину ряд пре-

имущества и поощрений (кредиты по низкой процентной ставке, возможность устроить ребенка в престижный детский сад и т.п.), в противном случае количество кредитов уменьшается, и человек экономически загоняется в тупик, выход из которого возможен только при изменении принципов мышления и поведения. Весь процесс происходит полностью в автоматическом режиме с участием технологий искусственного интеллекта, который и выносит решения о начислении/списании кредитных баллов.

По мнению Р. Ф. Мустафина с соавторами, китайская модель цифрового контроля существенно ограничивает права граждан, так как противоречит не только Международному пакту о гражданских и политических правах, но и Конституции КНР, без достаточных оснований собирая обо всех информацию и заранее вынося вердикт о возможной будущей виновности того или иного человека. Причем баллы доверия передаются по наследству детям и с рождения определяют их как законопослушных граждан или потенциальных нарушителей без права реабилитации [3, с. 90–92]. Согласно В. А. Эпштейну, Е. В. Чистякову, с 2020 г. система социального кредита стала еще и карательным инструментом государства, наказывая скрывших факт посещения зон на земном шаре с высоким уровнем Covid-19 [4, с. 95]. Искусственный интеллект постоянно анализирует все действия граждан КНР в реальном и виртуальном мирах и на основе полученных данных решает их дальнейшую судьбу, тем самым устранив понятия свободы и личного пространства из жизни китайцев.

Заключение

Анализ феномена цифрового контроля позволяет заключить, что любое совершенствование его технологий лишает человека части свободного жизненного пространства. Этот процесс сопровождается, по мнению А. С. Линникова, вступлением в противоречие с правами и свободами человека и гражданина, превращая человека из субъекта права в объект цифрового контроля и управления [5, с. 291–292]. Развитие цифровизации успешно борется с анонимностью, приватностью, конфиденциальностью и неприкосновенностью частной жизни, стирая всякие грани между частным и публичным,

под предлогом профилактики девиантного поведения. В цифровом обществе не место аналоговой или обычной (физической) свободе, которая предполагает полную независимость от наблюдателя, выбор деятельности, право не быть порабощенным или заключенным, а также право на личную неприкосновенность и свободу передвижения. В нем может существовать только свобода цифровая, под которой следует понимать беспрепятственное осуществление цифровых коммуникаций и операций в любой точке пространства. Именно для реализации цифровой свободы нужны базовые станции сотовой связи стандартов 5G (20 Гбит/с) и 6G (1 Тбит/с), спутники глобальной системы связи (например, Starlink), чипирование головного мозга с подключением к сети Интернет и искусственному интеллекту (проекты Neuralink и Нейронет).

Как отмечает Ю. И. Соколов, современный человек целенаправленно идет к вырождению, вследствие его добровольного слияния с машиной и сознательному отвержению природы (то есть всего естественного) [8]. Превращая себя в киборга, человек трансформируется в постчеловека, утрачивая приоритет естественного над искусственным. Киборг априори не может быть свободным, так как развитие техники исторически (с первой промышленной революции) лишает человека свободы, полностью подчиняя себе. Киборг постоянно будет объектом тотального цифрового контроля, будет зависеть от качества имплантированных в него технических устройств, нуждаться в своевременном обслуживании их или замене, поручив свое существование (жизнью такое назвать нельзя) компаниям-разработчикам.

Таким образом, вопрос о реализации цифрового контроля представляет собой проблему баланса между уровнем цифрового контроля и степенью обычной свободы. Тотальный цифровой контроль приведет к полному отсутствию физической свободы и цифровому рабству, а начальный уровень позволит максимально уединиться и почувствовать себя относительно ненаблюдаемым. Главная проблема заключается в том, что ученое человечество до сих пор ориентируется на сциентистскую научную парадигму, восхваляющую научно-технический прогресс и все блага, которые он способен дать. Работа над совершенствованием цифровых тех-

нологий на основе искусственного интеллекта, одновременно осуществляющаяся учеными всего мира, и планомерное их внедрение в повседневность ведет не только к становлению эпохи тотального цифрового контроля, но и к эпохе постчеловечества.

Список литературы

1. Руцин Д. А. Проблемы цифрового контроля в современном мире // Война и мир в Отечественной и мировой истории : материалы Международной научной конференции : в 2 т. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб., 2020. С. 525–529. EDN: QGYVMF
2. Юшков И. В. Развитие цифровой системы контроля над обществом в России // Власть. 2021. Т. 29, № 5. С. 53–57. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8532>
3. Мустафин Р. Ф., Мустафина С. А., Абазов И. В. Цифровой контроль в Китае как средство ограничения гражданских прав // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: юридический сетевой электронный научный журнал. 2018. № 4 (7). С. 85–93. EDN: YTEVJZ
4. Эпштейн В. А., Чистякова Е. В. Система социального кредита КНР как область применения технологии искусственного интеллекта // Современные востоковедческие исследования. 2020. № 27. С. 193–196. EDN: OPLUML
5. Линников А. С. Цифровой правовой контроль как новая цивилистическая категория // Вестник Пермского университета: юридические науки. 2024. № 2 (64). С. 289–310. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-64-289-310>
6. Соколов Ю. И. Риски человека в цифровую эпоху // Проблемы анализа риска. 2021. Т. 18, № 2. С. 72–87. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-2-72-87>

References

1. Rushchin D. A. Problems of digital control in the modern world. In: *Voyna i mir v Otechestvennoy i mirovoy istorii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2 t. Posvyashchaetsya 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [War and Peace in National and World History. Proceedings of the International scientific conference: in 2 vols. Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. St. Petersburg, 2020, pp. 525–529 (in Russian). EDN: QGYVMF
2. Yushkov I. V. Development of a digital system of control over society in Russia. *Vlast' [Power]*, 2021, vol. 29, no. 5, pp. 53–57 (in Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8532>
3. Mustafin R. F., Mustafina S. A., Abazov I. V. Digital control in China as a means of restricting civil rights. *Kubanskoe agentstvo sudebnoy informatsii PRO-SUD-123.RU: Yuridicheskiy setevoy elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Kuban Agency of Judicial Information PRO-SUD-123.RU: Legal online electronic scientific journal], 2018, no. 4 (7), pp. 85–93 (in Russian). EDN: YTEVJZ
4. Epshteyn V. A., Chistyakova E. V. PRC social credit system as a field of application artificial intelligence technologies. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya* [Modern Oriental Studies], 2020, no. 27, pp. 193–196 (in Russian). EDN: OPLUML
5. Linnikov A. S. Digital legal control as a new civil category. *Vestnik Permskogo universiteta: yuridicheskie nauki* [Perm University Herald: Juridical Sciences], 2024, no. 2 (64), pp. 289–310 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-64-289-310>
6. Sokolov Yu. I. Human risks in the digital age. *Problemy analiza riska* [Issues of Risk Analysis], 2021, vol. 18, no. 2, pp. 72–87 (in Russian). <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-2-72-87>

Поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 25.09.2025; approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

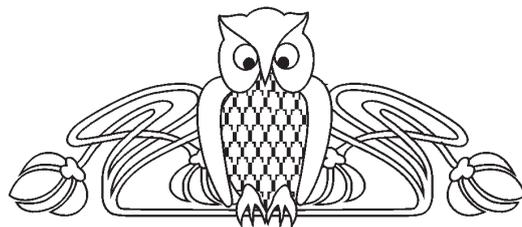

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 9–12
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 9–12
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-9-12>, EDN: EIAPPE

Научная статья
УДК 141.319.8

Дискурс трансгрессии как путь к возрождению Субъекта

С. К. Макаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Макаров Сергей Константинович, аспирант кафедры философской антропологии, struin2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9574-3358>

Аннотация. Введение. Современная философия столкнулась с кризисом Субъекта. Становится актуальным вопрос «Кто приходит после субъекта?». Автор считает, что говорить о Субъекте необходимо, чтобы отстоять Человека как самодетерминированное бытие, но делать это нужно «по-новому». Для того чтобы ответить на вопрос, как следует мыслить Субъекта в современной философии, автор обращается к дискурсу трансгрессии. **Теоретический анализ.** Концепт трансгрессии раскрывается через понятие Зверя как своего Иного человека с опорой на философию Ж. Батая. Трансгрессия осуществляет возврат к природному, но опосредованно, сугубо «человеческим» способом. Автор связывает концепт трансгрессии с понятиями бессознательного, подлинности и метаноии. Обосновывается точка зрения, согласно которой трансгрессия есть способ обретения подлинности существования. По мнению автора, трансгрессия осуществляет перестройку онтологических оснований субъекта на новых началах. Показывается, что дискурс трансгрессии дает основания для объяснения условия возможности развития субъекта в процессе переопределения им собственных оснований. Раскрывается роль бессознательного в процессе трансгрессии. Указывается, что благодаря трансгрессии происходит расширение зоны возможного для субъекта. **Заключение.** Автор приходит к выводу, что обращение к дискурсу трансгрессии позволяет возродить в философии фигуру Субъекта.

Ключевые слова: трансгрессия, Субъект, бессознательное, Зверь, метаноия, подлинность

Для цитирования: Макаров С. К. Дискурс трансгрессии как путь к возрождению Субъекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 9–12. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-9-12>, EDN: EIAPPE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The discourse of transgression as a way to the revival of the Subject

S. K. Makarov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Sergei K. Makarov, struin2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9574-3358>

Abstract. Introduction. Modern philosophy is faced with a crisis of the Subject. The question “Who comes after the subject?” becomes relevant. The author believes that it is necessary to talk about the Subject in order to defend a Human as a self-determined being, but it needs to be done “in a new way”. In order to answer the question of how the Subject should be thought of in modern philosophy, the author turns to the discourse of transgression. **Theoretical analysis.** The concept of transgression is revealed through the concept of the Beast as one’s Other of a person based on the philosophy of G. Bataille. Transgression brings about a return to the natural, but indirectly, in a purely “human” way. The author connects the concept of transgression with such concepts as unconscious, authenticity and metanoia. The author substantiates the point of view that transgression is a way of gaining authenticity of existence. According to the author, transgression carries out the restructuring of the ontological foundations of the subject on a new basis. It is shown that the discourse of transgression provides grounds for explaining the condition for the possibility of the subject’s development in the process of redefining his own foundations. The role of the unconscious in the process of transgression is revealed. It is indicated that due to transgression, the zone of possibility for the subject expands. **Conclusion.** The author comes to the conclusion that the appeal to the discourse of transgression makes it possible to revive the figure of the Subject in philosophy.

Keywords: transgression, Subject, unconscious, The Beast, metanoia, authenticity

For citation: Makarov S. K. The discourse of transgression as a way to the revival of the Subject. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 9–12 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-9-12>, EDN: EIAPPE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Если для классической философии XVI–XVIII вв. характерна гносеологическая ориентация в вопросе о том, как мыслить субъект, то в XIX–XX вв. происходит смещение поиска оснований субъектности в субъективных феноменах, таких как смысл, аффект, экзистенция, бытие-в-мире. Появление и становление трансгрессивной проблематики в философии нельзя рассматривать в отрыве от той роли, которую трансгрессия играет в процессах конституирования человеческой субъективности. Дискурс трансгрессии определяет новое направление гносеологических поисков: не к познанию внешних вещей мы должны стремиться, но к самопознанию. Таким образом, вектор философских поисков перемещается извне вовнутрь. Позже философия заявит тезис о смерти субъекта и задаст вопрос, кто приходит после него [1]. Однако, как заметит Деррида, «“субъект”, не будучи «ликвидированным», все-таки оказался реинтерпретированным, смещенным, децентрированным» [1, с. 14]. Трансгрессия выступает тем способом, которым субъект задает себе новые основания, таким образом возвращая фигуру Субъекта в поле современной философии. Классический когитальный декартовский субъект приказал долго жить, на смену ему пришел субъект трансгрессирующий, субъект-самость.

«Человек, <...>, – это изобретение недавнее. И конец его, может быть, недалек», – писал М. Фуко [2, с. 487], говоря о том, что новая философия работает не с видимостью – человеком, но стоящими за ним и определяющими его структурными априори – эпистемами. Однако подобный структуралистский подход, элиминирующий человека как не необходимую сущность, без которой вполне можно обойтись, если бы мы воспользовались бритвой Оккама, идет против самых живых людей, их субъективности и субъектности, редуцируя их к тем объективным структурам, в которые они включены. Мы считаем, что явление трансгрессии дает возможность говорить о субъекте «по-новому», находя основания для объявления реальными тех структур субъективности, которые не имеют причины вовне его, но вытекают из реальности внутреннего мира самого субъекта.

Теоретический анализ

По словам Ж. Батая, в трансгрессии происходит возвращение к животной природе человека, но специфическим «человеческим» способом: Зверь как свое Иное дан человеку не непосредственно, но опосредован сознанием [3]. Батай противопоставляет сакральное (снятое звериное) «головокружительно опасное» начало «ясно-профанному миру, где располагается излюбленное местопребывание человечества» [4, с. 64]. Акт трансгрессии предполагает снятие запрета и приобщение к сакральному. Нам кажется необходимым дополнить и развить теорию трансгрессии Батая таким понятием, как бессознательное. Бессознательное мы понимаем не в том значении, в котором о нем говорит основатель психоанализа З. Фрейд, как колодец вытесненных желаний, но как часть человеческой субъективности, скрытую от сознания и, при определенных условиях, о которых речь пойдет дальше, способную дать сознанию новые основания, «переопределить его». Роль бессознательного, как мы полагаем, глубоко позитивна, обогащает субъекта энергетикой и смыслами, в которых он нуждается. Эта точка зрения имеет место быть, например, в аналитической и экзистенциальной психологии [5, с. 224; 6, с. 22]. Далее, необходимо говорить в связи с трансгрессией также о подлинности, или аутентичности, что также имеет место быть в экзистенциальной психологии [6, с. 154]. Не лишним будет также обратиться к понятию онтологической уверенности [7, с. 33] – способности субъекта контактировать с миром и Другим на основании глубинного ощущения ценности и реальности своего Я¹. Именно Я (самость) человека позволяет ему быть собой в мире, быть аутентичным, проживая подлинную жизнь. Аутентичный человек способен совладать с социальным стрессом, отстаивать свою позицию и интересы, и в целом быть здоровее и счастливее тех людей, жизнь которых детерминирована чем-то иным, чем они сами [8, р. 386–387].

Трансгрессию нужно мыслить как событие приобщения к своему Я, контакт со своим

¹ «Он [человек] может чувствовать себя скорее не-субстанциональным, чем субстанциональным, и неспособным допустить, что вещество, из которого он сделан, подлинное, добротное и ценное», – писал Р. Лэйнг об онтологически неуверенных людях [7, с. 36–37].

бессознательным и обретение подлинности. В трансгрессии происходит контакт со своей звериной, генетически заданной стороной субъективности, что позволяет ощутить подлинную энергию самости. Человек, как отмечает Батай, представляет собой единство профанного (трудового, «дневного») и сакрального (яростного, «ночного») начал [3, с. 549]. В трансгрессии осуществляется их сплав, проникновение в сакральное, и – здесь мы расходимся с позицией Батая – не происходит «отката» к привычному профанному мироощущению, но создается новое профанное, более подлинное и аутентичное. Это уже другая логика, соответствующая позиции М. Фуко – трансгрессия преодолевает уже не *запрет*, а *предел* [9, с. 117]. Профанное существование субъекта ограничено пределами, задающими область возможного. Трансгрессия – переход через предел. Как трансгрессия – «невозможный» переход – оказывается возможной? Посредством приобщения к Бессознательному – своей внутренней сокровищнице [10, с. 95]. Основным событием трансгрессии является метанойя – изменение сознания [11]. Трансгрессия разрывает бытие человека на «до» и «после».

Субъект преодолевает в трансгрессии собственный предел, задавая себе новые онтологические основания. Старая опора рушится, на ее место встает новая. Трансгрессия не может мыслиться как последовательный переход, это всегда разрыв. Обычно в развитии человека мы имеем дело с последовательным переходом: качество А переходит в A_1 , A_1 в A_2 и т.д. Но никакое A_n не может дать нам совершенно иное качество В. Трансгрессия означает коренную перестройку субъекта, изменения способа мышления, мироотношения и мировоззрения.

Теория трансгрессии имеет непосредственное отношение к проблеме кризиса развития [12, с. 102], являясь условием возможности его преодоления. Трансгрессия обогащает субъект новыми возможностями, предлагая человеку «третий путь», который был ему ранее недоступен в силу ограниченности «шорами сознания» [13, с. 127]. Сознание позволяет человеку существовать в реальности, ставить цели и задачи, осуществлять планирование. Сознание функционирует во времени и действует последовательно, сукцессивно, будучи конечным. Бессознательное же, как отмечает М. Бланко, представляет собой бесконечное

множество [14, р. 161]. Сознание руководствуется законом исключенного третьего: А либо В, в бессознательном же действует принцип $A=B$, все равно всему и все связано со всем [14, р. 353]. Благодаря указанной специфике, бессознательное в акте трансгрессии трансформирует сознание – старый субъект (назовем его субъектом «А») заменяет новый (назовем его субъектом «В»). Конечно, мы исходим из принципа тождества личности: «А» есть снятая форма «В». Петр остается Петром, он знает кто он, однако его сознание переконструировано на новых началах. Зона возможного для него расширена. Представим это следующим образом: $A-A_1-A_2-A_n$ – трансгрессия – $B-B_1-B_2-B_n$ (цепочка продолжается по аналогии).

Трансгрессия представляет собой выколотую точку, изъятый из непрерывности Бытия момент, в который происходит определение Бытия посредством Ничто. Это самое Ничто, которое нам не дано, но каким-то образом существует (иначе преодоление предела не было бы возможным), в какой-то момент (очевидно, что мы не можем его отследить), вмешивается в бытие-Dasein, разрывая его и отделяя субъекта от самого себя. Субъект, конечно, не перестает быть собой, его сознание остается непрерывным. Трансгрессия – это не «перезапуск» сознания по типу того, что субъект его теряет, а затем обретает заново. Феноменологически во внутреннем опыте субъекта изменения его сознания происходят последовательно, трансгрессия же осознается им постфактум, когда она уже произошла. Сам момент трансгрессии, вмешательства Ничто, субъекту не дан, как и не дано вообще ничто помимо Бытия.

Заключение

Итак, мы изложили свое понимание трансгрессии как процесса задания субъектом собственных оснований. Дискурс трансгрессии позволяет возродить фигуру Субъекта в философии, продемонстрировать ее значимость и неустранимость, так как без нее человек оказывается утерян в структурах внешнего – языка, культуры, общества, эпистемы – чего угодно, кроме себя самого. Строя дискурс трансгрессии, мы возрождаем концепт Субъекта на новых началах, подобно тому, как в самой трансгрессии субъект возрождает на новых началах самого себя.

Список литературы

1. Нанси Ж.-Л., Деррида Ж. Кто приходит после субъекта // Художественный журнал. 2020. № 115. С. 13–33.
2. Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 488 с.
3. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. С. 489–705.
4. Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. С. 49–105.
5. Юнг К. Г. Отношения между Эго и Бессознательным // Юнг К. Г. Аналитическая психология. М. : АСТ, 2023. С. 149–359.
6. Мэй Р. Возникновение экзистенциальной психологии // Теория и практика экзистенциальной психологии / под ред. С. Римского. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2015. С. 5–47.
7. Лэйнг Р. Д. Расколотое Я. СПб. : Белый Кролик, 1995. 352 с.
8. Wood A. M., Linley P. A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. Vol. 55, № 3. P. 385–399. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.55.3.385>
9. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб. : Мифрил, 1994. С. 111–132.
10. Руднев В. П. К новой теории бессознательного // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 94–99. EDN: NBPGNV
11. Laing R. D. Metanoia: Some Experiences at Kingsley Hall // Going Crazy: The Radical Therapy of R. D. Laing and Others. N.Y. : Bantam Books, 1972. P. 11–22.
12. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 352 с.
13. Руднев В. П. Механизмы жизни. Белград : Филологический факультет Белградского университета, 2008. 182 с.
14. Blanko M. I. Unconscious as Infinite Sets : An Essay in Bi-logic. L., Duckworth, 1998. 502 p.
- 1989, no. 20, pp. 91–114. (Russ ed.: Moscow, Art Magazine, 2020, no. 115, pp. 13–33).
2. Foucault M. *Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*. Paris, Gallimard, 1966. 405 p. (Russ. ed.: Moscow, Progress, 1977. 488 p.).
3. Bataille G. *L'Érotisme*. Paris, Éditions de Minuit, 1957. 306 p. (Russ. ed.: Moscow, Ladimir, 2006, pp. 489–705.).
4. Bataille G. *Théorie de la religion*. Paris, Gallimard, 1973. 85 p. (Russ. ed.: Moscow, Ladimir, 2006, pp. 49–105).
5. Jung C. G. *Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewußten*. Darmstadt, Reichl, 1928. 207 p. (Russ. ed.: Moscow, AST, 2023, pp. 149–359).
6. May R. The Emergence of Existential Psychology. In: May R., ed. *Existential psychology*. N. Y., Random House, 1961, pp. 11–51 (Russ. ed.: Moscow, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2015, pp. 5–47).
7. Laing R. D. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Baltimore, Penguin Books, 1965. 228 p. (Russ. ed.: St. Petersburg, Belyy Krolik, 1995. 352 p.).
8. Wood A. M., Linley P. A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S. The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journal of Counseling Psychology*, 2008, vol. 55, no. 3, pp. 385–399. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.55.3.385>
9. Foucault M. Préface à la transgression (en hommage à Georges Bataille). *Critique*, 1963, no. 195–196, pp. 751–770 (Russ. ed.: St. Petersburg, Mifril, 1994, pp. 111–132).
10. Rudnev V. P. To a New Theory of the Unconscious. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2010, no. 3, pp. 94–99 (in Russian). EDN: NBPGNV
11. Laing R. D. Metanoia: Some Experiences at Kingsley Hall. *Going Crazy: The Radical Therapy of R. D. Laing and Others*. New York, Bantam Books, 1972, pp. 11–22.
12. Erikson E. H. *Identity, youth, and crisis*. New York, W. W. Norton, 1968. 340 p. (Russ.ed.: Moscow, Flinta, 2006. 352 p.).
13. Rudnev V. P. *Mekhanizmy zhizni* [The Mechanisms of Life]. Belgrad, University of Belgrade Faculty of Philology Publ., 2008. 182 p. (in Russian).
14. Blanko M. I. *Unconscious as Infinite Sets: An Essay in Bi-logic*. London, Duckworth, 1998. 502 p.

References

1. Derrida J. “Il faut bien manger” ou le calcul du sujet. *Entretien* (avec J.-L. Nancy). Cahiers Confrontations,

Поступила в редакцию 03.05.2025; одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 03.05.2025; approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 13–21
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 13–21
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-13-21>, EDN: ELYFKS

Научная статья
УДК 1(470+571+430)(09)+791

«Новое Средневековье» Н. Бердяева и В. Беньямина: кинематографические импликации

А. В. Марков¹, О. А. Штайн²✉

¹Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620075, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51

Марков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства, markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Штайн Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>, AuthorID: 585434

Аннотация. Введение. Философские тексты Н. А. Бердяева отличаются кинематографичностью, что отражает его метод мышления, основанный на визуальной целостности и монтажном принципе построения смысла. Сам Бердяев отмечал, что ключевые идеи его работ рождались под влиянием кинематографа, а не традиционных форм искусства. Литературная метафоричность его текстов укоренена в опыте статичности кинозрителя. **Теоретический анализ.** В статье исследуются, как кинематографические приемы (контраст, монтаж, псевдочитирование) структурируют тексты Бердяева, создавая эффект непосредственного переживания идей. Антитеатральность философа противопоставляется театральности советских гуманитарных концепций (Бахтин, Выготский), где знание конструируется через диалог с «публикой». Бердяев же избегает литературной условности, опираясь на кинематографическую условность, которая парадоксальным образом раскрывает безусловность свободы. Его кинематографическая увлеченность оказывается способом сопоставления различных культур и вычленения сущности свободы. **Заключение.** Сравнение с Вальтером Беньямином показывает, что оба мыслителя видели в кинематографе инструмент преодоления линейного времени и буржуазного конформизма искусства. Однако если Беньямин анализирует средневековый формализм как утраченную семиотику, то Бердяев интерпретирует его как аскетическую работу духа, близкую к режиссерскому аскетизму. Кинематограф для Бердяева – не просто метафора, но метод философствования, альтернативный театральной иллюзии.

Ключевые слова: «Новое Средневековье» Н. Бердяева, кинематографичность, монтаж, антитеатральность, Вальтер Беньямин, философия свободы, визуальная эпистемология

Для цитирования: Марков А. В., Штайн О. А. «Новое Средневековье» Н. Бердяева и В. Беньямина: кинематографические импликации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 13–21. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-13-21>, EDN: ELYFKS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Medieval futures in Berdyaev and Benjamin: Cinematic thought and the “New Middle Ages”

A. V. Markov¹, O. A. Shtayn²✉

¹Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow 125993, Russia

²Ural Federal University, 51 Lenin Ave., Yekaterinburg 620075, Russia

Alexander V. Markov, markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Oksana A. Shtayn, shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Abstract. Introduction. N. A. Berdyaev’s philosophical texts are characterized by cinematic qualities, reflecting his thinking method based on visual integrity and montage-like construction of meaning. Berdyaev himself noted that the key ideas of his works were inspired by cinema rather than traditional art forms. The literary metaphoricity of his texts is rooted in the experience of the staticity of a cinema-goer. **Theoretical analysis.** The article explores how cinematic techniques (contrast, montage, pseudo-quotation) structure Berdyaev’s texts, creating an effect of immediate intellectual experience. His anti-theatricality is contrasted with the theatricality of Soviet humanitarian concepts (Bakhtin, Vygotsky), where knowledge is constructed through dialogue with an “audience”. Berdyaev, however, rejects literary conventions, relying instead on cinematic conventions that paradoxically reveal the unconditionality of freedom. His cinematographic engagement serves as a method for juxtaposing

diverse cultures and distilling the essence of freedom. **Conclusion.** A comparison with Walter Benjamin shows that both thinkers saw cinema as a tool to overcome linear time and bourgeois artistic conformism. Yet, while Benjamin analyzes medieval formalism as a lost semiotics, Berdyaev interprets it as an ascetic labor of the spirit, akin to directorial restraint. For Berdyaev, cinema is not merely a metaphor but a philosophical method alternative to theatrical illusion.

Keywords: "New Middle Ages" of N. A. Berdyaev, cinematic thinking, montage, anti-theatricality, Walter Benjamin, philosophy of freedom, visual epistemology

For citation: Markov A. V., Shtayn O. A. Medieval Futures in Berdyaev and Benjamin: Cinematic Thought and the "New Middle Ages". *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 13–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-13-21>, EDN: ELYFKS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Философские тексты Николая Бердяева, несмотря на их очевидную литературную природу, обладают ярко выраженной кинематографичностью – не только в метафорическом, но и в структурном смысле. Сам Бердяев неоднократно подчеркивал, что целостные концепции его книг рождались у него не за письменным столом, а в кинозале, где монтаж кадров и динамика визуальных образов подсказывали ему форму философского высказывания. Эта особенность ставит вопрос о том, как именно кинематографическое мышление повлияло на его метод и можно ли рассматривать его работы как своеобразный «философский монтаж», противопоставленный традиционным формам академического письма.

Не менее важен контекст антитеатральности Бердяева: его критика театра как искусства масок и приспособленчества резко контрастирует с его же восхищением кинематографом, который он воспринимал как инструмент трансценденции, прорыва за пределы обыденности. В этом он оказывается удивительно близок к Вальтеру Беньямину, который также видел в кино средство разрушения буржуазных условностей и линейного времени. Однако если Беньямин анализировал кинематограф с позиций марксистской критики, то Бердяев встраивал его в свою метафизику свободы – что позволяет говорить о разных способах философской «кинематографизации» мысли.

Теоретический анализ

Многие тексты Н. А. Бердяева отличаются повышенной кинематографичностью: сам философ называл кино источником вдохновения для себя. «Целостный план одной моей книги пришел мне в голову, когда я сидел в кинематографе» [1, с. 124]. Уже из этой реплики мы

понимаем, что литературное или живописное вдохновение не могло дать такого целостного плана, оно давало увлекательные наблюдения, напряженно вело к отдельным темам, переживаниям и рассуждениям. Тогда как целостная и радикальная концепция производилась только кинематографом.

В автобиографии Бердяев упоминает кинематограф, глядя на него с точки зрения не идеологий, но форм досуга. Для него прогулка, кинематограф или разговор мог быть равно вдохновляющим для организации повествовательного целого. Все названные им формы досуга, вдохновенного времяпрепровождения, разделяют с кинематографом диегетичность – детализацию, вызванную требованиями повествования, а не отражением наиболее вероятных причинно-следственных связей в вещественном мире. Появление детали оказывается важно для впечатления от фильма, а не для свидетельства о способности камеры это зарегистрировать.

В немом кино диегетические решения преобладали над недиегетическими, направленными на формирование особого отношения зрителя к происходящему на экране. Звуковое кино ввело недиегетическую музыку для настроения, равно как и темп, определяемый натуральным звуком. В повседневной жизни мы не воспринимаем движение так, как оно происходит на экране; обычно нам кажется, что идущий к нам человек идет очень быстро – и такое повседневное восприятие больше отвечает динамизму и бойкости немом кино, чем натурализму звукового. Крупные планы, цитатность, замедленность, любезные *синефилам* детали – всё, что стало отличать послевоенное европейское кино, – всё это было возвращением к диегетической необходимости детали после некоторого документального натурализма, который как раз казался предельно неестественным: крупный план появляется не потому, что

он вызывает больше эмоций (сильные эмоции должно вызывать всё в фильме), но потому что это часть подробного рассказа, герой должен предъявить свое лицо крупным планом, чтобы мы прочитали, например, его (героя) сомнения.

Звуковое кино Бердяев, вероятно, смотрел, но воспринимал его не как театр, а как такую же диегетическую реальность, как прогулку и общение, где все создается ритмом рассказа, любое наблюдение встроено в возможность рассказать о нем. Такая диегетичность и была существенна для его философской прозы, где нужно было показать не особенности нашего натурального переживания, но способность сопрягать понятия и опыты как необходимые, для получения такого убедительного знания о происходящем, которое и способно сфокусировать на себе внимание.

Ближе к концу автобиографической книги Бердяев сопоставляет кинематограф и литературу как механизмы *непосредственного переживания*, в отличие от переживания за рабочим столом, которое всегда опосредуется привычками, предрассудками или неотрефлексированными обыкновениями именно так, а не иначе действовать: «Моя оценка романа связана со способностью автора заставить меня войти в свой мир, иной, чем окружающая постылая действительность. Я всегда очень живо переживаю жизнь героев романов, которые читаю. Я люблю кинематограф, потому что он создает иллюзию, уводящую меня от действительности, но огорчаюсь, что так редко бывают хорошие фильмы. С особенной любовью перечитываю я русскую литературу XIX века и всегда получаю от нее поучение» [1, с. 352]. Парадоксальным образом романное и кинематографическое воображение создает поучительную целостность – при этом Бердяев недоволен преобладанием развлекательных кинолент.

Эти замечания Бердяева существенны для понимания его метода. Если кинематограф – это не объект наблюдений, но особая конструкция, которая создает сами условия целостного наблюдения, в отличие от членищего или лабораторного наблюдения в быту, за рабочим столом, во время привычной или экспериментальной фиксации социальных данных, то тогда и сам метод Бердяева – метод, стоящий ближе не к производству текстов и суждений, но к кинематографическому монтажу. Рассуждение оказывается мизансценой, и как всякая мизанс-

цена подразумевает наличие режиссера, так и здесь – любой вывод о действительности подразумевает, что есть глубинная, основательная свобода, в которой только действительность и может предстать как сцена, и мысль тоже может разыграть себя как живая мысль. Сами порядки действительности и порядки мысли для Бердяева условны, и эта условность доказывает безусловный характер глубинной свободы, бездны первичного события.

В классических работах о Бердяеве П. П. Гайдено [2] и В. В. Бычкова [3] по-разному оценивается такая целостность плана, ведущая к признанию первичной безосновной свободы. Если Гайдено настаивает на гностических, революционных и даже романтико-демонических истоках бердяевской концепции абсолютной свободы, первичной бездны как структурообразующего начала всего бытия, то Бычков видит в этой же концепции теургический панкультурализм – бытия и природы по-настоящему нет, потому что всё в конце концов есть творческий порыв.

Некоторые из кинематографических приемов, такие как представление философских споров в качестве мизансцен («внутрикадрового монтажа»), по российской киноведческой терминологии), контрасты, эмоциональная напряженность, опознаются сразу в любом тексте Бердяева, может быть, за исключением самых ранних. Кинематографическое здесь оказывается не просто способом привлечь читателей в мире, в котором динамика жизни и переживания повседневности меняются, но способом обобщения, не сводимым к инерции прежних философских текстов.

По густоте использования кинематографических приемов не для создания образа современности, динамики современной жизни, но для формирования образов предыдущих эпох, Бердяев сопоставим только с Вальтером Беньямином. Беньямин создавал различные формы экспрессионистской прозы, как научной, так и художественной и эссеистической, но везде краткость выражения, отказ от привычных сравнений и сопоставлений в пользу интеллектуальных жестов, олицетворение интеллектуальных тенденций – всё выдавало, что Беньямин – человек эпохи кинематографа.

И Бердяев, и Беньямин – мыслители эпохи кризиса. Бердяев говорил об объективации духа, Беньямин – об отчуждении в марксистском

смысле. Они оба по-разному приветствовали кино, как способное преодолеть прежний конформизм искусства, те аспекты традиционности, которые оборачиваются конформизмом. Кроме того, оба настаивали на необходимости разрыва линейного времени ради революционного искупления по Беньямину или реализации драмы свободы по Бердяеву. А кроме кинематографа, ни одно искусство не дает разрыва линейного времени: редактирование литературных произведений происходит скрыто, за дверями кабинета редактора, и потому не может быть исполнением времен здесь и сейчас.

Любовь к кинематографу усиливалась у Бердяева как раз из-за некоторой неприязни к театру. На актерское искусство он смотрел как на некоторое приспособление к обстоятельствам, поэтому с иронией говорит в «Самопознании» о поведении Вяч. Ив. Иванова [1, с. 282], человека, много сделавшего для театра, как ведшего себя двусмысленно по отношению к большевикам. Так же он как крайне неприятную толкует склонность обновленческого епископа Антония к ярким жестам, своеобразную его сценичность [1, с. 292]. Нужно заметить, что епископ Антоний был автором реформы церковного пространства, полностью отвечавшей развитию авангардного театра – он предлагал поставить престол в центре храма, для снятия четвертой стены. Но антитеатральность Бердяева, конечно, была укоренена в его антропологии. Если человек уже есть – зачем ему еще грим и маска?

Недоверие Бердяева театру продолжает позицию В. В. Розанова, который в памфлете «Актер» (1909), вызвавшем большую полемику [4], переписал работу актера как самоопустошение – актер симулирует роли, надевает маски, так что со всех сил стремится к перевоплощению и масочности, не оставляя никакого духовного содержания себе. Театральный актер Розанова – это не просто приспособленец, это тот, кто приспособливается к случайным обстоятельствам с большим удовольствием. Такой образ актера, находящего удовольствие в легком надевании масок, потом не раз встречался в критике театра с позиций литературного производства, где литература как бы должна казаться честнее, например, в стихотворении Льва Лосева «Записки театрала».

Контекстом такого недоверия становится как раз движение театра в 1910-е и 1920-е

годы к укоренению в текущих, имманентных социальных и эстетических практиках: появление этнических театров, передвижных агитационных театров, понимание пантомимы и танца как аутентичного языка театра внутри «шестого чувства авангарда» [5], аутентификация театрального реквизита (постановки Мейерхольда) и десятки других тенденций, которые превращали театральную эстетику в текущую эстетику жизни. При всем многообразии версий театральной антропологии [6] для Бердяева все эти версии находились за границами его понимания культуры как необходимой тоски по трансцендентному, где любое укоренение понимается как обмирщение, как не просто появление застывших форм, но как эксплуатация этих застывших форм.

Как и положено в немом кино или нуаре, Бердяев использует контраст как основной прием выстраивания образа, например: «Бенвенутто Челлини может быть назван язычником XVI века; он совершает самые ужасные преступления, характерные для его века, он кладет печать на свое время. Но этот же Бенвенутто Челлини остается христианином. В замке св. Ангела его посещает религиозное видение» [7, с. 161]. Дается тезис, кстати, преувеличенный, ничего ужасного Челлини не совершал, дрался в пределах допустимых тогда конфликтов – и дальше как бы приближение героя к камере, так что мы понимаем, что ему было видение. Это типичный контраст, резкие черты, разрешающиеся в том, что герой поворачивается к зрителю.

Другой прием, также относящийся к немому кино, это вставка цитаты без перехода к цитате, например: «К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же древней библейской темы в поте лица своего добывать хлеб свой» [7, с. 109] – библейская и революционная цитата никак не выделяется, она просто довершает мизансцену, чего именно требует герой, повернувшись к зрителю, посмотрев на зрителя, – зритель вспоминает цитату и тем самым убеждается и в какой-то правоте героя.

Такое признание правоты героя может даваться не через цитату, а через псевдоцитату, формулировку, когда речь идет о Христе: «В раздвоенных образах Кватроченто достигается глубокое познание судьбы человека в христианский период истории и дается великий опыт того, в

каких пределах возможна игра творческих сил человека, принадлежащего к христианскому периоду мировой истории. После явления Христа, после дела искупления, невозможно уже осуществление творчества в формах античного имманентного совершенства» [7, с. 164]. Кино, конечно, противоположно античному совершенству, и «античное имманентное совершенство» – это псевдоцитата в духе Винкельмана или Гёте, но совсем не цитата. Такой переход к псевдоцитате и создает образ правоты обернувшегося к нам Богочеловека.

Эти три приема, *контраст*, *смазанная цитата* и *псевдоцитата*, соответствуют эстетике экспрессионистского кинематографа. Контрасту отвечает частый и воспринятый *нуаром* вплоть до наших дней прием постепенного затемнения, заставляющий видеть обычное освещение как особо контрастное и яркое, и тем самым драматизировать происходящее, ускоренно переходя от поступков к внутренним переживаниям. Смазанная цитата без перехода соответствует *голландскому углу*, установке камеры наискосок, благодаря чему достигался тотально диегетический эффект – дело не в том, как что происходит, а что всё произошедшее попало в рассказ, стало частью пережитого. В наши дни существует диегетическое селфи – девушка снимает себя в зеркале наискосок, строя загадочный рассказ о себе: отразив себя в реальном зеркале, она отражает себя в мысленном зеркале пережитого. Наконец, псевдоцитата напоминает рисовку в экспрессионистском кинематографе, *калигаризм*, когда на стенах павильона декораторы прописывают фонари, тени, уличную обстановку. Калигаризм должен был создать впечатление тождества вещи и ее тени, и тем самым оправданности непредсказуемого развития событий и душевной жизни. Бердяев искусно комбинирует все три приема, чтобы сделать пережитое не частью отрешенного исследования, но необходимой частью духовного опыта, в котором любой поступок оправдан внутренним переживанием.

По тонкому замечанию Аверинцева, в трудах Бердяева не хватает точки с запятой, то есть взвешенности и рассмотрения с разных сторон проблемы, под разными углами зрения. По свидетельству О. А. Седаковой: «В устном разговоре С.С., рассказывая о своем отношении к Бердяеву, говорил, что читать Бердяева ему всегда мешало отсутствие в его писаниях одного

пунктуационного знака: точки с запятой. Знака взвешенности и самообладания» [8, с. 186]. По свидетельству М. Л. Гаспарова, Аверинцев отмечал: «Равномерная перенапряженность и отсутствие чувства юмора вот чем тяжел Бердяев» [9, с. 168]. Оба суждения как бы изымают Бердяева из привычного литературного производства, всегда ориентированного не только на публику, но и на догадливость, светское остроумие читателя, который в конце концов и определяет «судьбу книг». На самом деле, в труде «Смысл истории» точка с запятой употреблена 271 раз, что много для такого небольшого текста, хотя и менее частотно, чем в «Поэтике ранневизантийской литературы» Аверинцева. Но у Бердяева это не знак самовозражения, а повторения уже сказанного более подробно, как бы разворота всей мизансцены к зрителю. То есть Аверинцев руководствуется привычками кулешовско-эйзенштейновского монтажа, тогда как Бердяев еще говорит о монтажном производстве без прибавления смысла, только через оперирование переживанием времени.

Здесь нужно заметить, что антитеатральность Бердяева как раз противоположна театральности диалогических концепций советской гуманитарной науки, которые и получили всемирное признание уже в эпоху кибернетики – концепций М. М. Бахтина и Л. С. Выготского. Именно эти великие исследователи превратили театрификацию жизни в философии Серебряного века в определенный принцип организации вообще любого гуманитарного или герменевтического знания. Знание в гуманитарных науках тогда может быть, когда оно что-то делает с публикой, привыкшей к театру. Когда мы читаем «Психологию искусства» Выготского, ставшую благодаря А. Р. Лурия и Вяч. Вс. Иванову достоянием всей мировой науки, то должны понимать, что эта книга сначала существовала в виде лекций на курсах по переподготовке учителей. Это учительницы выбирали для разбора басни Крылова и «Легкое дыхание» Бунина, потому что театральны ко всему подходили, отождествляли себя со Стрекозой и Олей Мещерской [10]. Выготский во всей своей книге исходит из буржуазной театральности, которую он оспаривает через допущение того, что в поведении Гамлета есть что-то заведомо невозможное, онтологически невозможное, и при этом правдивое как искусство, в искусстве и в правде, которую нам дает искусство.

Как в книге «Смысл истории» [7], так и в брошюре «Новое Средневековье» [11] Бердяев отстаивает по сути одну мысль: средневековая культура уже была Возрождением. Она заключала в себе Возрождение не как собственную возможность, а как единственное свое содержание, как единственную возможность быть христианской. Но историческое Возрождение потерпело неудачу, дух буржуазности оказался сильнее, идеализация мира не произошла. То есть идеализация мира возможна как горизонт действия средневековых механизмов, как экран, как своеобразный фильм, который средневековая культура смотрит о самой себе, но не как литература или театр, который неизбежно будет потакать буржуазной эмоциональности.

Реконструкция интеллектуальных контекстов концепций Средневековья и Возрождения в Серебряном Веке [12] показывает, что прежде всего это было переописанием современной истории и попыткой уклониться от беллетристического соблазна в пользу некоторой особой, сдержанной интеллектуальной работы. Или, проще говоря, уклониться от случайных эмоций в пользу режиссирования фильма, систематического производства. По сути, все черты, которые Бердяев описывает как черты «нового Средневековья»: экономия ресурсов, почти протоэкологическая, аристократизм духа, иерархичность принятия решений, отказ от партий и газет с их иллюзорными страстями – это описание производства фильма, где режиссерская воля требует сдержанности от всех участников процесса, самоотверженности и создания. Одна из черт этого «нового Средневековья» – отказ от духа мегаполисов [13, с. 120], с их суетой и театром иллюзий, и предпочтение Риму Флоренции, где можно проследить Возрождение в его зарождении, т. е. проследить мизансцену, а не социологически учитывать ее результаты.

Но как раз такой же подход использует Вальтер Беньямин в своем эссе «О Средневековье» [14, S. 132–133]. Беньямин – человек эпохи экспрессионистского кинематографа, который использовал сходные приемы в своей прозе, порождая тематические предпочтения: и ускорение аргументации, и исследование власти вещей, и понимание культуры как постоянного переключения от внутреннего опыта к переживанию пространства, и понимание любого пространства и времени как искусственного

(культурного, подчиненного власти культуры) и уже созданного кем-то – без чего не понять Беньямина, без того не понять и экспрессионистский кинематограф. Приводим эссе Беньямина полностью в нашем переводе в приложении.

Как и Бердяев, Беньямин говорит о формализме Средневековья, т. е. об иерархии, сдерживающей производство смыслов и иллюзий. Только Беньямин понимает это в смысле отказа от богатой античной мифологической семиотики, а Бердяев – в смысле особой работы духа, которая просто не отвлекается на нимф и других существ. Бердяев смотрит на кино как бы с точки зрения режиссера и оператора, которому не нужно отвлекаться, Беньямин как бы сидит в зале и смотрит на то, что попало в кадр, а что в кадр не попало.

Так же, как и для Бердяева, для Беньямина Боттичелли и ранние городские коммуны оказываются в центре внимания, – благодаря особой нежности, недовренности, но также кадрированию и духовно напряженному вниманию, в котором уже нет театральности в расхожем смысле, создания иллюзий, каждая из которых претендует на полное объяснение мира. Упрощение хозяйства и при этом усложнение духовной жизни, что Бердяев считает принципом «нового Средневековья», и соответствует той жеманной (*geziert*, можно было бы переводить это слово как *аффицированный*) фантастике, т. е. возможности доводить до экстаза не только себя (такой экстаз грозит прельщением, срывом в театральность), но и весь экран жизни, весь орнамент ее, не мотивированный уже мифологией.

Некоторая рваность стиля Бердяева, постоянные повторения и обрывы фраз, которые производят на некоторых читателей впечатление утомительности, соответствует ранним формам монтажного перехода, когда самым простым был переход при нулевом монтаже – когда камера останавливается, человек входит в кадр и оказывается внутри кадра внезапно. В современном киноведении этот монтажный переход рассматривается как частный случай диегетического (т. е. мотивированного сюжетом, например, сюжетом сказочной повести) исчезновения или появления – вопрос здесь именно не в технике и технических ограничениях, но в диегетических задачах кинематографа, рассказать в том числе чудесную историю [15]. Все выделенные Е. В. Сальниковой

особенности диегетического исчезновения и появления: сохранение голоса, удержание эффекта навязчивого присутствия, эффективность в соединении с общей концепцией универсума как чудесного и способного породить новые чудеса – всё это есть в текстах Бердяева. Только в кино это служило большей убедительности использования актерских амплуа и реквизита, показывая и предъявляя квалифицированному зрителю, что это не какие-то выбранные произвольно из реальности для съемки люди и вещи, но закономерная часть диегетического развития.

Тогда как Бердяев создавал другую убедительность – убедительность текста и в устном, и в письменном исполнении, и в пересказе, и в памяти. Схожая убедительность есть в системе Беньямина, но только выражается другими словами, ключевыми для культуры, а не экзистенциально переживаемыми в потоке опыта, прежде всего, знаменитым и всем известным понятием *аура*. Бердяев хотел, чтобы его тексты не были привязаны к какому-то одному медиуму, но соотносились с разными надежными медиумами и тем самым выигрывали в убедительности. Тогда философская проблема в них решена и большими, и малыми средствами – и теми, которые мы внимательно отслеживаем при чтении, и теми, которые мы помним как афоризмы. Афористичность Бердяева напоминает о работе каскадеров в раннем кино, которые, привлекая внимание как искусственных, так и неискусственных зрителей подлинностью своих трюков, держат на себе атмосферность фильма и его запоминаемость. Фильм на тебя воздействует и спустя много времени после просмотра, а не просто принимается как ситуативное развлечение.

Заключение

Ключевой для кинематографических интуиций обоих мыслителей, Бердяева и Беньямина, оказывается тема «нового Средневековья» – эпохи, где, по Бердяеву, аскетизм и иерархия духа заменяют хаос модерна. Интересно, что эту эпоху оба описывают через визуальные метафоры: для Бердяева это как бы «экран» христианской эсхатологии, для Беньямина – как бы «кадры» постоянно утрачивающей себя средневековой семиотики.

Исследование кинематографических аспектов философии Бердяева и Беньямина демонстрирует, что их тексты – не просто отражение эпохи кино, но сознательное использование его языка. Для Бердяева монтаж, контраст и крупные планы идей становятся инструментами передачи опыта свободы, тогда как Беньямин видит в кино средство деконструкции традиционных нарративов. Различие их подходов – метафизического и критического – подчеркивает, что кинематографичность в философии может принимать разные формы, но всегда связана с отказом от линейной логики в пользу образной целостности.

Антитеатральность Бердяева, противопоставленная театральности советской гуманитаристики (Выготский, Бахтин), указывает на конфликт между двумя моделями производства смысла: диалогической, требующей «зрителя», и кинематографической, утверждающей автономию авторского видения и, в конце концов, автономию свободы. При этом «новое Средневековье» у обоих мыслителей оказывается не возвратом в прошлое, а проектом будущего, где кинематограф – вопреки его массовой природе – становится технологией трансцендирования.

Приложение / Appendix

Эссе В. Беньямина «О Средневековье» (перевод А. В. Маркова, О. А. Штайн) W. Benjamin's essay "About the Middle Ages" (translated by A. V. Markov, O. A. Stein)

«Фридрих Шлегель в характеристике духа средневекового усматривает отрицательный момент сей эпохи в безграничном устремлении к Абсолютному, что в искусстве проявляется как жеманная фантазия, а в философии и теологии схоластики – как не менее жеманный рационализм. Азиатский дух также отмечен безудержным погружением в Абсолютное в философии и религии.

Но пропасть лежит меж ним и духом Средневековья. При крайней величине формы ему чуждо жеманство. Глубочайшее различие его от духа Средневековья в том, что он имеет Абсолютное, из коего развёртывает язык форм, как мощнейшее содержание. Дух Востока обладает подлинными содержаниями Абсолютного, что явствует уже из единства религии, философии, искусства, а главное – из единства религии и жизни.

Часто говорят, что в Средние века религия владела жизнью. Но, во-первых, владычицей была Экклези́я (греч. – церковь), а, во-вторых, меж властвующим и подвластным началом всегда есть раз-

деление. Для духа Средневековья характерно, что устремление к Абсолютному, чем радикальнее, тем формальнее. Огромное мифологическое наследие античности ещё не утрачено, но мерка для его реальной основы отсутствует, и остались лишь впечатления от его мощи: кольцо Соломона, философский камень, сивиллины книги.

Формальная идея мифологии – дарующее силу, магическое – живо для Средневековья. Но в нём сила сия не может быть законной: церковь уничтожила своих ленных господ, богов. Здесь – один из истоков формалистического духа эпохи. Она ищет власть над о-раз-боженной природой окольным путём, творит магию без мифологической основы. Возникает магический схематизм.

Сравните магическую практику античности со средневековой в области химии: античная магия употребляет вещества природы для зелий и мазей, имеющих определённую связь с мифологическим царством природы. Алхимик же ищет – хоть и магическим путём – но что? золото.

То же с искусством. Оно рождается с орнаментом из мифического. Азиатский орнамент мифологически насыщен, готический же стал рационально-магическим. Он действует, но на людей, не на богов. Возвышенное должно являться как высокое и высочайшее. Готика даёт механическую квинтэссенцию возвышенного – высокое, стройное, потенциально бесконечно возвышенное. Прогресс автоматичен.

Та же глубокая, тоскующая, разбоженная внешность лежит ещё в живописном стиле немецкого раннего Возрождения и Боттичелли. Жеманство сей фантастики рождается из формализма. Где он хочет открыть доступ к Абсолютному, там оно уменьшается в масштабе, и как развитие готического стиля было возможно лишь в тесноте средневековых городов, так и лишь при мировоззрении, которое, конечно, по абсолютной мерке было меньше, чем античное, даже чем наше.

В зрелом Средневековье античное мировоззрение было уже во многом забыто, и в сём уменьшенном мире, что остался, родились схоластический рационализм и самосжигающая тоска готики».

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж : YMCA-Press, 1949. 378 с.
2. Гайдено П. П. Мистический революционаризм Н. А. Бердяева // Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993. С. 5–19.
3. Бычков В. В. Теургическая эстетика Николая Бердяева // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. М. : ИФ РАН, 2005. Вып. 1. С. 39–66.
4. Руднев П. А. Театральные взгляды Василия Розанова. М. : Аграф, 2003. 368 с.
5. Сироткина И. Е. Шестое чувство авангарда // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125). С. 30–42. EDN: SGTTBV
6. Сироткина И. Е. «How can we know the dancer from the dance?»: Антропология движения и танца // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 16–30. EDN: ZEKKJB
7. Бердяев Н. А. Смысл истории. Париж : YMCA-Press, 1969. 272 с.
8. Седакова О. А. Рассуждение о методе // Новое литературное обозрение. 1997. № 5 (27). С. 177–190.
9. Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
10. Марков А. В. Искусствоведческие ключи к русской литературе: Выготский и современные дискуссии // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 2 (38). С. 35–43. EDN: DQUXCW

11. Бердяев Н. А. Новое средневековье. Берлин : Обелиск, 1924. 143 с.
12. Матвейчев О. А. Третий Ренессанс или Новое Средневековье? Русский Серебряный век о Возрождении // Логос. 2024. Т. 34, № 2 (159). С. 271–284. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-2-271-284>, EDN: JPXSYD
13. Кусенко О. И. «Во Флоренцию я влюблен». Н. А. Бердяев, флорентийское кватроченто и тайна творчества // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2024. Т. 25, № 3. С. 117–128. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2024.4.4.009>, EDN: KMCFAJ
14. Benjamin W. Gesammelte Schriften. II, I / Herausgegeben von Rolf Tiedemann und Hermann Schweppenhäuser. Berlin : Suhrkamp Verlag, 1991. 1540 S.
15. Сальникова Е. В. Диететическое исчезающее/невидимое в немом кино и его корни // Наука телевидения. 2022. Т. 18, № 1. С. 49–78. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.1-49-78>, EDN: AHXXIA

References

1. Berdyaev N. A. *Samopoznaniye (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (The Experience of Philosophical Autobiography)]. Paris, YMCA-Press, 1949. 378 p. (in Russian).
2. Gaydenko P. P. The Mystical Revolutionism of N. A. Berdyaev. In: Berdyaev N. A. *O naznachanii cheloveka* [On the Destiny of Man]. Moscow, Respublika, 1993, pp. 5–19 (in Russian).

3. Bychkov V. V. The Theurgic Aesthetics of Nikolai Berdyaev. In: *Estetika: Vchera. Segodnya. Vsegda* [Aesthetics: Yesterday. Today. Always]. Moscow, IF RAN Publ., 2005, iss. 1, pp. 39–66 (in Russian).
4. Rudnev P. A. *Teatral'nyye vzglyady Vasiliya Rozanova* [Theatrical Views of Vasily Rozanov]. Moscow, Agraf, 2003. 368 p. (in Russian).
5. Sirotkina I. E. The Sixth Sense of the Avant-garde. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2014, no. 1 (125), pp. 30–42 (in Russian).
6. Sirotkina I. E. “How can we know the dancer from the dance?”: Anthropology of Movement and Dance. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2017, no. 3 (145), pp. 16–30 (in Russian).
7. Berdyaev N. A. *Smysl istorii* [The Meaning of History]. Paris, YMCA-Press, 1969. 272 p. (in Russian).
8. Sedakova O. A. Discourse on the Method. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1997, no. 5 (27), pp. 177–190 (in Russian).
9. Gasparov M. L. *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2001. 416 p. (in Russian).
10. Markov A. V. Art Historical Keys to Russian Literature: Vygotzky and Contemporary Debates. *Bulletin of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs. Series: Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 2 (38), pp. 35–43 (in Russian).
11. Berdyaev N. A. *Novoye srednevekov'ye* [The New Middle Ages]. Berlin, Obelisk, 1924. 143 p. (in Russian).
12. Matveychev O. A. Third Renaissance or the New Middle Ages? Russian Silver Age on the Renaissance. *Logos*, 2024, vol. 34, no. 2 (159), pp. 271–284 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-2-271-284>, EDN: JPXSYD
13. Kusenko O. I. “In Love with Florence”. N. A. Berdyaev, the Florentine Quattrocento, and the Mystery of Creativity. *Review of Russian Christian Academy for Humanities*, 2024, vol. 25, no. 3, pp. 117–128 (in Russian). <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2024.4.4.009>
14. Benjamin W. *Gesammelte Schriften. II, I*. Ed. by Rolf Tiedemann and Hermann Schweppenhäuser. Berlin, Suhrkamp Verlag, 1991. 1540 S.
15. Salnikova E. V. Diegetic Invisible/Vanishing in Silent Cinema and its Origins. *The Art and Science of Television*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 49–78 (in Russian). <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.1-49-78>

Поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 22–26

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 22–26

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-22-26>, EDN: FOLLZV

Научная статья

УДК 004.738.5:1

О причинах сложности задания исчерпывающего определения технологии Интернет

П. А. Петров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Петров Павел Андреевич, аспирант кафедры философии и методологии науки, petrov.pa@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4335-2201>

Аннотация. Введение. Статья посвящена затруднениям, связанным с заданием универсального определения технологии Интернет, применимого для любого исследовательского контекста без дополнительных пояснений. **Теоретический анализ.** С использованием общенаучных методов кабинетных исследований (кросс-референтный анализ источников, интерпретационный анализ текста), методов концептуального и сравнительного анализа приводятся два ключевых затруднения, в связи с которыми в направлении формирования универсального определения Интернета не возникает продуктивного решения: сравнительная историческая новизна технологии, по причине которой отсутствует окончательно закреплённый в исследовательском поле язык описания; а также расширяющаяся интеграция Интернет-технологий в социальные практики в сочетании с постоянно расширяющимися возможностями Интернета, трансформирующими способы взаимодействия с цифровыми устройствами в связи с техническими, социокультурными, экономическими, политическими изменениями. Показано, что история развития компьютеров имеет прямое влияние на историю технологии Интернет, однако непосредственно для Интернета важна не полная история информатики и электронно-вычислительных машин, а ограниченный появлением у ЭВМ конкретных технических возможностей период. **Заключение.** Даже абстрагированное от социального контекста «техническое» определение Интернета требует прояснения составляющих его частей. Задав определение Интернета «технического» формата, нами выделяются проблемные места и сложности их интерпретации, способные изменить описательную направленность термина «Интернет», открывая проблемные зоны для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Интернет, Глобальная Сеть, технология, компьютер, граница, история Интернета, электронно-вычислительная машина, цифровое устройство

Для цитирования: Петров П. А. О причинах сложности задания исчерпывающего определения технологии Интернет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 22–26. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-22-26>, EDN: FOLLZV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the reasons for the complexity of the task of exhaustive definition of Internet technology

P. A. Petrov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Pavel. A. Petrov, petrov.pa@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4335-2201>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the difficulties associated with setting a universal definition of Internet technology applicable to any research context without additional explanations. **Theoretical analysis.** Using general scientific methods of desk research, such as cross-reference analysis of sources and interpretive text analysis, as well as methods of conceptual and comparative analysis, two key difficulties are presented, due to which there is no productive solution in the direction of forming a universal definition of the Internet: the comparative historical novelty of the technology, due to which there is no definitive language of description in the research field; as well as the expanding integration of Internet technologies into social practices, coupled with the ever-expanding capabilities of the Internet, which are able of radically changing the ways of interacting with digital devices in connection with socio-cultural, economic, and political responses to changes. It is shown that the history of computer development has a direct influence on the history of Internet technology, but it is not the complete history of informatics and electronic computers that is important for the Internet itself, but the period limited by the appearance of specific technical capabilities of computers. **Conclusion.** Even abstracted from its social context, a “technical” definition of the Internet requires clarification of its constituent parts. Having defined the Internet in a “technical” format, we highlight problem areas and difficulties in their interpretation that can change the descriptive focus of the term “Internet”, opening up problem areas for further research.

Keywords: Internet, Global Network, technology, computer, border, Internet history, electronic computer, digital device

For citation: Petrov P. A. On the reasons for the complexity of the task of exhaustive definition of Internet technology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 22–26 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-22-26>, EDN: FOLLZV
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Несмотря на устоявшуюся терминологию [1], в зависимости от контекста обсуждения и постановки вопросов об Интернете, он может пониматься как техническая инфраструктура, как средство связи, как платформа для удалённых взаимодействий, как инновационный бизнес-инструмент и т.д. Подобные определения могут эффективно работать для решения узких исследовательских задач или выступать теоретическими основаниями конкретных экономических, социальных или политических решений, но они не претендуют на статус исчерпывающих, поскольку их описательный ресурс не достаточен для охвата всех аспектов взаимного влияния Интернета и социума. Невозможность достаточного описания сущности Интернет-инфраструктуры в рамках одного научно-исследовательского термина содержится, на наш взгляд, в двух ключевых причинах: сравнительная историческая новизна технологии и скорость интеграции Интернета в социальные практики в сочетании с увеличением вариативности интеграции.

Теоретический анализ

Возникновение Интернет-исследований (Internet studies), являющихся одним из флагманов изучения трансформации общества под влиянием информационных технологий, можно датировать не ранее, чем 1990-ми годами, поскольку лишь в это время Интернет выходит из режима ограниченной доступности (частично или полностью), попадая в поле коммерческих проектов и личных некоммерческих разработок энтузиастов, и начинается процесс обеспечения доступа к нему максимально широкого круга пользователей [2]. Прототип современного Интернета, серьёзно отличающийся от привычного нам по возможностям и распространённости, но уже содержащий в себе фундаментальные принципы работы данной технологии, на которых базируется современный Интернет, появился в 1969 г. с возникновением сети ARPANET [3]. Такой интерпретации можно возразить, исходя из соображений о неразрывной связи Интернета и разработки компьютеров: основной задачей

Интернета как технологии является обеспечение связи между электронно-вычислительными устройствами, находящимися на различных расстояниях друг от друга. В таком случае вопрос об истории Интернета можно соотнести с историей разработки компьютеров [4], возникновением Computer Science [5] и предысторией современной информатики [6] – начинать отсчёт с появления предшественников компьютеров в XVII–XIX вв.: арифмометр Лейбница появился в 1673 г. [7], а прототип современных ЭВМ – вычислительная машина Ч. Бэббиджа – в 1833 г. [8]. Однако история Интернета – это не история развития математики или электронно-вычислительной техники, создаваемой для выполнения теоретических, т. е. так или иначе абстрагированных расчётов. Интернет создавался для решения конкретной методологической задачи: передачи информации между устройствами, а не для выполнения абстрактных исследований. Безусловно, современный Интернет невозможно представить без компьютеров, как и развитие современных компьютеров до текущего уровня непредставимо без Интернета; однако, если в исследовательском фокусе находится Интернет, его воспроизводство, а также инженерно-технические и социально-регулятивные особенности, то необходимо выделить в истории ЭВМ точку отсчёта, где развитие компьютеров напрямую начало влиять на возникновение Интернета. Все вышеперечисленные устройства являлись аналоговыми: они могли работать с ограниченным набором задач посредством взаимодействия с аналоговыми сигналами, их функционал жёстко предзадан и конструктивно ограничен. Для переключения такой машины на выполнение других операций необходима частичная или полная пересборка устройства: нужно вносить конструктивные изменения каждый раз, когда от аппарата требуется выполнять новые действия. К тому же вычисления, производимые этими аппаратами, выполнялись не в двоичной системе счисления с присущей ей гибкостью и возможностями оптимизации процедур, что увеличивало операционную нагрузку и затрудняло формализацию новых вычислений под логику машины. Наиболее отдалённым во времени устройством, которое можно назвать предшественником сегодняшних компьютеров,

является вычислительная машина Z3 К. Цузе 1941 года [9]. Ключевой конструктивной особенностью Z3 являлась возможность программирования: аппарат работал, руководствуясь не жёстко фиксированными конструктивными предписаниями, а установками программного кода, переписываемого под текущие задачи без необходимости пересобирать вычислительную машину: именно это нововведение повлияет на возникновение привычных нам информационных технологий и цифрового способа передачи информации – где данные содержатся в виде последовательностей сигналов (набор значений которых ограничен) [10] и могут передаваться дискретно, а не сплошным потоком в отличие от аналоговой передачи [11]. Аналоговые способы передачи данных продолжают функционировать и сегодня – к примеру, видеоадаптер VGA (Video Graphics Array) использует аналоговый сигнал для передачи изображений от системного блока к монитору, но сам графический образ, который преобразуется видеокарты из компьютерной памяти, находится там в цифровом виде [12]. Важнейшей характеристикой Z3 и дальнейших ЭВМ стала конструктивно-организационная гибкость: аппарат потенциально мог решать любой набор задач – для этого нужно было придумать формализацию процедуры, чтобы задать логику её поведения, и нарастить мощность, если её не хватало для выполнения той или иной задачи. Потенциал развития компьютера, в сочетании с уже тогда имевшимися вычислительной мощностью и работой с данными различных форматов, предвосхитил его статус в качестве «технологии будущего». Развитие Интернета до масштабов современной глобальной инфраструктуры непредставимо без этого потенциала: возможность взаимного обмена информацией любых сложностей и формата хотя и не выступали ключевой целью при его создании, но оказали важное влияние на темпы его разработки и причины распространения [13]. Интернет возник благодаря сочетанию ряда факторов, связанных с историческим, научно-техническим, социально-политическим контекстами – начиная от задачи создания нового способа связи и заканчивая наличием технических устройств, связь между которыми необходимо будет осуществлять. Таким образом, нет оснований утверждать, что хронология научной и технической истории Интернета превышает столетие.

Масштабы распространения и темпы развития информационных технологий, цифровой социальной среды и Интернет-систем в совокупности с увеличением количества способов интеграции Интернет-технологий в социальные практики периодически превращают те или иные определения в устаревшие. Рост интеграции Интернет-технологий в повседневность в сочетании с возникающими на их основе качественно новыми формами и способами социальных взаимодействий и практик приводит к тому, что в том числе устоявшиеся в исследовательском поле определения и термины, связанные с понятием «Интернет», теряют описательный ресурс, поскольку не охватывают нововведений, присущих актуальным на данный момент и последующим её состояниям. В качестве примера можно сравнить версии Интернета 1975 г. и 2015 г. – повсеместное использование видеоконференцсвязи, являющейся для 2015 г. вполне типичным явлением, реализовать в 1975 г. не представлялось возможным в связи с отсутствием необходимого уровня инфраструктуры и протоколов передачи соответствующих данных.

Претендующим на применимое в любом контексте определением может выступить расшифровка повсеместно используемого слова: «Интернет» (от англ. Internet, происходит от составного термина «Interconnected networks», что дословно переводится как «взаимосвязанные сети» или «Сеть сетей»). То есть Интернет – это система, объединившая различные сети электронно-вычислительной техники в Глобальную Сеть для взаимного обмена информацией и работы с ней в различных форматах. Важно отметить, что дискурс об Интернете возможен как минимум в трёх направлениях: как технологии, где особое место будет отведено её программно-аппаратным компонентам; как об инфраструктуре, на которой базируется «цифровая среда»; как социокультурном феномене, влияющем на человеческие практики. В случае выбора одного из направлений, для того чтобы расширить данное выше «техническое» определение Интернета, следует начать с ответа на три ключевых вопроса.

Что именно объединено. Мы уже указали на нецелесообразность рассматривать историю компьютеров, объединённых с помощью Интернета, ранее, чем с вычислительной машины Z3. Тем не менее, представляется в высшей степени проблематичным сравнивать данное устройство с современными персональными компьюте-

рами. Развитие Интернета и его постепенное превращение в привычный нам вид напрямую связано с конструкторскими успехами и инженерными решениями в области аппаратного обеспечения. Чтобы понять, как развивался Интернет, требуется обратить внимание на то, что он объединял, а значит обратить внимание на историю ЭВМ, совпадающую с периодом зарождения и развертывания Глобальной Сети: это не вся история информатики – это конкретный промежуток, не превышающий столетие, где благодаря совокупности факторов стало возможным появление Глобальной Сети. Практическая значимость данного аспекта огромна: сегодня пользователи сталкиваются с огромным количеством технических новшеств – от умных очков до технологий с применением искусственного интеллекта – нуждающихся в описании и нормативном регулировании.

За счёт чего объединено. Современный пользователь сегодня работает на разных устройствах, отличающихся внешним видом, техническими характеристиками, производителем. Более того, эти устройства по-разному подключаются к Интернету: в типичном случае, для персонального компьютера или ноутбука, используется кабель УТР [14], когда как подключение к Глобальной Сети смартфона или планшета требует поиска Wi-Fi-точки доступа¹. Несмотря на это, с помощью Интернета могут быть связаны не только одинаковые устройства, например, два персональных компьютера, но и:

– устройства одинакового типа, но разных моделей и производителей;

– различные устройства – например, персональный компьютер и смартфон.

Затруднительно отрицать, что Интернет функционирует при определённых условиях посредством набора алгоритмов. За этим тезисом скрывается менее очевидное утверждение: современные устройства в типичном случае содержат набор интегрированных предписаний и конструктивных особенностей, позволяющих им становиться частью вычислительных сетей и подключаться к Интернету. Пользователи работают с программными интерфейсами, но не обращают внимание ни на код программ, ни на инженерно-технический персонал, обслуживающий этот код или аппаратные компоненты продукта (сервера, кабели, ста-

бильность электропитания) до тех пор, пока программа работает, тогда как без этих людей функционирование Интернета затруднительно считать возможным в принципе.

До какой степени объединено. Данный вопрос задаётся в ключе воспроизводства или снятия границ посредством данного объединения. В общем виде границу можно определить как нечто, выступающее разделителем двух других нечто. Указано, что объединены различные компьютерные сети и цифровые устройства. Прояснения требует масштаб объединения: это любое устройство, имеющее соответствующие программные предписания и конструктивные компоненты, или ограниченный набор устройств; это устройства в рамках конкретных локаций и регионов или любой точки мира в принципе. Говорится о «Глобальной» сети, однако даже в бытовом опыте взаимодействия можно услышать фразу «Китайский интернет» [15]. Граница может выступать в качестве не только географического, но и экономического, политического, социально-культурного аспекта: в некоторых регионах мира Интернет из-за дороговизны возведения необходимой инфраструктуры; в разных странах существует список Интернет-ресурсов, доступ к которым ограничен, но у каждой из стран он отличается (КНР, РФ, США и т.д.); далеко не все пользователи поддерживают свободное распространение любой информации, предпочитая сохранять конфиденциальность своих запросов или личных переписок. Таким образом, «всеобщность» Интернета можно признать, лишь принимая во внимание вышеописанные оговорки.

Заключение

Обращаясь к описанным нами затруднениям, следует констатировать, что определение Интернета любой степени нагруженности и взаимосвязанности с не-техническим исследовательским полем нуждается в дополнительном контексте: пояснения, связанные с типом объединяемых устройств, способами их объединения и степенью интеграции, позволяют увидеть «границы» исследовательских контекстов, связанных с технологией Интернет и помогают обратить внимание на вызовы и ответы, привносимые Интернет-технологиями в социальные практики. Было обозначено, что ответ на ключевые вопросы позволяет не только расширить определение Интернета, но

¹ ГОСТ Р 53632-2009. Показатели качества услуг доступа в Интернет. М. : Стандартинформ, 2011. 19 с.

и обеспечить возможность дополнить исследовательский фокус проблемными зонами, очень часто оказывающимися вне научного внимания, несмотря на их теоретическую и практическую значимость.

Список литературы

1. Темурзиев М. Сеть Интернет (легальная дефиниция) // Большая российская энциклопедия, 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/set-internet-legal-naia-definit-siia-05e297> (дата обращения: 06.05.2025).
2. Dutton W. Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field // *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford University Press, 2013. 24 p.
3. Castells M. *The rise of the network society*. Blackwell, 1996. 656 p.
4. Батаев К., Курочкин В. Знакомьтесь, компьютер. М.: Мир, 1989. 240 с.
5. Luk R. Insight in how computer science can be a science // *Science & Philosophy*. 2020. Vol. 8, iss. 2. P. 17–47. <http://dx.doi.org/10.23756/sp.v8i2.53>
6. Грошев А. С. Информатика : учебник для вузов. Архангельск : Арханг. гос. техн. ун-т, 2010. 470 с.
7. Kidwell P., Williams M. *The Calculating Machines: Their history and development*. MIT and Tomash Publishers, 1992. 850 p.
8. Hyman A. *Charles Babbage: Pioneer of the Computer*. Princeton University Press, 1982. 287 p.
9. Петров П. О противоречивости связи истории Интернета и идей Г. В. Лейбница на примере концепции Дж. Смита // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. 2025. № 1. С. 62–65. URL: <https://www.elibrary.ru/ilieeo>
10. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Советское радио, 1968. 326 с.
11. Rojas R. Konrad Zuse's Legacy: The Architecture of the Z1 and Z3 // *IEEE Annals of the History of Computing*. 1997. Vol. 19, № 2. P. 5–16. <https://doi.org/10.1109/85.586067>
12. Wilton R. *IBM Video Hardware and Firmware: Programmer's Guide to PC and Ps/2 Video Systems*. Microsoft Press, 1987. 544 p. <https://doi.org/10.1109/85.586067>
13. Naughton J. *A Brief History of the Future: The Origins of the Internet*. Weidenfeld and Nicolson, 1999. 332 p.
14. Mueller S. *Upgrading and Repairing PCs*. 20th edition. Pearson Education, 2012. 1081 p.
15. Гриффитс Дж. Великий Китайский Файрвол. М.: Бомбора, 2022. 464 с.

References

1. Temurziev M. The Internet (legal definition). *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia], 2022. Available at: <https://bigenc.ru/c/set-internet-legal-naia-definit-siia-05e297> (accessed May 6, 2025) (in Russian).
2. Dutton W. Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field. *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford University Press, 2013. 24 p.
3. Castells M. *The rise of the network society*. Blackwell, 1996. 656 p.
4. Bataev K., Kurochkin V. *Znakom'tes', komp'yuter* [Meet the computer]. Moscow, Mir, 1989. 240 p. (in Russian).
5. Luk R. Insight in how computer science can be a science. *Science & Philosophy*, 2020, vol. 8, iss. 2, pp. 17–47. <http://dx.doi.org/10.23756/sp.v8i2.53>
6. Groshev A. S. *Informatika. Uchebnik dlya vuzov* [Computer science. Textbook for universities]. Arkhangel'sk, Arkhangel'sk State Technical University Publ., 2010. 470 p. (in Russian).
7. Kidwell P., Williams M. *The Calculating Machines: Their history and development*. MIT and Tomash Publishers, 1992. 850 p.
8. Hyman A. *Charles Babbage: Pioneer of the Computer*. Princeton University Press, 1982. 287 p.
9. Petrov P. On the contradictory connection between the history of the Internet and the ideas of G. V. Leibniz on the example of the concept of J. Smith. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofija*, 2025, no. 1, pp. 62–65 (in Russian). Available at: <https://www.elibrary.ru/ilieeo>
10. Viner N. *Kibernetika ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine* [Cybernetics or control and communication in an animal and a machine]. Moscow, Sovetskoe radio, 1968. 326 p. (in Russian).
11. Rojas R. Konrad Zuse's Legacy: The Architecture of the Z1 and Z3. *IEEE Annals of the History of Computing*, 1997, vol. 19, no. 2, pp. 5–16.
12. Wilton R. *IBM Video Hardware and Firmware. Programmer's Guide to PC and Ps/2 Video Systems*. Microsoft Press, 1987. 544 p. <https://doi.org/10.1109/85.586067>
13. Naughton J. *A Brief History of the Future: The Origins of the Internet*. Weidenfeld and Nicolson, 1999. 332 p.
14. Mueller S. *Upgrading and Repairing PCs*. 20th edition. Pearson Education, 2012. 1081 p.
15. Griffiths Dzh. *Velikii Kitaiskii Fairvol* [The Great Chinese Firewall]. Moscow, Bombora, 2022. 464 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 16.05.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 16.05.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 27–31

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 27–31

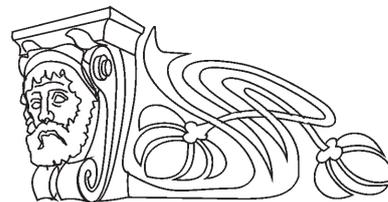
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-27-31>, EDN: FXOFBX

Научная статья

УДК 1:316

Концепция социоматериального дизайна: теоретические и прагматические аспекты. Часть II

М. А. Шаткин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Аннотация. Введение. Во второй части статьи рассматривается роль нарратива в социоматериальном дизайне. Предлагается применять термин «нарратив» к дискурсу, который связывает все четыре уровня дизайна сложных социальных явлений. **Теоретический анализ.** Сегодня термин «нарратив» используется для обозначения высказываний, направленных на обобщение отдельных явлений и событий как проявлений широкомасштабных тенденций. В подобных высказываниях скрывается их манипулятивное происхождение и игнорируются реальные социальные взаимодействия. Нарративы, связывающие все уровни дизайна, представлены в политике наследия. Пример Великого канала показывает многомерную связь канала, опыта взаимодействия с ним в туризме, включение этого опыта в социальные взаимодействия и взаимную связь этих уровней с социальным контекстом прилегающих «культурных мест». Эти уровни интегрируются нарративом «мобильности», связывающим прошлое и настоящее через образ и материальное функционирование канала. Примером создания дизайна культуры как истории взаимных влияний является работа М. Puchner «Culture: The Story of Us», в которой отчетливо показана интегрирующая работа нарратива. **Заключение.** Социоматериальный дизайн как аналитический конструкт и инструмент позволяет вывить разные измерения нарратива в оформлении социальных явлений и может быть использован в критическом анализе дискурсов.

Ключевые слова: дизайн, социоматериальность, нарратив, наследие, политика наследия, идеология

Для цитирования: Шаткин М. А. Концепция социоматериального дизайна: теоретические и прагматические аспекты. Часть II // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 27–31. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-27-31>, EDN: FXOFBX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of sociomaterial design: Theoretical and pragmatic aspects. Part II

M. A. Shatkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Max A. Shatkin, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Abstract. Introduction. This article examines the role of narrative in socio-material design. It is proposed to apply the term “narrative” to the discourse that links all four levels of design of complex social phenomena. **Theoretical analysis.** Today, the term “narrative” is used to refer to statements aimed at generalizing particular phenomena and events as manifestations of large-scale trends. Such statements hide their manipulative origins and ignore real social interactions. Full-fledged narratives linking all levels of design are represented in the politics of cultural heritage. The example of the Grand Canal in China shows the multidimensional connection of the canal, the experience of interacting with it in tourism, the incorporation of this experience into social interactions in major events, and the mutual connection of these levels with the social context of the surrounding ‘cultural places’. These levels are integrated through a narrative of ‘mobility’ that links China’s past and present through the image and material function of the canal. An example of creating a design of culture as a history of mutual influences is M. Puchner’s work “Culture: The Story of Us”, which clearly shows the integrative work of the narrative. **Conclusion.** Sociomaterial design as an analytical construct and a tool reveals different dimensions of narrative in the design of social phenomena and can be used in the critical analysis of discourses.

Keywords: design, socio-materiality, narrative, cultural heritage, heritage politics, ideology

For citation: Shatkin M. A. The concept of sociomaterial design: Theoretical and pragmatic aspects. Part II. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 27–31 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-27-31>, EDN: FXOFBX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Окончание (Начало см: Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 89–94. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-89-94>, EDN: BWSIJU)

Введение

В первой части статьи была сформулирована концепция социоматериального дизайна, который может рассматриваться и как аналитический инструмент, раскрывающий многоуровневую структуру социальных ситуаций, и как аналитический конструкт (модель) сложных, многоуровневых и гетерогенных социальных явлений. Подчеркивалось, что социоматериальный дизайн обладает такими признаками, как проектность, трансформативность, деонтологичность, эвдемоничность и устойчивость, а также наличием четырех взаимосвязанных уровней: материальных объектов (включая знаки); опыта взаимодействия с этими объектами субъектов; интерсубъективных (социальных) взаимодействий, а также социальных институтов, наделяющих смыслом первые три уровня.

Социоматериальный дизайн как аналитический инструмент позволяет дать комплексное описание социально-культурных трансформаций в современном обществе, выявляя недостающие элементы в их дизайне как аналитическом конструкте. Например, описанные французским философом О. Руа факторы трансформации искусства в XX в., – придание жесту (действию) художника большей значимости, чем произведению искусства, включение в искусство «все-го» (включая народные ремесла и коммерческий дизайн), а также формирование арт-маркета, расширяющего границы искусства по экономическим и политическим мотивам [1, р. 50], – могут быть представлены более систематически в рамках социоматериального дизайна культуры. Здесь выделяются в качестве отдельных уровней дизайна действие субъекта-художника как самостоятельного арт-объекта, затем новые формы и правила социальных взаимодействий, имеющих предметом произведения искусства, и, наконец, изменение концептуальных границ, помещающих на карту культуры и искусства новые ландшафты. Однако предложенное описание не включает в себя требования к материальному оформлению произведения искусства (что, скорее всего, невозможно), а также

интеграцию всех уровней в единый смысловой контур таким образом, чтобы было понятно, как нижние уровни получают значение от верхних и, в свою очередь, легитимируют их. Интеграция уровней социоматериального дизайна возможна только в рамках нарратива, который в общем смысле слова понимается как совокупность высказываний, наделяющих объекты, события, опыт и взаимодействия смысловым и ценностным значением, которое возникает внутри конкретного социального (культурного, политического, экономического) контекста. Последний формируется как интегрированная с помощью нарратива совокупность осмысленных объектов, событий, опытов и взаимодействий. В данной статье предлагается раскрытие значения нарратива на примерах использования данного термина, а также анализ нарративного оформления социоматериального дизайна в политике наследия.

Теоретический анализ

1. Функциональное значение нарратива в социоматериальном дизайне

Современная политическая сфера приобрела форму циркуляции в медийном пространстве политически значимого репертуара высказываний и сюжетов, в отношении которых сознательно проектируются не только их содержание и форма, время и каналы распространения, но также реакции и комментарии. Эти высказывания и сюжеты («нарративы») претендуют на оценку и интерпретацию происходящих и прогнозируемых событий, что отличает «нарративы» от драматургических форм политического репертуара, направленных на инициирование скорее эмоциональной, чем рациональной реакции.

Концептуальным источником подобного манипулятивного представления о нарративе являются, с одной стороны, наиболее радикальные теории коммуникации, согласно которым посредник – это сообщение и, с другой стороны, совокупность философских и социологических теорий, подчеркивающих фундаментальное значение коммуникативной рациональности и порой придающих им значение ключевого фактора социальной реальности. Основная теоретическая и прагматическая претензия к данной совокупности теорий сводится к игнорированию того факта, известного повседневной рациональности, что общение

само по себе еще не означает понимание и тем более принятие субъектом воспринятых идей, ценностей и суждений.

Анализ социоматериального дизайна позволяет раскрыть новые аспекты функционирования идеологических и политических высказываний («нарративов»). Будучи сознательно спроектированным объектом, имеющим конкретные инструментальные цели, идеологический «нарратив» принадлежит первому уровню дизайна наряду с другими материальными объектами. В то же время «нарратив» претендует на оценку крупномасштабных социальных событий и тенденций, т. е. на оформление представления о высшем, институциональном контексте. Частью дизайна грамотно составленного «нарратива» является скрытие его спроектированности: он должен выглядеть как «естественно» возникший и отражающий истину. Поэтому неотъемлемой частью политических игр во все эпохи являлось сокрытие корней собственных «нарративов» в тумане мифов, эмоций и возвышенных целей (и, наоборот, разоблачение происхождения нарративов политических соперников из их частных и даже корыстных интересов). Таким образом, первый уровень дизайна политического нарратива одновременно скрывает спроектированность как результат осознанной деятельности авторов (второй уровень дизайна) и статус нарратива как всего лишь материального объекта, а не проекции ценностей и контекстов четвертого уровня. Наконец, всякий нарратив, не относящийся к радикальным призывам и воззваниям, не содержит в себе описания конкретного дизайна социальных взаимодействий, поскольку последние способны разрушить любой абстрактный дискурс вовлечением непредсказуемых социальных и материальных факторов. Так, любой претендующий на респектабельность националистический или либеральный нарратив вынужден игнорировать факты сотрудничества между «правильными» и «неправильными» группами населения, чтобы избежать требований к последовательному соблюдению собственных принципов.

Таким образом, политические «нарративы» представляют собой соединение двух крайних уровней социоматериального дизайна при сокрытии или игнорировании промежуточных уровней. Такой дизайн выражается в тенденции строить широкие обобщения и экстраполяции на основе поверхностно понятых случайных событий и краткосрочных флуктуаций. Однако,

претендуя на определение институционального контекста, подобные «нарративы» являются всего лишь декорациями и дискурсивным орнаментом, самодостаточными мантрами, целиком принадлежащими первому уровню дизайна. Поэтому, при последовательном инструментальном подходе к нарративу, становится возможным говорить о дизайне нарратива, где формирование последнего вписано в контекст ремесленной деятельности [2]. Кроме того, погружение нарратива в поле материальных объектов открывает возможность для смысловой инверсии, когда материальные объекты получают статус высказываний и, например, «негритянская кровь (Negro blood)» тоже может быть «посланием миру» [1, p. 179].

2. Дизайн и нарратив в политике наследия

Сегодня перспективной сферой применения социоматериального дизайна является политика наследия, под которой в широком смысле понимается целенаправленное переосмысление и использование материальных и нематериальных культурных объектов как ресурсов для решения социальных, политических и экономических задач. Необходимость обращения к дизайну обусловливается наличием большого количества материальных объектов, практик (ремесел) и ритуалов, которые потеряли свой первоначальный контекст, но которые важны как символические ресурсы поддержания культурной идентичности либо её создания через реконфигурацию их значений. Наследие с его устойчивой материальной инфраструктурой предоставляет питательную почву для инвестиций в построение комплексного социоматериального дизайна, менее зависимого от влияния технологического развития и политической повестки.

Примером дизайна наследия является соответствующая китайская политика [3, p. 127–139]. Наибольший интерес представляет опыт соединяющего Пекин и Ханчжоу Великого канала, признание которого в качестве объекта всемирного наследия стало основанием для принятия решений, переопределивших значение прошлого, идентичность местных сообществ и перспективы будущего [4]. В данном примере отчетливо выделяются все уровни социоматериального дизайна. Материальность воплощается в самом канале, чьей задачей было связать разные части древнего Китая. При этом он выполняет ту же функцию и сегодня, создавая материальное единство прошлого и будущего. Опыт взаимодействия с каналом оформляется в качестве ту-

ристического путешествия, что оказало обратное влияние на дизайн городских пространств. В Ханчжоу все «непривлекательные» объекты были удалены из поля зрения посещающих город туристов. Управление опытом и впечатлениями гостей региона требует насыщения не только визуального, но и событийного дизайна: в регионе ежегодно проводятся «мегамероприятия», служащие оформлению желаемого дизайна социальных взаимодействий, а именно вовлечения в них наибольшего числа туристов. На институциональном уровне присутствуют разнонаправленные процессы. С одной стороны, обоснование значимости и привлекательности канала, путешествия по нему и участия в культурных мероприятиях коренятся в образе «исторического и культурного места», в котором главными добродетелями (помимо патриотизма и любви к истории) являются вежливость и толерантность. С другой стороны, превращение Ханчжоу в «культурное место» делает его привлекательным для обеспеченных переселенцев, что влечет социальную и пространственную трансформацию города, где всё меньше места остается для простых жителей, ради процветания которых начался процесс «наследизации» Великого канала [4].

Обращаясь к нарративу, оживляющему дизайн Великого канала как объекта наследия, следует задать более широкую перспективу, чем предлагается в [5]. Если основополагающие истории великих наций включают нарратив о мобильности (Древняя Русь как торговый путь «из варяг в греки» и затем продвижение русских первопроходцев до Калифорнии; сопряженная с рисками колонизация американскими пионерами Дикого Запада), то в случае Великого канала этот нарратив связан с коллективной мудростью и трудом простых китайцев, создавших и поддерживавших это сооружение, которое обеспечило мобильность людей, культуры, товаров, идей и инвестиций, и тем самым укрепило политическую и военную консолидацию разных регионов Китая. Соединяя восточное побережье с Великим шелковым путём, Великий канал «включал Китай в доиндустриальную глобальную транспортную сеть, которая сейчас воспринимается как предшественник взаимосвязанности и мобильности настоящего», где Китай также делится своими технологиями и знаниями с окружающим миром [5, р. 1007–1008]. Поэтому Великий канал является не просто достопримечательностью, но одновременно ключевым

элементом инфраструктуры культурного наследия и политической идентичности Китая. Соприкосновение в ходе путешествия с каналом и с порожденными им культурными мероприятиями превращается в условие понимания одновременно древнего наследия и глобального значения данной страны.

Примером нарратива, создающего академический социоматериальный дизайн человеческой культуры, является книга американского философа немецкого происхождения М. Puchner «Culture: The Story of Us» [6]. Следуя своему замыслу – создать такой дизайн мировой культуры, в котором будут видны тонкие нити взаимных культурных влияний сквозь пространство и время, – автор применяет в главах книги устойчивую структуру нарратива. Исходным (но не главным) является материальный объект: археологическая находка, древний дневник, манускрипт, ювелирное изделие, монументальная постройка и т.д., физический и концептуальный дизайн которого подробно описывается с точки зрения замысла и культурного контекста возникновения. Этот объект рассматривается внутри специфического опыта взаимодействия с ним (как правило, в рамках путешествия или непростой жизненной истории) основного персонажа главы. Затем этот опыт описывается как часть более широкой истории социальных взаимодействий, в которые погружен персонаж. И наконец, эта история включается в еще более широкий контекст взаимных влияний и внутренних трансформаций региональных культур. Например, путешествие Сюаньцзана (VII в.) из Китая в Индию за буддийскими текстами включает в себя: буддийские реликвии; опыт взаимодействия с ними путешественника, включая поиск, хранение, перевод и потери; историю путешествия, дающую срез социально-политических отношений в Китае и Индии той эпохи; интерпретацию данной истории как примера культурной мобильности. Последняя не только сохранила буддийские тексты и описание разрушенных позже буддийских святынь в Индии, но также стала примером культурного импорта, который не переоценивает состояние культуры-донора [6, р. 70–83]. Тщательная проработка всех четырех уровней социоматериального дизайна позволяет Puchner строить убедительный нарратив, в который он периодически вкладывает тезис о вторичности и провинциальности западной культуры.

Для демонстрации работы социоматериального дизайна интерес представляют те фрагменты книги Puchner, где он не смог построить целостный нарратив. Описывая опыт взаимодействия Дюрера с привезенным в Европу ацтекским украшением, автор подчеркивает признание Дюрером мастерства исполнения артефакта без необходимости понимания смысла нанесенных на нем знаков. Но следующий уровень дизайна в этом нарративе был пропущен: путешествие Дюрера к императорскому двору за пенсией, в результате которого Дюрер увидел ацтекские изделия, не содержит описания социальных взаимодействий Дюрера, связанных с этими объектами. В результате итоговый вывод, а именно противопоставление массовой печати, ставшей условием популярности гравюр Дюрера, и единичности объектов ацтекского наследия, не содержит в себе в качестве значимого элемента контакт Дюрера с заморскими диковинками. Всё, что мы можем из этой истории узнать – это опосредованная встреча двух гениев, ставшая возможной благодаря преступлениям конкистадоров.

Другими словами, выпадение из нарратива одного из уровней социоматериального дизайна лишает нарратив универсального значения и превращает его лишь в «историю», какой бы глубокой она ни была. Говоря точнее, пропуск какого-то уровня дизайна не позволяет сформироваться полноценному нарративу и тем самым, наоборот, оформить целостный и убедительный дизайн социального феномена.

Заключение

В данной статье на нескольких примерах показано значение нарратива в социоматериальном дизайне. Для социоматериального дизайна как *аналитического конструкта* нарратив является внешним по отношению к дизайну конституирующим фактором, позволяющим соединить разноуровневые явления в новые смысловые и социальные единства. С точки зрения дизайна как *аналитического инструмента* нарратив является сквозным элементом дизайна, осуществляющим соединение и перенос значений и ценностей между разными уровнями явления, а в ряде случаев – имитиру-

ющим отсутствующие связи между уровнями явления. Соответственно, социоматериальный дизайн как аналитический инструмент может быть использован в качестве метода критического анализа политических и идеологических дискурсов, позволяя выделить конкретные фрагменты умалчиваний, фальсификаций и предвзятостей.

Список литературы

1. Roy O. *The crisis of culture: Identity Politics and the Empire of Norms*. Oxford University Press, 2024. 210 p.
2. Li M., Wang L., Li L. Research on narrative design of handicraft intangible cultural heritage creative products based on AHP-TOPSIS method // *Heliyon*. 2024. Vol. 10, iss. 12. Art. e33027. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e33027>
3. Zhu Y., Maags C. *Heritage Politics in China*. London : Routledge, 2020. 172 p.
4. Tsai S.-W. *Heritage Modernity: Heritagization of the Grand Canal and everyday life in Hangzhou, China* [Dissertation]. Berkeley : University of California, 2020. URL: <https://escholarship.org/uc/item/7jj0h5hn>
5. Sigley G., An Z., Song C. Cultural route heritage as mobility narrative: The world heritage inscription of China's Grand Canal // *International Journal of Heritage Studies*. 2024. Vol. 30, iss. 9. P. 997–1009. <https://doi.org/10.1080/13527258.2024.2363824>
6. Puchner M. *Culture: The Story of Us*. New York : W. W. Norton & Company, 2023. 384 p.

References

1. Roy O. *The crisis of culture: Identity Politics and the Empire of Norms*. Oxford University Press, 2024. 210 p.
2. Li M., Wang L., Li L. Research on Narrative Design of Handicraft Intangible Cultural Heritage Creative Products Based on AHP-TOPSIS Method. *Heliyon*, vol. 10, no. 12, art. e33027. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e33027>
3. Zhu Y., Maags C. *Heritage Politics in China*. London, Routledge, 2020. 172 p.
4. Tsai S.-W. *Heritage Modernity: Heritagization of the Grand Canal and everyday life in Hangzhou, China* [Dissertation]. Berkeley, University of California, 2020. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/7jj0h5hn>
5. Sigley G., An Z., Song C. Cultural route heritage as mobility narrative: The world heritage inscription of China's Grand Canal. *International Journal of Heritage Studies*, 2024, vol. 30, no. 9, pp. 997–1009. <https://doi.org/10.1080/13527258.2024.2363824>
6. Puchner M. *Culture: The Story of Us*. New York, W. W. Norton & Company, 2023. 384 p.

Поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 32–36

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 32–36

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-32-36>, EDN: JSYLCL

Научная статья

УДК 165.023.1+165.4

Философская рефлексия в поисках утраченной истины

С. Ю. Анисимова[✉], Т. В. Борисова

Самарский государственный технический университет, Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

Анисимова Светлана Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, anisimova.svietlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9075-9664>

Борисова Татьяна Вадимовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, BorisovaTVa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>

Аннотация. Введение. Актуальность исследования определяется тем, что в программах постклассической рациональности роль истины в познании сведена на нет. **Теоретический анализ.** Исследованы онтологические и гносеологические причины трансформации феномена истины в постклассических программах. Выявлено, что в новой методологии постклассических программ взаимодействие объективности и субъективности в познании определяется границами мыслительного эксперимента, который идеализированно представляет любой природный и технический объект. **Заключение.** Онтологической причиной «исхода» истины является замещение природных процессов искусственно-технологическими. В результате исследуются не характеристики объекта, а выясняются оптимальные условия его проектирования. Гносеологическая причина связана с абсолютизацией методов идеализации, с их помощью описываются любые идеальные объекты, которые моделируются и проектируются. Появляется другая методология в анализе объективности и субъективности в познании, которая определяется границами мыслительного эксперимента, который идеализированно представляет любой природный и технический объект. В программах постклассической рациональности происходит разрушение самого принципа сопоставления знания об объекте с самим объектом. Поэтому исследователь начинает изучать не факты естественного мира, а аналитику собственной процедуры производства знания о знании. В этих процессах истина исчезает из познавательного процесса.

Ключевые слова: истина, функционал научного знания, техносфера, конструирование природной реальности, естественное и искусственное, идеализация объектов, поиски истины

Для цитирования: Анисимова С. Ю., Борисова Т. В. Философская рефлексия в поисках утраченной истины // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 32–36. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-32-36>, EDN: JSYLCL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Philosophical reflection in search of the lost truth

S. Yu. Anisimova[✉], T. V. Borisova

Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443100, Russia

Svetlana Yu. Anisimova, anisimova.svietlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9075-9664>

Tatyana V. Borisova, BorisovaTVa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0200-2949>

Abstract. Introduction. The relevance of the study is determined by the fact that in the programs of postclassical rationality the role of truth in cognition is reduced to nothing. **Theoretical analysis.** The ontological and epistemological reasons for the transformation of the phenomenon of truth in postclassical programs are investigated. It has been revealed that in the new methodology of postclassical programs, the interaction of objectivity and subjectivity in cognition is determined by the boundaries of a thought experiment, which idealizes any natural and technical object. **Conclusion.** The ontological reason for the «outcome» of truth is the replacement of natural processes by artificial and technological ones. As a result, not the characteristics of an object are studied, but the optimal conditions for its design are determined. The epistemological reason is connected with the absolutization of idealization methods, and any ideal objects that are modeled and designed are described with their help. Another methodology appears in the analysis of objectivity and subjectivity in cognition, which is determined by the boundaries of a thought experiment that idealizes any natural and technical object. In the programs of postclassical rationality, the very principle of comparing knowledge about an object with the object itself is destroyed. Therefore, the researcher begins to study not the facts of the natural world, but the analytics of his own procedure for producing knowledge about knowledge. In these processes, truth disappears from the cognitive process.

Keywords: truth, functionality of scientific knowledge, technosphere, construction of natural reality, natural and artificial, idealization of objects, search for truth

For citation: Anisimova S. Yu., Borisova T. V. Philosophical reflection in search of the lost truth. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 32–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-32-36>, EDN: JSYLCL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня в исследовательском поле междисциплинарного дискурса естественных и гуманитарных наук по-прежнему актуальной остаётся проблематика истины. Общеизвестно, что философская рефлексия истины связана не только с анализом разнообразных трактовок истины, но и с выбором собственных методов подтверждения истины, т.е. способов проверки знания, которые презентированы в формах данных чувственного опыта, суждений, интуиции, теории, когнитивных систем. Геополитические, экономические и культурно-ценностные трансформации общества не только изменили привычные устои миропорядка, но и подвели к осознанию того, что в исследовательских программах истины демаркация между знанием и не знанием, знанием и ложью, знанием и иллюзией всё больше приобретает функциональное значение, выступает неким прикладным маркером, на основе которого принимаются те или иные политические решения (политическая практика показала, что на основе иллюзорного или не полного знания принимаются те политические решения, которые приносят ущерб государству и обществу).

Целью данной работы является исследование онтологических и гносеологических причин трансформации феномена истины в постклассических программах. Методом исследования является идеализация, абсолютизация которой приводит к исчезновению истины и анализ избранных философских работ по этой тематике.

В статье делается попытка выяснить онтологические и гносеологические причины «исхода» истины из современного исследовательского поля и пояснить роль метода идеализации и смены функциональной направленности философской рефлексии в этой ситуации.

Теоретический анализ

Известно, что философская мысль, работая с проблематикой истины, представила научному и философскому сообществу известные исследовательские программы истины. Для уточнения представленной нами темы исследования, отражённого в названии статьи, напомним

разработанные исследовательские программы истины. Корреспондентская теория истины или классическая – Аристотель; прагматическая – Ч. Пирс, Д. Дьюи, У. Джеймс; марксистская – К. Маркс; конвенциональная – А. Пуанкаре, Т. Кун; конструктивистская – П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман и др.; интерсубъективная или коммуникативная – Ю. Хабермас; экзистенциальная – С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер и др.; семантическая – А. Тарский. Все вышеперечисленные программные экспозиции истины, работая в рамках классической, неклассической и постклассической рациональности, актуализировали собственные теоретико-методологические установки в исследовании проблематики истины. При этом «конкретика» методологических установок философов, которые работали в условиях лингвистических и антропологических измерений бытия, позиционировалась как научная заявка на легитимное признание своего исследовательского статуса. В результате произошло переосмысление функционала научного знания в познавательной деятельности. Функционал научного знания координирует не аналитику реальной жизни, а направлен на изменение социальной и культурной жизни общества. Другими словами, «функциональный поворот» изменяет содержание процессуальных процедур в познавательной деятельности. Исследователь теперь может отказаться не только от принципа фундаментализма в науке, но и от признания наличности любого субстанционального начала бытия и познания.

Артикулирование функциональной роли знания в освоении мира способствовало появлению тех эпистемологических программ, в которых презентировались новые стратегии работы с научным знанием. В этих программах конверсия объекта и субъекта могла определяться не мыслью о предмете (объекте), а мыслью о тех дискурсивных кодах в фокусе которых изучались механизмы, порождающие культурные смыслы и интерпретации. В этих условиях методология организации научного знания антропологизируется: субъект активно интегрируется в смысловые интерпретации, конвенции, знаковые конструкции и посредством языковых форм позиционирует собственный социально-

культурный опыт, что позволяло ему громко требовать признания своего философского и научного статуса. В исследовательский процесс включаются не только процедуры получения достоверного знания, но и система интерпретирующей активности субъекта, которая представляет собственную ценностно-научную позицию. Известный российский эпистемолог И. Т. Касавин утверждает, что «постнормальная наука не может ориентироваться на объективную репрезентацию фактов мира, её внутренними ценностями являются качество и полнота информации с разных эпистемологических и онтологических позиций. Оценка рассматриваемого возможного решения должно происходить с учётом культурных и моральных перспектив» [1, с. 52]. Таким образом, сложное взаимоотношение между субъектами и объектами познания перемещается в пространство философской научной рефлексии, в котором происходят, по меткому замечанию В. Latour, «... взаимонастройки идей и вещей» [2]. Инвариантность идей и вещи представляет человеку возможность не только быть агентом социального бытия, но и измерять бытие внутри себя, «... пережить бытие в ситуации постижения» [3, с. 157].

Подчеркнём, что в рамках нового «изменённого» взаимодействия объекта и субъекта происходит своеобразное «прощание» как с субъектом, так и с объектом. Философское осмысление этих изменений было представлено, как известно, концептами: «симулякр» (Ж. Бодрийяр), «реальное» (Ж. Лакан), «спектакль/товар» (Г. Дебора), «языковые игры» (Ж. Ф. Лиотар), «возвышенный объект идеологии» (С. Жижек) и др. Но вместе с объектом приходится проститься и с субъектом познания. И если в методологии неокантианцев и марксистов субъект познания представлен в качестве рационально-логической познавательной активности, то в дискурсе постмодерна его эволюция завершается «похоронами» – «смерть автора» (Р. Барт), «конец человека» (М. Фуко), «конец социального» (Ж. Бодрийяр), «эффект угасания аффекта» (Ф. Джеймисон).

Изменение роли объекта и субъекта, их «рассеивание» и «исчезновение» в познавательной деятельности требуют рационального объяснения. На наш взгляд, онтологическим основанием «познавательного исхода» объекта и субъекта при исследовании реального мира является динамика взаимодействия природы, техники и технологий в жизнедея-

тельности общества. Результатом этого взаимодействия стало постепенное, но настойчивое замещение природного мира техносферой. В итоге исследователь получает возможность естественные процессы природы заменить искусственно-технологическими (например, процедура ЭКО, замена натуральной пищевой продукции созданной в лабораторных и искусственных условиях). Известно, что субстанциональной платформой техники является не сам техно-объект, а процедурная сторона его изготовления. Поэтому целеполагание любой технологической процедуры направлено не на работу с объектом как таковым, а с выяснением оптимальных условий его проектирования. С учётом возрастающей роли имитационного компьютерного моделирования в научном познании повысился статус методов идеализации, с помощью которых стало возможным построение идеальных объектов. Оказалось, что система теоретического языка, описывающая идеальные модели, не совпадает с языковой терминологией описания традиционных методов «наблюдение» и «эксперимент». Таким образом, экспликация техносферы в структуру природной среды позволила сформировать новую «методологическую эпистему», в исследовательском поле которой разворачивается собственный дискурс процессуального взаимодействия субъективности и объективности в познании. Пространство их взаимодействия протоколируется границами сконструированного мыслительного эксперимента как идеализированной представленности природного объекта. В процессе идеализации происходит «изящное» замещение естественного искусственным и искусственного естественным. При этом любые объекты реального мира, как природные, так и искусственные, могут существовать в качестве контекстуальных мнений и точек зрения. А уже при должных усилиях самого исследователя, который склонен абсолютизировать контекстуальные или экзистенциальные атрибуты бытия человека, происходит разрушение самого принципа сопоставления знания об объекте с самим объектом. В итоге появляется методологическая установка, направленная не на изучение фактов естественной или искусственной реальности, а на аналитику собственной процедуры производства «знания о знании». Это позволяет исследователю концептуально обосновать необходимость замены онтологической про-

блематики концептами эпистемологических теорий, где активно актуализируются сюжеты социокультурной обусловленности процесса производства знаний, формируются общие платформы знаний, аксиологическая ценность которых определяется культурными и моральными перспективами развития общества. А если учитывать склонность естественнонаучного знания «...к изменению своего содержания и его опровержению...» [4, с. 68–69], то становится понятным уход субъекта познания в экзистенциальные и языковые сферы.

Эти факты позволяют уточнить границы методологических установок, рефлексия которых направлена на понимание причин гносеологического современного «гносеологического поворота» в познавательной деятельности.

Заключение

В результате рефлексивного осмысления вышеизложенного сделаем выводы:

– изменение функциональной направленности знания проявилось в тенденции «сращивания» процесса проектирования и мыслительного конструирования любых объектов, что повышает методологическую роль идеализации как способа презентации объекта в формах языковых практик (текст, интерпретации, суждения и др.);

– наличие многоструктурной связи субъекта и объекта перестаёт быть априорным условием производства знания в познавательной деятельности;

– на первый план выходит инструментальная роль идеализации любых объектов, в процессе которой соотносительность знания объекта с самим объектом «замещается» соотносительностью полученного знания об объекте системой концептов о производстве знания. Указанные факторы наиболее заметно проявляются в социально-гуманитарном познании.

В этих «методологических сюжетах» ускользает не только сам субъект и объект познания, но и исчезают познавательные ориентиры самого знания, корреспондируемого истиной, как содержание знания (в определённых интервалах), тождественное объекту знания. Истина перестаёт быть демаркацией между знанием и незнанием, адекватностью и неадекватностью знания. Она становится или продуктом синтетических концептов или выступает в статусе правды – «...истина на

деле...» [5, с. 36]. Истина «заблудилась» в поисках своего содержания, а в картинах мира постмодернизма и постструктурализма вообще исчезла. Вместе с истиной становится неактуальной проблематика критериев истины – совокупности знаний, с помощью которых можно провести чёткое различие между знанием и заблуждением, иллюзиями и реальностью. В результате исчезновения истины современная философская мысль приходит к печальному выводу: «Критерии истины случайны, сама истина <...> нам не доступна, а наш интеллект слаб и постоянно искажает картину реальности. <...> это надо понять, принять и иметь в виду. И жить дальше» [6, с. 191]. Согласимся – жить дальше необходимо... Но как жить? Выстраивать жизнь без проверенных опытом правил, без научно обоснованных ориентиров, на базе которых выстраиваются научные картины мира, без самого феномена знания, который сберегает от иллюзий и влияния деструктивных религиозных сект? Или, наконец, признаем, что решение проблемы – «... истинные знания необходимо оставить науке будущего» [7, с. 419]. Исходим из посылки, что найденные ответы на поставленные вопросы помогут снова найти истину и вернуть её научный статус в пространство познавательной деятельности. Как было отмечено ранее, теоретические объекты, не являясь объектами реального мира (а только их идеализированными представлениями), согласуются с реальностью только с помощью конкретной картины мира. Но аналитическая возможность подобного согласования или игнорировалось в методологии постклассических исследовательских программ, или конструировалась в качестве инструментария оценочных экзистенциальных и языковых практик.

Из факта, согласно которому нарративы эмоций и бытийности чувств отражают реалии мира, вовсе не следует: «...что мир не поддаётся научному осмыслению» [8, с. 78]. А из того: «...что сущее существует для человека текстуально, вовсе не следует того, что невозможно научное познание истины» [9, с. 110]]. Поэтому вряд ли можно категорично утверждать, что во всех известных неклассических теориях истины принципиально игнорируются традиционные аппозиции: объект-субъект-объект в познании. В неклассической методологии эти оппозиции скорее приобретают предпосылочный характер, а интенция философских рефлексий по-прежнему остается направленной

на анализ истины и её критериев. Так как любое знание, несмотря на изменение своего функционала, носит прагматический характер, направленный на реальность: «т. о. ... изъять объект и объективность из процесса познания не предоставляется возможным» [10, с. 95]. Таким образом, идея соответствия знания самому объекту остаётся как фактор неявного допущения в понимании истины. Истина остаётся, она только на время исчезла из поля философской рефлексии, «запутавшись в дебрях» методологических установок неоклассики. Да здравствует истина!

Список литературы

1. Касавин И. Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М. : Альфа-М, 2013. 560 с. EDN: SJBKAB
2. Latour B. From the world of science to that of research? // *Science*. 1998. Vol. 280, № 5361. P. 208–209. <https://doi.org/10.1126/science.280.5361.208>
3. Тайсина Э. А., Халитов Т. Н. Теория познания перед философско-антропологическим вызовом // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2013. № 4 (32). С. 156–161.
4. Курашов В. И., Курашов Я. В. Динамика взаимодействия естествознания и техники в истории развития научно-технического знания: философско-методологический анализ // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия»*. 2023. Т. 5, № 3. С. 61–74. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.6>
5. Илларионов Г. А., Мосиенко М. К. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // *Антиномии*. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30, EDN: WQRPRV
6. Борзых С. В. Критерии истины. М. : ИНФРА-М, 2023. 193 с.
7. Мьяки У. Что такое реализм // *Философия экономики: Антология*. М. : Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 419–428.
8. Анисимова С. Ю., Борисова Т. В. Проблема онтологического статуса феномена памяти : [монография]. Самара : Самарский государственный технический университет, 2024. 158 с.
9. Дёмин И. В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара : Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 273 с. EDN: FBShRU
10. Кудрин А. К. Об объективности и релятивизме знания // *Философия и/или новое интегративное знание-2 : материалы Всерос. науч. конф. (Ярославль, март 2011 г.) / под ред. А. В. Азова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 91–104.*

References

1. Kasavin I. T. *Sotsial'naya epistemologiya: fundamental'nye i prikladnye problemy* [Social Epistemology: Fundamental and Applied Issues]. Moscow, Alfa-M, 2013. 560 p. (in Russian). EDN: SJBKAB
2. Latour B. From the world of science to that of research? *Science*, 1998, vol. 280, no. 5361, pp. 208–209. <https://doi.org/10.1126/science.280.5361.208>
3. Taysina E. A., Khalitov T. N. Theory of knowledge in front of the philosophical-anthropological challenge. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2013, no. 4 (32), pp. 156–161 (in Russian).
4. Kurashov V. I., Kurashov Ya. V. Dynamics of interaction of natural science and technology in the history of the development of scientific and technical knowledge: Philosophical and methodological analysis. *Vestnik of Samara State Technical University. Series "Philosophy"*, 2023, vol. 5, no. 3, pp. 61–74 (in Russian). <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.6>
5. Illarionov G. A., Mosienko M. K. "Memory wars" and the problem of socio-epistemological relativism. *Antinomii* [Antinomies], 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 30–50 (in Russian). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30, EDN: WQRPRV
6. Borzykh S. V. *Kriterii istiny* [Criteria of Truth]. Moscow, INFRA-M, 2023. 193 p. (in Russian).
7. Myaki U. What is Realism. In: *Filosofiya ekonomiki: Antologiya* [Philosophy of Economics: Anthology]. Moscow, Institut Gaydara Publ., 2012, pp. 419–428 (in Russian).
8. Anisimova S. Yu., Borisova T. V. *Problema ontologicheskogo statusa fenomena pamyati: monografiya* [The problem of the ontological status of the memory phenomenon: Monography]. Samara, Samara State Technical University Publ., 2024. 158 p. (in Russian).
9. Demin I. V. *Semiotika istorii i germenevtika istoricheskogo opyta* [Semiotics of History and Hermeneutics of Historical Experience]. Samara, Samara Humanitarian Academy Publ., 2017. 273 p. (in Russian). EDN: FBShRU
10. Kudrin A. K. On the Objectivity and Relativism of Knowledge. In: *Filosofiya i /ili novoe integrativnoe znanie-2: materialy Vseros. nauch. konf. (Yaroslavl', mart 2011 g.)*. Pod red. A. V. Azova [Azov A. V., ed. Philosophy and/or New Integrative Knowledge-2: Materials of the All-Russian scientific conference (Yaroslavl', March 2011)]. Yaroslavl', YaGPU Publ., 2011, pp. 91–104 (in Russian).

Поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 15.11.2025

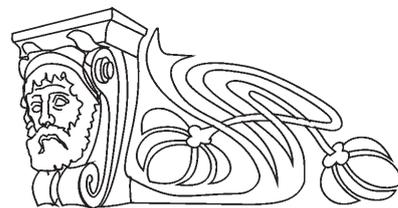

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 37–44
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 37–44
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-37-44>, EDN: JXRQJ1

Научная статья
УДК [130.2+316.7](470+571)

Проблема трансформации традиционного российского религиозно-этического идеала в нравственной жизни советского общества и государства

А. В. Сокол

Кубанский государственный университет, Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Сокол Алексей Валерьевич, аспирант кафедры социальной психологии и социологии управления, mr.sokol_alexey@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7409-7957>

Аннотация. Введение. В статье исследуется процесс трансформации традиционного религиозно-этического идеала, укорененного в русской православной философии, в нравственную систему советского общества. Анализируется феномен «субстанциальной нравственности» раннего СССР, основанной на непосредственном подчинении личности всеобщей государственной цели. Выявляется внутреннее противоречие этой системы, заключающееся в подавлении субъективной свободы и моральной рефлексии, что в конечном итоге привело к ее кризису и распаду. **Теоретический анализ.** В работе используется методология классической диалектики (всеобщей диалектики мышления и бытия в парадигме гегелевского абсолютного идеализма и ее рецепции в русской и советской философии) как опыт логико-исторической концептуализации изучаемого феномена. Рассматривается диалектическая взаимосвязь между советским коллективизмом и христианской идеей соборности, а также роль русской религиозной философии в осмыслении этого исторического феномена. **Заключение.** Анализ процесса трансформации российского исторического религиозно-этического идеала в советском обществе выявляет диалектику движения понятия «народного духа» от православной соборности к субстанциальной нравственности, а затем, через профанацию этого идеала в идеологии атеистического социализма и коммунизма, через моральный кризис и разложение этого идеала к всеобщей, «соборно-интегральной» государственности России XXI века.

Ключевые слова: религиозно-этический идеал, православная соборность, советская нравственность, большевизм, трансформация морали, русские религиозные философы, субстанциальная нравственность, индивидуализм, кризис советского общества

Для цитирования: Сокол А. В. Проблема трансформации традиционного российского религиозно-этического идеала в нравственной жизни советского общества и государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 37–44. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-37-44>, EDN: JXRQJ1

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of transformation of the traditional Russian religious and ethical ideal in the moral life of Soviet society and the state

A. V. Sokol

Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russia

Alexey V. Sokol, mr.sokol_alexey@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7409-7957>

Abstract. Introduction. The article examines the process of transformation of the traditional religious ethical ideal rooted in Russian Orthodox philosophy into the moral system of Soviet society. The phenomenon of the «substantial morality» of the early USSR is analyzed, a morality based on the direct subordination of the individual to an overarching state goal. The internal contradiction of this system is revealed, consisting in the suppression of subjective freedom and moral reflection, which ultimately led to its crisis and disintegration. **Theoretical analysis.** The study employs the methodology of classical dialectics (the universal dialectics of thought and being within the paradigm of Hegelian absolute idealism and its reception in Russian and Soviet philosophy) as an experience of the logical historical conceptualization of the phenomenon under study. The dialectical interrelation between Soviet collectivism and the Christian idea of sobornost (conciliarity) is examined, as well as the role of Russian religious philosophy in interpreting this historical phenomenon. **Conclusion.** An analysis of the process by which the Russian historical religious ethical ideal was transformed within Soviet society reveals the dialectics of the movement of the concept of the «national spirit» from Orthodox sobornost to substantial morality, and then – through the profanation of this ideal in the ideology of atheistic socialism and communism,

through the moral crisis and disintegration of this ideal – toward a universal, «conciliar integral» statehood of Russia in the twenty first century.
Keywords: religious and ethical ideal, Orthodox sobornost (catholicity), Soviet morality, Bolshevism, moral transformation, Russian religious philosophers, substantial morality, individualism, crisis of Soviet society

For citation: Sokol A. V. The problem of transformation of the traditional Russian religious and ethical ideal in the moral life of Soviet society and the state. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 37–44 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-37-44>, EDN: JXRQJI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования проблемы трансформации традиционного религиозно-этического идеала в СССР обусловлена глубоким кризисом нормативных оснований в современном мире. Секуляризация, утрата трансцендентных ориентиров и моральная дезориентация личности требуют переосмысления духовных основ общежития. Русская религиозная философия первой половины XX века, сформировавшаяся в ответ на революционные потрясения, предложила уникальный синтез христианской традиции и социальной мысли, актуальный для анализа как советского, так и современного российского общества.

Традиционный российский религиозно-этический идеал, сформированный православием, претерпел радикальную трансформацию в советском обществе, где атеистическая идеология марксизма-ленинизма попыталась заменить трансцендентные ориентиры имманентными социальными конструкциями. Эта трансформация, начавшаяся с революции 1917 года, привела к созданию «субстанциальной нравственности» – объективной, наивной формы морали, подчиненной государству, но в итоге обернулась внутренним конфликтом между коллективным благом и индивидуальной свободой. Выдающийся советский философ, социолог и писатель А. А. Зиновьев, анализируя этот феномен в книге «Коммунизм как реальность», называл эту систему «коммунальным человеком», чье поведение полностью детерминировано законами коллектива: «Нравственность в коммунистическом обществе – это не внутреннее убеждение, а форма социального поведения, предписанная обществом и контролируемая им» [1, с. 178].

Традиционный российский религиозно-этический идеал до революции 1917 года коренился в православной традиции соборности, где личность гармонично вписывалась в общинное единство, освященное божественным замыслом. В отличие от западного индивидуализма

русский идеал подчеркивал диалектику индивидуального и всеобщего, где свобода духа реализовывалась через служение и любовь к ближнему.

Кризис традиционного идеала был вызван революцией 1917 года, которая, по сути, стала антитезисом христианскому тезису. Большевик, отвергнув трансцендентные ориентиры, заменил их материалистической идеологией, где государство стало квазибожественной субстанцией. Н. А. Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма» писал: «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны, он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское, национальное» [2, с. 5], подчеркивая, что большевик извратил русскую идею мессианства, превратив ее в атеистический коллективизм [3, с. 17]. Эту глубокую и оригинальную «метафизическую» оценку русского социализма и коммунизма Бердяев ранее высказал в своей знаменитой книге «Новое Средневековье» [4].

С. Н. Булгаков видел в большевизме «отравление духовным ядом», где власть комиссаров духовно разрушила душу народа, подобно погрому [5]. И. А. Ильин предупреждал, что советская система отвергает свободу личности, навязывая «самовластье» без уважения к человеку [6].

В советском обществе религиозно-этический идеал адаптировался через формирование «субстанциальной нравственности» – объективной, не рефлексированной формы, где индивид подчинялся государству как высшему благу. С 1930-х годов эта нравственность определяла жизнь: личное подчинялось коллективному, а добро выступало как предзаданное в законах и идеологии [5].

Н. А. Бердяев по этому поводу справедливо отмечал, что «большевизм был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи, и потому он победил» [7, с. 56], видя в нем искаженную соборность. А. А. Зиновьев в интервью 1990-х годов говорил: «Метили в

коммунизм, а попали в Россию!» [цит. по: 8], указывая на вынужденную адаптацию национальных традиций. Эта адаптация позволила проявиться достижениям (индустриализация, победа в войне), но подавляла свободу.

Сегодня, когда современный мир переживает кризис нормативных оснований – те формы свободы, прав и индивидуальной автономии, которые были достигнуты в ходе Нового времени, обернулись внутренним отчуждением личности, разложением общинных связей и утратой метафизического смысла социальной солидарности.

В эпоху глобальных цивилизационных трансформаций, когда секулярные идеологии сталкиваются с кризисом этических основ общества, обращение к социально-этическому идеалу христианства приобретает особую значимость. Первая половина XX века в России стала периодом острого историософского поиска, где революционные потрясения и эмигрантский опыт породили уникальный синтез христианской традиции и социальной мысли. Русская религиозная философия этого времени предложила диалектическое осмысление христианства как динамического принципа общественного устройства, преодолевающего антагонизм индивидуализма и коллективизма.

Теоретический анализ

Русская религиозная философия первой половины XX века явилась мощным интеллектуальным ответом на кризис христианского мира, начавшийся в первой четверти XX века. Мыслители, пережившие катастрофу революции, изгнания и духовного разрыва между Церковью и культурой, попытались выстроить новое понимание христианского идеала – не как абстрактного догмата или внешней морали, но как живого социального принципа. Их философские поиски объединяет стремление раскрыть в христианстве источник всеобщей, субстанциальной нравственности, которая преодолевает односторонность индивидуализма и возрождает внутреннее единство личности и общества.

По своей сути, вопрос о трансформации и определенной мощной «профанации» традиционного российского религиозно-этического идеала в нравственном укладе советского общества и государства есть вопрос о соотношении свободы и всеобщности, субъективного

и субстанциального. Христианство, раскрыв в мире абсолютную свободу духа, одновременно утверждает её как служение – как любовь, как жертвенное участие в бытии другого. В этом смысле его идеал не устраняет диалектику индивидуального и всеобщего, но поднимает её на высший уровень, где противоположности примиряются в духе.

Для того чтобы разобраться в данной философско-исторической и религиозно-этической коллизии, мы должны, отталкиваясь от опыта диалектической концептуализации социально-этических воззрений русских религиозных философов первой половины XX века, обратиться к фундаментальным предпосылкам их формирования в контексте новоевропейской рефлексии. Эта рефлексия, коренящаяся в кантовской критике чистого разума и практического разума, представляет собой поворотный момент в истории философии, где нравственность перестает быть статичной нормой античного космоса и становится динамическим принципом субъективной свободы. Как отмечает Г. В. Ф. Гегель: «Право субъекта получить удовлетворение, или, что то же самое, право субъективной свободы, составляет поворотный и центральный пункт в различии между античностью и Новым временем. Это право в его бесконечности высказано в христианстве и сделано всеобщим действенным принципом новой формы мира» [9, с. 232]. Однако в отличие от гегелевского синтеза, где эта свобода объективируется в этическом государстве, новоевропейская мысль, начиная с И. Канта, фиксирует её в абстрактном «должном», игнорируя диалектическое движение к конкретному.

Русская религиозная философия первой половины XX века, возникшая на фоне революционных потрясений, представляет собой уникальный ответ на эту рефлексия. Такие мыслители, как Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, наследуя славянофильскую традицию соборности, интегрируют гегелевскую диалектику в христианский контекст, где тезис индивидуальной свободы (как образа Божьего) сталкивается с антитезисом коллективистского материализма большевизма, приводя к синтезу богочеловеческого всеединства.

Эта концептуализация позволяет понять, что новоевропейская рефлексия, начиная с Р. Декарта и И. Канта, акцентирует субъективную автономию, но в русской философии она преобразуется в диалектический процесс,

где свобода не изолирована, а интегрирована в соборное единство. Логика развития этой рефлексии – от абстрактного «я мыслю» к конкретному этическому обществу – находит в русской мысли своё завершение через Троицу как модель диалектики.

В связи с необходимостью точного категориального различения понятий морали и нравственности, установленного классической европейской философией, необходимо обратиться к следующим вопросам: присутствует ли субстанциальная нравственность в тех государствах, которые на официально идеологическом уровне заявили об атеистическом характере социально-политического устройства, идеологии, образования, искусства, культуры? Каков здесь характер соотношения морали и нравственности? Рассмотрение этого вопроса на примере нравственного строя жизни советского общества позволит также раскрыть внутренний конфликт субстанциальной формы нравственности, необходимо порождающий её надлом и движение к собственно *моральному* воззрению.

С философско-исторической точки зрения дух развитого советского общества (особенно в сталинский и хрущевский периоды) определялся принципами нравственности как объективно данной реальности «коллективно-государственной» и партийной жизни. Это такой специфический тип нравственности, для которого характерна постоянно увеличивающаяся мощь противоречия между индивидуальной и внутренней, духовной свободой личности и подавляющей ее необходимостью бесконечно растущих идеологических общегосударственных и партийных интересов

В 1930–1950-е гг. в СССР сформировался уникальный нравственный уклад, который в тексте определяется как объективная, «сущая нравственность» или «субстанциальная нравственность». Ее смысл определялся тем, что личностно-духовная самобытность человека растворялась во всеобщности целеполагания идеологии партийно-государственного бытия. Советский гражданин видел смысл своей жизни не в опыте своего собственного теоретического или практического мышления, не в моральном целеполагании и следующим из него истинном патриотизме, а в догматически навязанной с детства доктриной коммунистического идеала своего государства.

Таким образом, наиболее существенным результатом тех фундаментальных изменений

в жизни нашей страны в советскую эпоху выступило становление того интеллектуально-нравственного бытия, в котором утвердилось абстрактно-рассудочное («наивное») субстанциальное общественно-государственное единство, искусственно подавляющее всякое существенное различие, идейное множество, а значит, и саму духовную свободу как разумную и необходимую цель саморазвития народа во всемирной истории. Это так называемая не знающая себя и наивная нравственность с ее политической мифологией вождизма и «светлого будущего», некритического массового мышления, воспитания и образования, слабой индивидуальной ответственностью и т.д.

В советское время субстанциальная необходимость персоналистского начала в человеке, его индивидуального государственного самосознания, способности брать на себя творческую инициативу, а также чувства глубинной личной ответственности за судьбу своего народа и общества («Где с пулей встань, где с винтовкой ложись, где каплей лейся с массами...» [10, с. 267]) была почти полностью подавлена и поглощена абстракцией партийно-коммунистической государственной воли. Каждый конкретный человек в этой системе считает, что живет и работает, наслаждается жизнью и судьбой только ради своего Отечества, ради «истины всеобщей государственной цели», которой, «если необходимо», можно отдать все, вплоть до личного достоинства, свободы своего мышления, частной собственности и даже жизни («с такую землю пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть» [10, с. 267]).

Таким образом, внутренний моральный и нравственный облик советского гражданина был обусловлен не свободно и разумно достигнутой истинностью духовного уклада своего государства, а, как правило, навязанной догматически и извне идеологией, системой воспитания и образования, партийно-государственной машины с ее пропагандой и массовой практикой разнообразных репрессий против относительно свободно мыслящих людей.

В связи с этим интуиция блага и добра для советского человека выступала в качестве «очевидной» и «всеобщей» данности его повседневного бытия в своем государстве и не определялась им самим действительным образом, не вырабатывалась из внутреннего личного и гражданско-правового самосознания. Соответственно, само это самосознание неизбежно ста-

новились очень хрупким и внутренне неустойчивым, подверженным различным «идейным эрозиям» и глубинным трансформациям, вплоть до его полного разрушения (что, собственно, и произошло в эпоху перестройки и закономерно завершилось в 1991 году крушением СССР).

Благо и добро определялись как «данные сверху» «несокрушимые истины», как «государственно-идеологические святыни», благодаря которым только и существует мощь всего советского государства, всей сверхдержавы, объединившей в годы холодной войны почти половину стран «не-западного» и социалистического пути развития. Для обычного советского гражданина все эти государственные нравственные и общественно-правовые устои были *святы и не могли быть подвергнуты разумному критическому осмыслению*, были квазибогословскими и псевдотеократическими *credo*.

Таким образом, к 1950-м годам социально-нравственный идеал советского государства был окончательно сформирован, утвердив в системе всеобщей коммунистической идеологии свое хоть и одностороннее-имперсоналистское и «диалектико-материалистическое», но все же субстанциальное содержание, свой путь и неустойчивую, но внешне грандиозную мощь.

В связи с этим необходимо отметить, что действительное народное единство выступает насущным религиозно-этическим идеалом, первопринципом национальной идентичности, без которой не устоит ни одно реальное государство. Особенно если оно претендует на статус творца мировой истории, активно действующего субъекта всемирно-исторического процесса.

Советская общественно-политическая система опиралась на особый тип нравственного уклада, в котором личные интересы и индивидуальная воля почти не имели собственного значения вне общего дела. Именно эта опора на коллективное, на ощущение общей нравственной основы долгие годы обеспечивала государству внутреннюю прочность и целостность. Благодаря этому советское общество и государство смогли пройти через тяжелейшие испытания: коллективизацию, индустриализацию, войну, послевоенное восстановление. СССР совершил рывок в космос, обеспечил расцвет фундаментальной и прикладной науки, высшего, среднего и профессионального образования, здравоохранения и искусства, а также достиг статуса сверхдержавы.

Но такое нравственное единство может быть жизнеспособным лишь тогда, когда оно не подавляет свободу личности, а включает её

в себя, позволяя индивиду ощущать, что его собственные решения и стремления – часть общего. Если же индивидуальная воля полностью подчиняется общему началу, то она утрачивает жизненность. И наоборот, всеобщий нравственный порядок, игнорирующий свободу личности, тоже перестаёт быть устойчивым. Поэтому подлинная нравственная система не может существовать без соединения двух начал: общего нравственного единства и субъективной свободы, морального выбора личности.

Советская модель, хотя и допускала наличие личного взгляда на мораль – в форме стремления к счастью или этики долга, всё же относилась к индивидуальному мнению, частным интересам и личному своеобразию как к чему-то вторичному, несерьёзному, а порой и вредному. Особенность человека считалась чем-то, что может нарушить единый ритм государственного действия, даже если проявлялась лишь во внешнем виде или поведении. В результате индивидуальность оказалась лишена возможностей свободного развития, а фундаментальные личные права от собственности до свободы творчества и научного поиска были серьёзно ограничены. Из-за этого единство нравственного уклада стало односторонним и потому неполноценным.

Свобода личности, не будучи признанной законной и нравственной, воспринималась как угроза: как подрыв существующих устоев, разрушение идеологического фундамента. Первым намёком на то, что эта система начала внутренне трескаться, стала ирония, которая получила широкое распространение в советской культуре 1960-х годов.

Степень подавления субъективной свободы менялась в разные периоды, но неизменным оставалось главное: именно игнорирование бесконечного права личности на самостоятельный моральный выбор мешало развитию общества и в итоге привело советский строй к внутреннему ослаблению и распаду. СССР рухнул не столько от внешнего давления, сколько под тяжестью собственного конфликта между всеобщим укладом и свободой индивида.

Интересно, что в середине 1980-х годов на короткое время возникло шаткое равновесие: личное самосознание стало чувствовать себя более свободным, не разрушая ещё полностью общего нравственного поля. Но вскоре индивидуальность «отделилась» от общности окончательно, поставив своё субъективное мнение выше прежних норм, законов и идеологий.

С этого момента господствующей стала не традиционная, объективно заданная нравственность, а моральная позиция субъекта, который признаёт истинным лишь то, что соответствует его внутренней уверенности.

Главным последствием такого переворота стало то, что мощное «освобождение» личности вступило в противоречие с существующими культурными и государственными формами – и во многом продолжает противоречить им. Подобно настроениям второй половины XIX века, в обществе возникла жажда индивидуальной жизни, где благо перестало восприниматься как нечто единое и всеобщее. Теперь человек видит смысл в достижении частных целей, определяемых его желаниями, склонностями и интересами. Мерилом добра стало индивидуальное убеждение, основанное лишь на внутренней уверенности человека в себе самом. Эта установка пронизывает сегодня культуру, образование и научное мышление.

Только недавно стало заметно, что такая «безграничная» свобода личности обернулась утратой более глубокого, субстанциального содержания жизни. Понимая невозможность возврата к прежнему единству, общество начинает искать новые пути организации государственности и социальной жизни. Но важнейший вопрос – воспитание подлинно свободной и при этом внутренне содержательной личности – остаётся недостаточно осознанным.

Главная задача сегодня – воспитать, точнее помочь человеку воспитать в себе, не просто произвольное чувство свободы, но сознание, ориентированное на истинное добро, на разумное всеобщее содержание. Это требует перехода от софистической позиции «истина – то, что я считаю истинным» к сократо-платоновскому пониманию: добро, истина, красота и закон – это объективная цель, которая открывается разуму и требует реализации без оглядки на личный произвольный выбор. Свободное принятие этого убеждения могло бы стать вершиной морального развития личности.

Конфликт между государственным началом и свободой личности вовсе не уникален для СССР. Он сопровождает всю историю Европы с тех пор как древние родовые общества уступили место политическим. С того времени личное и общественное благо никогда полностью не совпадали, и задача государства всегда – обеспечивать социальную интеграцию там, где индивидуальные интересы не приводят к гармонии сами по себе.

Ещё раз отметим, что показанная выше нравственная коллизия советского общества не уникальна. Напротив, по верному утверждению П. Козловски, «...дуализм государства и общества в Европе является основной константой европейской истории с момента разрушения архаических (кровнородственных) обществ и появления общества, политически организованного – греческого полиса. Однако дуализм этот впервые был осознан лишь в Новое время, в либеральной теории общества. С этого момента в истории не существовало более единства индивидуального и общественного блага. Эгоистические наклонности индивида не ведут к гармонии или социальному оптимуму. Поэтому социальная интеграция осуществляется государством посредством права Власть легитимизируется не сакрально, а путем общественного договора» [11, с. 67].

Диалектика всемирной истории свидетельствует о том, что только разумное и гармоническое единство личного и общественно-государственного, индивидуального и коллективного начал может быть основой для действительного и жизнеспособного государства, прошедшего в своем духовно-историческом развитии все особенные и односторонние моменты объективного духа, своего субстанциально-нравственного бытия. И сегодня такой уникальный исторический момент для России наступил. Как справедливо замечает по этому поводу выдающийся санкт-петербургский философ Е. С. Линьков: «Современное состояние мира и есть та всемирно-историческая фаза, на которой все разумное необходимо становится действительностью... Мы стоим на грани выступления государства в его собственной природе, в его собственном понятии: впервые исторически должен выступать момент всеобщности государства. Если государство начинает выступать в моменте всеобщности, оно уже не может быть организацией отдельного класса. Почему? Потому что тогда оно создает частную, особенную форму своего бытия и не соответствует природе государства. Следовательно, мы на грани всемирно-исторической утраты всех исторических форм государства и всех исторических форм общества, их исторически необходимого отрицания. Эти формы сами пришли к самоотрицанию... Россия, следуя своему собственному закону развития, прошла все основные ступени развития исторического процесса. Впервые в истории человеческого рода она соединила всеобщую цель государства и индивидуальный интерес каждого человека» [12].

Таким образом, уже к середине XX века мировая история прошла все особенные, исторически необходимые, но и одновременно конечные и несовершенные формы религиозно-нравственно опосредованные системы общественно-государственного бытия. Возврат к ним и невозможен и не нужен. Он обречен на неизбежное поражение и ничего кроме бессмысленных страданий народу принести не может. И, как свидетельствует российская история XX века, российский народ уже в полной мере испытал и превратность имперского капитализма и постимперского советского социализма. Возврат к ним реакционен и невозможен. Однако, как справедливо продолжает свою мысль Е. С. Линьков, «...с середины XX века происходит насильственное препятствование развитию индивидуального интереса, что в результате привело к утрате государством всеобщей цели. Утрата органического единства всеобщей цели государства и индивидуального интереса уничтожила государственную форму социализма. Государство снова становится особенным, частным. Индивидуальный интерес оказался вне интереса государства, а интерес государства выступил вне интереса индивида. Общество оказывается отчужденным от государства, а государство делает себя отчужденным от общества. В этом заключается основное препятствие исторической реализации момента всеобщего развития в России» [12].

Благодаря диалектическому преодолению вышеуказанного противоречия, Россия впервые разумно объединит духовные принципы субстанциального единства государства и многообразия частных интересов личности и гражданского общества, благодаря чему будет создано разумное соборно-интегральное государство России XXI века. Именно оно будет соответствовать субстанциальности православно-христианского религиозно-этического идеала, а также ценностям традиционных религий России: классическому протестантизму, исламу, иудаизму и буддизму. Именно об этом духовно-универсалистском («пушкинском») «интегрально-соборном» идеале писали русские религиозные мыслители второй половины XIX – первой половины XX века: от Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева [13] до С. Н. Булгакова [5] и С. Л. Франка [14]. Трансформация и профанация этого идеала в советскую эпоху к 1991 году была в основном завершена, что открыло дорогу для его адекватной реализации в наши дни.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Советский нравственный уклад при всей своей внешней секулярности представлял собой своеобразную трансформацию и профанацию традиционного духовно-универсалистского, религиозно-этического идеала соборности, переведенную в плоскость государственной идеологии и подчиненную задачам модернизации. Сила этой системы, так называемой «субстанциальной нравственности», заключалась в ее способности мобилизовать общество на достижение глобальных целей через непосредственное отождествление индивида с государством.

Роковой слабостью и внутренним противоречием системы стало системное отрицание «абсолютного права субъективности» – свободы личной рефлексии, морального выбора и автономии личности.

Подавление субъективной свободы привело к нравственному истощению, кризису легитимности и далее к распаду СССР, который был обусловлен не столько внешними факторами, сколько развитием внутреннего нравственного антагонизма.

Современный этап развития России характеризуется доминированием моральной точки зрения и субъективного произвола, что является закономерной, но односторонней реакцией на тоталитаризм. Задачей настоящего времени является поиск синтеза – воспитание действительно свободной индивидуальности, способной к свободному осознанному служению общему благу, что восходит к религиозно-этическому и общественно-политическому идеалу соборного универсализма (символ «пушкинского» проекта для России), сформулированному еще классиками русской религиозно-философской мысли.

Таким образом, трансформация традиционного религиозно-этического идеала в советском обществе иллюстрирует диалектику: от православной соборности к субстанциальной нравственности, а затем, через профанацию этого идеала в идеологии и практике атеистического социализма и коммунизма, через моральный кризис и разложение этого идеала, – к разумному соборно-интегральному государству России XXI века. Этот процесс не уничтожил христианский идеал, а исказил его,

показав необходимость диалектической гармонии свободы и всеобщности. Современная Россия может извлечь урок: без восстановления духовных оснований нравственность рискует остаться формальной, ведущей к отчуждению. Обращение к наследию русских мыслителей предлагает путь к подлинному нравственному универсализму мощной государственности, преодолевающей наследие советского кризиса.

Список литературы

1. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Лозанна : L'Age d'Homme, 1981. 232 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Азбука, 2020. 224 с.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М. : Эксмо, 2016. 512 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М. : АСТ, 2025. 384 с.
5. Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины : сборник статей о русской революции. 2-е изд. Париж : YMCA-PRESS, 1976. С. 107–169.
6. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1996. Т. 5. С. 31–220.
7. Бердяев Н. А. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М. : Директ-Медиа, 2025. 116 с.
8. Глазкова Л. Метили в коммунизм, а попали в Россию // Парламентская газета. 29.02.2016. URL: <https://www.pnp.ru/politics/metili-v-kommunizm-a-popali-v-rossiyu.html> (дата обращения: 12.09.2025).
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. ; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.
10. Маяковский В. В. Хорошо! // Маяковский В. В. Полное собр. соч. : в 13 т. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 8. 460 с.
11. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М. : Республика, 1998. 367 с.
12. Интервью с Евгением Семеновичем Линьковым // *Philosophia perennis* MMVIII. Альманах Санкт-Петербургского общества классической немецкой философии. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008. С. 215–228. URL: http://www.smyrnyh.com/?page_id=141 (дата обращения: 10.10.2025).
13. Соловьёв В. С. Оправдание добра: Нравственная философия М. : Мысль, 1988. 509 с.
14. Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. 511 с.

References

1. Zinoviev A. A. *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as reality]. Lausanne, L'Age d'Homme, 1981. 232 p. (in Russian).
2. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. St. Petersburg, Azbuka, 2020. 224 p. (in Russian).
3. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoievskogo* [The Russian idea. Dostoevsky's worldview]. Moscow, Eksmo, 2016. 512 p. (in Russian).
4. Berdyaev N. A. *Smysl istorii. Novoe Srednevekov'e* [The meaning of history. The new Middle Ages]. Moscow, AST, 2025. 384 p. (in Russian).
5. Bulgakov S. N. At the feast of the gods. Pro and contra. Contemporary dialogues. In: *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii. 2-e izd.* [From the depths: Collection of articles on the Russian revolution. 2nd ed.]. Paris, YMCA-PRESS, 1976, pp. 107–169 (in Russian).
6. Il'in I. A. On resistance to evil by force. In: Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* Sost., vstup. st. i koment. Yu. T. Lisitsy [Collected works: in 10 vols. Comp. Yu. T. Lisitsy]. Moscow, Ruskaya Kniga, 1996, vol. 5, pp. 31–220 (in Russian).
7. Berdyaev N. A. *Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [The new Middle Ages. Reflections on the fate of Russia and Europe]. Moscow, Direct-Media, 2025. 116 p. (in Russian).
8. Glazkova L. They aimed at communism but hit Russia. *Parlamentskaya Gazeta* (Parliamentary Newspaper), 2016, February 29. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/metili-v-kommunizm-a-popali-v-rossiyu.html> (accessed September 12, 2025) (in Russian).
9. Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of right]. Moscow, Mysl', 1990. 524 p. (in Russian).
10. Mayakovsky V. V. Very well! In: *Mayakovskiy V.V. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete collected works: in 13 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1958. Vol. 8. 460 p. (in Russian).
11. Kozlowski P. *Obshchestvo i gosudarstvo: neizbezhnyy duizm* [Society and state: An inevitable dualism]. Moscow, Respublika, 1998. 367 p. (in Russian).
12. Interview with Evgeniy Semenovich Linkov. In: *Philosophia perennis MMVIII: Al'manakh Sankt-Peterburgskogo obshchestva klassicheskoy nemetskoj filosofii* [Almanac of the St. Petersburg Society of Classical German Philosophy]. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2008, pp. 215–228 (in Russian).
13. Solov'yov V. S. *Opravdanie dobra: Nravstvennaya filosofiya* [The justification of the good: Moral philosophy]. Moscow, Mysl', 1988. 509 p. (in Russian).
14. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow, Respublika, 1992. 511 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 15.11.2025

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 45–54

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 45–54
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-45-54>

EDN: KGETAO

Научная статья
УДК [316.6+159.923]:355.48(477+470+571)

Теоретико-методологические проблемы и решения в психологической работе с переживаниями событий специальной военной операции

С. В. Фролова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и консультативной психологии, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

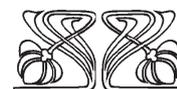
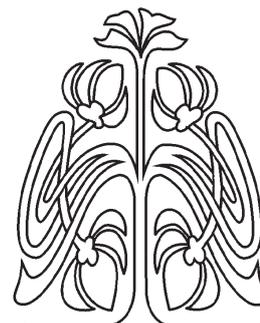
Аннотация. Во *введении* подчеркивается актуальность разработки теоретико-методологического фундамента для оказания психологической помощи в связи с переживаниями событий специальной военной операции (СВО). В разделе, описывающем специфику и типы переживания событий, связанных с ведущейся СВО, предложено их дифференцирование в зависимости от субъектной вовлеченности в СВО, степени терминальности переживания и содержания сущностно-экзистенциальных чувств. Анализ теоретико-методологических проблем оказания психологической помощи в связи с переживанием событий СВО посвящен раскрытию наиболее остро стоящих научных и мировоззренческих вопросов, касающихся поиска смысла жизни, решения противоречий между личностными и общественными интересами, оценкой нормативности просоциально-терминальных видов поведения, а также построения модели уровневой системной организации личности и процессов саморегуляции в условиях совладания с экстремально трудными жизненными ситуациями. Пути решения теоретико-методологических проблем оказания психологической помощи в связи с переживанием событий СВО, предлагаемые в статье, связаны в первую очередь с обращением к философской психологии С. Л. Франка и психотехническому потенциалу системной концепции психодрамы Я. Л. Морено. В *заключении* подводятся итоги анализа теоретико-методологических проблем и путей их решения в психологической работе с переживаниями событий СВО.

Ключевые слова: терминально-экзистенциальные переживания, специальная военная операция (СВО), экстремально-экзистенциальные ситуации, просоциально-терминальные виды поведения, философская психология С. Л. Франка, низшая самость, высшая самость, логотерапия В. Франкла, теория ролей и психодрамы Я. Л. Морено, духовно ориентированная ментальная интра-психодрама

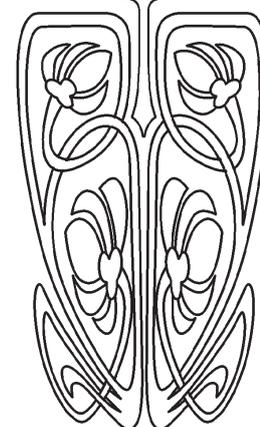
Для цитирования: Фролова С. В. Теоретико-методологические проблемы и решения в психологической работе с переживаниями событий специальной военной операции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 45–54. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-45-54>, EDN: KGETAO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Фролова С. В., 2026

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Theoretical and methodological problems of psychological support for coping with events of the Special Military Operation and their solutions

S. V. Frolova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Frolova, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Abstract. The *introduction* highlights the topicality of theoretical and methodological basis for providing psychological support for coping with events of the Special Military Operation. The section that describes *characteristics and types* of overcoming events of the ongoing Special Military Operation suggests their differentiation depending on subject involvement in the Special Military Operation, degrees of terminality of experience and the matter of essential existential feelings. *The analysis of the theoretical and methodological problems of psychological support for coping with events of the Special Military Operation* aims at the most urgent scientific and ideological issues of searching for meaning in life, solving contradictions between personal and social interests, assessing normativity of prosocial terminal behavior types, and designing the model of hierarchical systemic organization of a personality and self-regulation processes in the conditions of coping with extreme life situations. *The ways of tackling theoretical and methodological problems of psychological support for surviving events of the Special Military Operation* given in the article are in the first place, connected with S. L. Frank's philosophical psychology and psychotechnical potential of J. L. Moreno's psychodrama. The *conclusion* provides the results of the analysis of theoretical and methodological problems of psychological support for coping with events of the Special Military Operation and their solutions.

Keywords: terminal existential feelings, the Special Military Operation, extreme existential situations, prosocial terminal behavior types, S. L. Frank's philosophical psychology, lower self, higher self, V. Frankl logotherapy, J. L. Moreno's role theory and psychodrama, spiritually oriented mental intra-psychodrama

For citation: Frolova S. V. Theoretical and methodological problems of psychological support for coping with events of the Special Military Operation and their solutions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 45–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-45-54>, EDN: KGETAO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальные проблемы оказания психологической помощи ветеранам боевых действий, их семьям и всем значимо переживающим события, связанные со специальной военной операцией (СВО), сопряжены не только и не столько с дефицитом готовых апробированных методов практической работы с ситуациями, с которыми ранее специалисты не имели дела [1–3], сколько с потребностью сегодняшнего дня в построении базовой теории и фундаментальной методологии мировоззренческого уровня для организации профессиональной деятельности психологов, призванной решать не возникавшие ранее экзистенциальные задачи поиска смыслов и способов жизни в условиях, подвергающих рискам нарушения стабильности сложившуюся идентичность человека и требующих задействования резервных возможностей психики.

Построение теоретико-методологической основы для оказания помощи в экстремально трудных, терминально значимых (предельно, крайне важных для продолжения жизни человека в целом) ситуациях осложняется еще и тем, что консультативная психология до сих пор вовсе не имела общего объединяющего фунда-

мента. Начавшаяся СВО с особой значимостью обострила научно-психологическую проблему, которую М. А. Гулина и Ю. П. Зинченко обозначили как давно назревшая необходимость перехода «от практикования психологического консультирования – к концептуализации накопленного опыта и формированию новой психологической дисциплины с ее собственными теоретическими и методологическими основаниями» [4, с. 7].

Специфика и типы переживания событий, связанных с ведущейся СВО

Переживания в связи с различными ситуациями и событиями СВО становятся присутствующими не только участникам и ветеранам боевых действий, и членам их семей и близким, но также пострадавшим от террористических актов и угроз, очевидцам трагических происшествий, всем, кто глубоко сочувствует напряженной службе, тяготам бойцов на передовой и страдает людям, потерявшим свой дом, своих родственников.

Типы переживания могут различаться в зависимости от субъектной вовлеченности в СВО: характерные для 1) участников боевых действий; 2) их родственников и близких;

3) пострадавших от террористических актов; 4) их очевидцев; 5) деятельно страдающих и помогающих волонтеров; 6) глубоко сочувствующих тем, кто принял на себя различные испытания в ходе ведущейся СВО.

По степени терминальности (значимости для жизни в целом) переживания могут разделяться на: ожидания возможной угрозы для себя, близких или малознакомых людей; совладания с тяжелыми последствиями событий СВО для себя, здоровья близких или знакомых людей; перенесение утрат и потерь. По характеру и содержанию психоэмоциональных реакций и вырабатываемых форм психологических отношений к воспринимаемым и переносимым событиям СВО типов переживаний может существовать бесчисленное множество. Однако консультативная и психотерапевтическая практика способствует выделению наиболее часто встречающихся сущностно-экзистенциальных (определяющих главное психологическое отношение человека к жизненным обстоятельствам) переживаний. Среди них можно особенно выделить переживания экзистенциального страха смерти, чувств «экзистенциальной вины» [5, с. 145], экзистенциального одиночества и экзистенциальной несвободы, потери прежнего или обретения нового смысла жизни и даже трагического оптимизма [6]. Так, например, участники боевых действий в связи с происходящими событиями могут переживать экзистенциальный страх смерти или обретать новый смысл жизни, а также испытывать длительно не покидающее чувство вины, например, вины перед погибшими.

Чувство вины вместе с тревогой и беспомощностью могут испытывать и те, кто непосредственно не вовлечен в события СВО, но включает себя в них эмоционально и нравственно, страдает другим людям. Причем такая косвенная вовлеченность в события, непосредственно происходящие с другими, может также сопровождаться различными психоэмоциональными и психосоматическими симптомами, например, такими как нарушение сна, расстройство привычной профессиональной или учебной деятельности.

Переживание вины как одной из форм принятия на себя ответственности за происходящие события может служить проявлением механизма интернального локуса контроля для возвращения себе возможности управления собственной жизнью и совершаемыми действиями. Однако адаптивная, здоровьесохраняющая ин-

тернальность в случае экстремальных, трагических и травматических событий, как заметили А. А. Реан и Я. Л. Коломинский, имеет сложную структуру и в части рассмотрения причин произошедшего должна включать в себя аспекты «экстернальности» [7, с. 102], служащие причиной того, что не все может зависеть от человека.

Несмотря на различные варианты переживаний, участники боевых действий, члены их семей и все различным образом вовлеченные в события специальной военной операции сталкиваются с тяжелейшими угрозами для жизни, задействующими резервные возможности психики, перегружающими адаптационные психологические и физиологические возможности человека, разрушающими спокойный, привычный образ жизни и подрывающими психологическую защиту личности. Переживания, вызванные такого рода объективно угрожающими жизни факторами, классифицируются как «психотравматические» [8, с. 21], способные запускать «травматический стресс – стресс высшей категории» [9, с. 19], и последующие посттравматические стрессовые расстройства. Совладание с такого рода экстремально-экзистенциальными ситуациями уже само по себе сопоставимо с героическими поступками.

Однако в ряде психотерапевтических подходов героические поступки, жертвенные и альтруистические формы поведения расцениваются диаметрально противоположно. Встречаются даже варианты обесценивающего рассмотрения героической жертвенности с позиции доминирующего гедонизма и болезненного вреда самозапрета на получение удовольствий, а также в контексте идеи борьбы за биологическое выживание индивида и его терминального проигрыша в случае отказа от приоритета самосохранения. Такие методологические установки создают существенные проблемы при оказании психологической помощи значимо переживающим не только героические, но и трагические события, связанные с ведущейся СВО. И эти проблемы требуют более детального анализа и поиска их решения.

Анализ теоретико-методологических проблем оказания психологической помощи в связи с переживанием событий СВО

К основным теоретико-методологическим проблемам оказания психологической помощи в связи с переживаниями событий СВО мож-

но отнести наиболее остро стоящие научные и мировоззренческие вопросы, касающиеся: 1) поиска смысла жизни; 2) решения ключевой задачи социальной психологии – о соотношении личностных и общественных интересов; 3) объяснения и интерпретации просоциально-терминальных (альтруистических, жертвенных, героических) видов поведения; 4) определения уровневой системной организации личности и процессов ее развития, саморегуляции и самодетерминации в условиях совладания с экстремально трудными жизненными ситуациями для последующей разработки соответствующей модели оказания многоуровневой психологической помощи.

Вопросами о смысле жизни в психотерапевтических изысканиях главным образом задаются представители экзистенциального подхода. Решаются они достаточно разнообразными и противоречивыми способами. Так, согласно главному принципу экзистенциальной философии Жан Поль Сартра и психотерапевтическим взглядам его последователей, в жизни нет никакого присущего ей смысла, «люди ответственны за создание собственного смысла и за то, что они делают из себя сами» [цит. по: 10, с. 86]. Маловероятно, что для человека, оказавшегося в экстремально трудной жизненной ситуации, принятие идеи о создании своего смысла жизни как заведомо чего-то мифического и фиктивного, придуманного им самим, возобладает психотерапевтическим, протективно действующим эффектом в мобилизации необходимых внутренних сил.

От того как решается в психотерапевтической теории вопрос о соотношении личностных и общественных интересов, зависит и исходное отношение к просоциально-терминальным, альтруистическим, жертвенным, героическим поступкам. Биологизаторски ориентированная методология психоанализа, постулирующая неизбежность конфликта между потребностями личности и интересами общества, рассматривает любые героические поступки, подвиги, жертвенные формы поведения как проявления невроза.

Базовые принципы гештальттерапии исходят из положения о первичности «удовлетворения биологических потребностей» индивидом [10, с. 128], стремящимся развивать в себе самостоятельность и независимость. В качестве результата такого рода саморазвития часто оказывается гипер-самостоятельный, нередко переживающий чувство одиночества индивид.

Вполне очевидно, что как психоаналитическое, так и гештальттерапевтическое мировоззрение специалиста-психолога, могут создавать серьезные барьеры в развитии психотерапевтических отношений и процессов в работе с участниками боевых действий, членами их семей и всех вовлеченных в события СВО.

Личностно-центрированный подход, основанный К. Роджерсом, также таит в себе методологические противоречия, ставя индивида в центр социальной среды, обслуживающей его эгоцентрически замкнутое на себе, стремящееся самоактуализироваться «организмическое Эго» [цит. по: 5, с. 45]. Методология самоактуализации и самореализации индивида без решения вопросов «зачем», «для кого» или «для чего» беспочвенна.

Бихевиористический и когнитивистский подходы в психотерапии, несмотря на созданные многочисленные психотехнические инструменты обеспечения внутренних психических преобразований человека, лишены четко выстроенной теории личности. Бихевиористическая модель оказания помощи направлена на выработку новых поведенческих привычек и, по сути, лишает человека права на душевные переживания, творческие интерпретации событий и поиски жизненного смысла. Когнитивный подход сосредоточен на обнаружении операциональных логических ошибок в убеждениях, не опускаясь до энергетических оснований переживаний и поступков и не поднимаясь до ценностно-смысловых образований личности.

Одна из самых серьезных сложностей современной психотерапии связана с недостаточной разработанностью теории личности. Как было замечено Дж. Прохазкой и Дж. Норкроссом, одни психотерапевтические подходы делают акцент на «теории личности», другие – на «технологии процесса» оказания помощи [10, глава 1, с. 27]. Но даже те модели, которые берут за основу теоретические положения о строении и функционировании личности, как правило избирательно ориентированы на описание изолированно рассматриваемых психических симптомов или социально-психологических феноменов, а не динамики целостной личности.

Проблема системной организации личности, ее функциональной структуры, пожалуй, является до сих пор одной из глобальных и фундаментальных проблем современной психологии. Попытки предложить иерархическую структуру души человека известны в философ-

ском прошлом психологии, начиная еще с Платона и Аристотеля [цит. по: 11, с. 45–64]. Однако тогда не существовало еще самого понятия личности. Иерархическая структура психики человека была предложена, но вскоре почти совсем забыта, в одной из первых теорий личности, созданной американским психологом У. Джемсом. Подразумеваемая под личностью эмпирическое Я человека, он полагал целесообразным выделять в ней «физическую, социальную и духовную части», определив последнюю составляющую в качестве главенствующей над двумя другими [12, с. 81–85, 92–94]. К сожалению, это общее теоретическое положение не было далее более содержательно и детально проработано ни в трудах У. Джемса, ни его последователей.

Психоаналитические положения З. Фрейда о структуре психического аппарата, сформулированные фактически в то же самое время, что и идеи Джемса, в начале XX в., сосредоточены больше не на решении проблем системной организации, управления и развития личности, а на вопросах перераспределения между ее структурными сознательными и бессознательными компонентами сексуализированной энергии либидо для поддержания функционально адаптивного состояния.

В психодинамической теории личности А. Адлера, введившем новую «личностную силу – творческое “Я”», способное менять судьбу человека путем переинтерпретации жизненных событий, – осуществляется фактически революционный сдвиг в решении общеметодологического принципа детерминизма [цит. по: 11, с. 356]. Однако системность внутриличностного управления поведением и развитием психических свойств все еще оставался открытым. Идея о психологическом детерминизме становится основой для построения гуманистических теорий личности Г. Олпорта, А. Маслоу, К. Роджерса. Но вопросы структурной организации личности и в этих теориях сводятся максимум к перечислению набора всевозможных личностных свойств, черт и их операционализации. Такой подход, один из наиболее доминирующих как в прошлом веке, так и сегодня, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский назвали «коллекционерским» [13, с. 223].

В 70-е гг. XX в. в российской психологии внимание стало смещаться в сторону системного подхода, который стали представлять теории, либо дифференцирующие индивида и личность, биологическое и социальное в человеке, либо

выделяющие отдельные, но взаимосвязанные подсистемы личности. Одна из наиболее всеобъемлющих моделей психики человека создана в теории В. Н. Мясищева, рассматривающая личность как систему психологических отношений человека к миру и к самому себе [14]. Несмотря на масштабную и одновременно глубокую детальную проработку, и эта теория не решила все сложные задачи уровневой иерархической организации личности.

Одним из появившихся в последнее время направлений в психологии стала мультисубъектная персонология, описанная в работах В. А. Петровского. Личность в этом новом подходе стала пониматься как полифоничное «единоногие Я как республика..., но не монархия» различных субъектов в структуре личности [15, с. 186, 187]. Вопросы самоуправления и самоорганизации, а также соотношения личных и социальных интересов в такой мультисубъектной персонологической модели по-прежнему остаются открытыми и не решенными.

Перечисленные теоретико-методологические проблемы создают серьезные ограничения при оказании помощи участникам боевых действий СВО, членам их семей, а также всем, кто сталкивается с экзистенциальными проблемами переживания различного рода утрат (потери близких, прежнего места жительства, чувства целостной личностной идентичности, прежних жизненных смыслов, привычных поведенческих стереотипов) или постановки новых целей в жизни, диктуемой резкими и внезапными изменениями обстоятельств. И в этой связи встают новые задачи поиска способов разрешения существующих проблем и отстраивания теоретической и методологической системы психотерапии, позволяющей совладать со сложными актуальными экзистенциальными вызовами в жизни современного человека.

Пути решения теоретико-методологических проблем оказания психологической помощи в связи с переживанием событий СВО

Как это не удивительно, но пути решения выше обозначенных основных теоретико-методологических проблем оказания психологической помощи при переживаниях событий СВО, можно обнаружить в философской психологии Семена Людвиговича Франка (1877–1950) [16], начало которой было положено уже более 100 лет назад.

Исходным в преодолении комплекса противоречий между личностным и социальным, «хочу» и «должен», свободой и несвободой, одиночеством и единением с другими является понимание личности в учении С. Л. Франка. Истинная личность понималась им как достигшая в своем формировании структура психической, душевной, жизни уровня высшего, над-индивидуального, «сверх-субъектного, духовного Я» [17, с. 254], служащего управляющей и регулирующей силой в проявлениях двух других нижележащих Я: низшего, бесформенного Я, состоящего из страстей и неспособных к самоорганизации хаотичных желаний; и индивидуально-обособленного «сверхчувственно-волевого Я», наделенного возможностями познания окружающего предметного мира и осознания своей отличительности и отдельности от других [16, с. 166].

Высшее Я – это вершина развития психической, душевной, жизни человека, его переход на духовный уровень существования, соединяющий в сопереживаниях с высшими Я других людей. Уровень формирования высшего Я характеризуется сложными значимыми (гораздо более весомыми, чем чувство собственного обособленного эгоистического Я) переживаниями, такими, как чувство зова совести; чувство своего предназначения; чувство высшего, святого, долга, нераздельно связанное с желанием его неперемогимого исполнения; стремление соприкоснуться с Непостижимым Божественным, позволяющее стремиться к преодолению собственного несовершенства; осуществление внутреннего выбора в пользу веры в существование абсолютного смысла своей жизни и борьбы за этот смысл в самых тяжелых испытаниях. Формирование высшего Я достигается путем погружения в самую глубину своей душевной жизни и одновременно через самотрансцендирование за пределы своего замкнутого на себе эгоистического и эгоцентрического Я. Становление духовного Я может быть сопряжено с развитием религиозного сознания, с глубокой верой в Бога, но также возможно и в ходе формирования нравственного самосознания человека. На этот путь может ступить и человек, считающий себя атеистом, но прислушивающийся к голосу совести, осмысливающий категории непостижимого, переживающий опыт самотрансцендирования в заботе о других людях или посвящении себя творческому делу, поднимающийся над узколичностными интересами.

В отличие от мультисубъектной персонологии, такая модель личности описывает ее как целостность, сформированную иерархическими отношениями трех основных сфер, относящихся к разным уровням системной организации. Одним из базовых свойств психического, позволяющих достигать личностной целостности, является способность целестремительности, самоформирования и самоорганизации. Управление психической жизнью на низших уровнях берут на себя способности более высокого уровня. Самым мощным потенциалом управления, организации и самоформирования обладает уровень высшего Я.

Представление о сложной, иерархической системной организации личности с вершинным Я, характеризующимся над-индивидуальным сознанием и руководствующимся не эгоистическими желаниями, а потребностями быть признанными к чему-то выходящему за пределы своего ограниченного обособленного индивидуального Эго, не разделяет человека с другими индивидами и не противопоставляет его обществу. Личность с развивающимся вершинным Я нуждается в других людях не для того, чтобы использовать их для удовлетворения своих ограниченных частных интересов, а для того, чтобы становиться нужной в развитии их высших Я, постоянно расширяя круг своего внимания и спектр сознания. Личность, достигшая главной ступени в своем развитии, умеет управляться со своей низшей гедонистической самостью, поскольку в ней со всей полнотой начинает актуализироваться ее высшая самость. Вопрос о жертвенных просоциальных формах поведения как об отказе от своей самости в пользу других, таким образом, сам по себе снимается.

За всеми личностно-психическими актами духовного самотрансцендирования, такими, как поиск своего предназначения, переживание чувства высшего долга, следование голосу совести, посвящение себя делу, к которому призван, вера в Бога, стоит, как отмечал С. Л. Франк, способность стремления к расширению поля сознания, всецело включенного в восприятие бесконечной перспективы бытия. Такое сопереживающее расширение сознания является ключевым критерием здорового функционирования психики. В противоположность этому, как писал Франк, «основной признак помешательства есть не расширение нормального горизонта бытия, а, напротив, его искусственное сужение» [18, с. 158]. Скорее, ограниченность человека своими

гедонистическими потребностями и фиксация на эгоистических целях будут являться потенциальными рисками психического нездоровья, чем его просоциальная направленность, альтруистические формы поведения и героические поступки.

Важный и очень весомый психотерапевтический потенциал для решения вопроса о смысле жизни содержится в экзистенциальной теории логотерапии Виктора Франкла, прошедшего жестокие испытания узника концентрационных лагерей. В его учении решалась проблема поиска смысла жизни в самых тяжелых обстоятельствах. Одним из положений «трагической триады» В. Франкла является утверждение о том, что никто не застрахован от страданий, но, даже проживая их, человек может найти свой смысл жизни [19, с. 41]. Согласно логотерапии Франкла, потребность в смысле жизни является врожденной, и смысл жизни существует, его только нужно найти, выйдя за пределы собственного Я благодаря самотрансцендированию. Человек может обрести смысл жизни в творчестве, работе, созидании или в посвящении своей жизни близким людям, в любви и сострадании. Если обстоятельства настолько трудны, что не позволяют найти смысл в ценностях творчества и переживания, то тогда человек может обрести смысл, найдя особое отношение к этим обстоятельствам и к самому себе в них. Итак, по В. Франклу, смысл жизни ищется за пределами самого себя благодаря самотрансцендированию. В учении С. Л. Франка приводятся обоснования идеи о существовании абсолютного смысла жизни каждого человека, конечные доказательства которого лежат в области непостижимого. И именно благодаря этому человек может осознать свою истинную свободу, заключающуюся в дарованной ему возможности самому сделать выбор в пользу веры в существование абсолютного смысла своей жизни. Для С. Л. Франка важен не столько поиск смысла жизни, сколько внутренняя борьба за него как «за саму жизнь, за сохранение личности» [16, с. 213].

Такая системная иерархическая, уровневая модель организации личности и всей психической – душевной (в терминологии С. Л. Франка) – жизни позволяет соотносить ее с теоретическими представлениями о различных уровнях психики и выстраивать в психотерапии и психологическом консультировании работу не только с отдельными психофизиологическими

состояниями, но и с высшими психическими функциями. Заметим, что в российской школе клинической психологии Б. В. Зейгарник, опирающейся на идеи Л. С. Выготского о сложной природе психики и о ее высших функциях, как социальных и культурно-исторических по своему происхождению, любое личностное психическое явление (в том числе и в меняющихся условиях возникающей экстремальной ситуации, кризиса или болезни) рассматривается как иерархическая функциональная система [20]. Она включает низший – психодинамический (психофизиологический) – уровень, отвечающий за силу, энергию, интенсивность, темп и сбалансированность психической деятельности; средний – инструментально-операциональный – уровень, связанный с осуществлением отдельных когнитивных процессов и аффективных функций психики; и высший – мотивационно-управленческий – уровень, организация деятельности которого обеспечивается сформированным ценностно-смысловым ядром личности. Смыслы, цели и организация любой психической деятельности, в том числе, связанной с совладанием с экстремально-трудными жизненными ситуациями, определяется именно этим высшим уровнем личностного функционирования.

Этой системной модели функционирования психики соответствует и предложенная Б. С. Братусем концепция уровнево-типологического рассмотрения здоровья человека в зависимости от уровневой организации бытия человека. Согласно его концепции выделяются три уровня здоровья человека: низшая ступень – психофизиологическое здоровье, обусловленное особенностями нейрофизиологической организации психической деятельности; промежуточная, средняя ступень – индивидуально-психологическое здоровье, зависящее от когнитивной деятельности, обеспечивающей использование адекватных, адаптивных способов достижения операциональных целей; и высшее, личностное здоровье человека, зависящее от развития нравственного самосознания и позволяющее регулировать социальное поведение человека [21].

Уровневое представление о личности может значительно плодотворно сказываться на построении теории психотерапевтического процесса и его более четкой организации. Для работы с симптоматикой расстройства каждого из уровней организации личности могут быть применены и разработаны соответствующие

ющие методы и инструменты: 1) для низшего психодинамического уровня психической организации – психотехники регуляции психофизиологических процессов и состояний; 2) для инструментально-операционального уровня восприятия и осмысления действительности, осознания себя и отстраивания своей идентичности – психотехники управления когнитивными операциями, аффективными состояниями и поведенческими привычками; 3) для формирования ресурсов и способностей высшего, духовно-нравственного уровня личности – сложные методы ценностно-смысловой самоорганизации, самопреодоления и само-трансцендирования, построения жизненных стратегий и перспектив.

Для работы с симптомами нарушения функционирования психики на психофизиологическом уровне разработано, апробировано и накоплено достаточно большое количество психотехнического инструментария. В первую очередь, это всевозможные методики снятия психофизиологического напряжения, психомышечной релаксации, использования языка тела. В работе с операционально-инструментальным уровнем могут использоваться разнообразные когнитивные, поведенческие и эмоционально ориентированные психотехники, способствующие выработке новых полезных навыков. Например, психотехники критической проверки обоснованности используемых в значимых жизненных ситуациях и межличностных отношениях убеждений, психотехники репетиции поведения, приемы выражения и высвобождения чувств, методики, направленные на вызывание катарсической разрядки, снижающие проявления алекситимических комплексов и т.п.

Решение задач ценностно-смысловой регуляции, относящейся к высшему личностному уровню, может осуществляться при помощи специально разработанных методов логотерапии В. Франкла, патогенетической психотерапии, заложенной В. Н. Мясищевым, способной охватить вниманием всю систему психологических отношений личности к миру и к самой себе. Психотерапевтически важным в работе с ценностно-смысловым, духовно-нравственным уровнем личности могут являться использование и дальнейшая разработка такого системного метода, как психодрама, предложенная Я. Л. Морено [цит. по: 22]. Данный психотерапевтический инструментарий опирается на целый комплекс теорий, одной из которых

является системная теория ролей Я. Л. Морено. Система ролей включает в себя весь спектр уровневое личностное развитие: роли психосоматические, или психофизиологические, роли эмоционально-психологические, отражающие разнообразные поведенческие, эмоциональные и когнитивные репертуары, проигрываемые человеком изо дня в день, из ситуации в ситуацию, роли социальные и, наконец, роли «самотрансцендентные», духовные [22, с. 115], переживание которых призвано способствовать поиску ответов на самые главные и острые экзистенциальные вопросы в жизни человека.

В последние годы нами разрабатывается метод духовно ориентированной ментальной интра-психодрамы, в которой центральным предметом разворачивающейся представляемой внутренней экзистенциально-трансцендентной игры становится сложный и потенциально иерархически непротиворечиво устроенный мир душевной жизни личности. Учитывая специфику уникальности каждой личности и ее жизненного пути и руководствуясь принципом психотерапевтической экологичности, такая психодраматическая работа выстраивается как представляемая психодрама, как внутренний диалог клиента с самим собой, с элементами своей богатой личностной структуры, осуществляемый при профессиональном сопровождении специалиста-психолога.

Теория и методология данной психотерапевтической модели опирается на идеи психологии духовности С. Л. Франка, системную теорию психодрамы и теорию ролей Я. Л. Морено, концептуальные положения о регулирующей функции ментальных образов представления, сформированные А. А. Гостевым [23]. В операционально-психотехническом плане данный разрабатываемый нами метод опирается также на накопленный эмпирический опыт эффективного использования в психологической практике технологии нейролингвистического программирования, эмоционально-образной терапии Н. Д. Линде [24], приемов управления вниманием, создания чувственных образов и словесных формул внушения, аутотренинговых методик саморегуляции.

Заключение

СВО обострила проблему главного на данный момент для консультативной психологии – отсутствие общей, системной теории

и фундаментальной методологии – и показала ее прежнюю недостаточную состоятельность.

Перед специалистами-психологами возникают новые задачи оказания психологической помощи в связи с различными типами переживаний событий СВО, присущих участникам боевых действий и членам их семей, пострадавшим от террористических актов и угроз, очевидцам трагических происшествий, и всем, кто глубоко сочувствует принявшим на себя различные испытания, замечает изменения в собственном мироощущении и пытается по-новому выстроить свою жизнь, профессиональную деятельность и внутриличностную организацию в целом.

Осуществление этих профессионально-психологических задач сопряжено с необходимостью преодоления теоретико-методологических проблем, связанных с поиском ответов на научные и мировоззренческие вопросы, касающиеся поиска смысла жизни, определения приоритетов в соотношении личностных и общественных интересов, объяснения ресурсов и рисков просоциально-терминальных, альтруистических, жертвенных, героических, видов поведения, понимания системной уровневой организации личности и отстраивания сложной многоуровневой помогающей деятельности.

Пути решения этих проблем позволяют обнаружить идеи о развитии личности и психологии духовности, заложенные в философской психологии С. Л. Франка, теории и богатый накопленный опыт логотерапии В. Франкла, положения о сложной природе психики и о ее высших функциях, как социальных и культурно-исторических по своему происхождению, разработанные в научной школе Л. С. Выготского и его учеников, уровнево-типологическая модель здоровья человека, предложенная Б. С. Братусем, психотерапевтическая система теории психодрамы и теории ролей Я. Л. Морено, концептуальные представления о регулирующей и программирующей функциях образов. Синтез этих теоретических и методологических источников позволяет начать разработку такой системной многоуровневой психотерапевтической модели оказания психологической помощи, как духовно ориентированная ментальная интра-психодрама.

Список литературы

1. Грунина Т. А. Реабилитация военнослужащих, участников СВО. Клинико-психологический аспект // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2024. № 1. С. 17–20. EDN: UTTNRI
2. Малюченко Г. Н. Методика «СЛИР (БВ)»: Сопровождение личностных изменений в реадaptации боевого ветерана : учебно-методическое пособие. Саратов : Саратовский источник, 2025. 105 с.
3. Шереметьева И. И., Строганов А. Е., Кандрин Н. В., Кулешова Е. О. Оценка эффективности метода БОС и трансдраматической психотерапии в комплексном лечении невротических расстройств в условиях специальной военной операции (СВО) // Психиатрия. 2024. Т. 22, № 3–2. С. 179–180. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-3-2>
4. Гулина М. А., Зинченко Ю. П. Консультативная психология. СПб. : Питер, 2018. 336 с.
5. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб. : Питер, 2001. 464 с.
6. Андреева Ю. В. Ценностно-смысловая интерпретация трагического оптимизма В. Франкла в контексте преодоления страдания // Ценности и смыслы. 2022. № 4 (80). С. 70–81. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-4-70-81>
7. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб. : Питер, 2000. 416 с.
8. Крохин И. П. Невротические и личностные расстройства. М. : ФГБУ ДПО «ЦГМА» Управления делами Президента РФ, 2017. 60 с.
9. Андреев В. Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний. М. : ФГБУ ДПО «ЦГМА» Управления делами Президента РФ, 2019. 56 с.
10. Прохазка Дж., Норкросс Дж. Системы психотерапии. Для консультантов, психотерапевтов и психологов. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 383 с.
11. Марцинковская Т. Д. История психологии : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2002. 544 с.
12. Джемс У. Психология / под ред. Л. А. Петровской. М. : Педагогика, 1991. 368 с.
13. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М. : Инфра-М, 1998. 528 с.
14. Мясищев В. Н. Психология отношений. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 2003. 400 с.
15. Петровский В. А. Субъектность Я в персонологической ретроспективе // Мир психологии. 2021. Т. 105, № 1–2. С. 174–194.
16. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М. : Директ-Медиа, 2008. 281 с.
17. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / под ред. Л. М. Суриса. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 423 с.
18. Франк С. Л. С нами Бог. М. : Директ-Медиа, 2008. 386 с.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
20. Зейгарник Б. Ф. Личность и патология деятельности. СПб. : Питер, 2025. 256 с.
21. Братусь Б. С. Аномалии личности. М. : Никая, 2019. 912 с.

22. Лейтц Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено. М. : Прогресс, Универс, 1994. 352 с.
23. Гостев А. А. Психология вторичного образа. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 512 с.
24. Линде Н. Д. Эмоционально-образная (аналитически-действенная) терапия: Чувство – образ – анализ – действие. М. : Генезис, 2016. 384 с.

References

1. Grunina T. A. Rehabilitation of military personnel, members of the SVO. Clinical and psychological aspect. *Voprosy psikhologii ekstremalnykh situatsiy* [Issues in Extreme Situations Psychology], 2024, no. 1, pp. 17–20 (in Russian). EDN: UTTNRI
2. Malyuchenko G. N. *Metodika «SLIR (BV)»: Soprovozhdenie lichnostnykh izmeneniy v readaptatsii boevogo veterana* [Support of personal changes in the readaptation of a combat veteran]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2025. 105 p. (in Russian).
3. Sheremetyeva I. I., Stroganov A. E., Kandrina N. V., Kuleshova E. O. Evaluation of the effectiveness of the method of biofeedback and transdramatic psychotherapy in the complex treatment of neurotic disorders in the conditions of special military operation (SMO). *Psikhiatriya* [Psychiatry], 2024, vol. 22, no. 3-2, pp. 179–180 (in Russian). <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-3-2>
4. Gulina M. A., Zinchenko Yu. P. *Konsultativnaya psikhologiya* [Counseling psychology]. St. Petersburg, Piter, 2018. 336 p. (in Russian).
5. Nelson-Dzhouns R. *Teoriya i praktika konsultirovaniya* [Theory and practice of counseling]. St. Petersburg, Piter, 2001. 464 p. (in Russian).
6. Andreeva Yu. V. Value-semantic interpretation of tragic optimism V. Frankl in the context of overcoming suffering. *Tsenosti i smysly* [Values and Meanings], 2022, no. 4 (80), pp. 70–81 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-4-70-81>
7. Rean A. A., Kolominskiy Ya. L. *Sotsialnaya pedagogicheskaya psikhologiya* [Social educational psychology]. St. Petersburg, Piter, 2000. 416 p. (in Russian).
8. Krokhin I. P. *Nevroticheskie i lichnostnye rasstroystva* [Neurotic and personality disorders]. Moscow, TSGMA Publ., 2017. 60 p. (in Russian).
9. Andreev V. E. *Psikhologiya ekstremalnykh situatsiy i sostoyaniy* [Psychology of extreme situations and conditions]. Moscow, TSGMA Publ., 2019. 56 p. (in Russian).
10. Prokhazka Dzh., Norkross Dzh. *Sistemy psikhoterapii. Dlya konsultantov, psikhoterapevtov i psikhologov* [Systems of psychotherapy. For counselors, psychotherapists and psychologists]. St. Petersburg, Praym-EVROZNAK, 2007. 383 p. (in Russian).
11. Martsinkovskaya T. D. *Istoriya psikhologii* [History of Psychology]. Moscow, Akademiya, 2002. 544 p. (in Russian).
12. James W. *Psychology*. New York, H. Holt and Company, 1892. 478 p. (Russ. ed.: *Psikhologiya*. Moscow, Pedagogika, 1991. 368 p.).
13. Petrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G. *Osnovy teoreticheskoy psikhologii* [Fundamentals of theoretical psychology]. Moscow, Infra-M, 1998. 528 p. (in Russian).
14. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* [The psychology of relations]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., Voronezh, MODEK, 2003. 400 p. (in Russian).
15. Petrovskiy V. A. Subjectivity of the Self in Personological Retrospect. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2021, vol. 105, no. 1–2, pp. 174–194 (in Russian).
16. Frank S. L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [The soul of man. Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 281 p. (in Russian).
17. Frank S. L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii. Pod red. L. M. Surisa* [The incomprehensible. An ontological introduction to the philosophy of religion. Ed. by L. M. Surisa]. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2017. 423 p. (in Russian).
18. Frank S. L. *S nami Bog* [God is with us]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 386 p. (in Russian).
19. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik. Per. s angl. i nem.* [Man's search for meaning. Transl. from English and German]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russian).
20. Zeygarnik B. F. *Lichnost i patologiya deyatelnosti* [Personality and pathology of activity]. St. Petersburg, Piter, 2025. 256 p. (in Russian).
21. Bratus B. S. *Anomalii lichnosti* [Personality anomalies]. Moscow, Nikeya, 2019. 912 p. (in Russian).
22. Leutz G. *Psikhodrama: teoriya i praktika. Klassicheskaya psikhodrama Ya. L. Moreno* [Psychodrama: Theory and Practice. Classical Psychodrama by J. L. Moreno]. Moscow, Progress, Univers, 1994. 352 p. (in Russian).
23. Gostev A. A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* [Psychology of secondary image]. Moscow, Institute of Psychology RAN Publ., 2007. 512 p. (in Russian).
24. Linde N. D. *Emotsionalno obraznaya (analiticheski-deystvennaya) terapiya: Chuvstvo – obraz – analiz – deystvie* [Emotionally imaginative (analytically effective) therapy: Feeling – image – analysis – action]. Moscow, Genезis, 2016. 384 p. (in Russian).

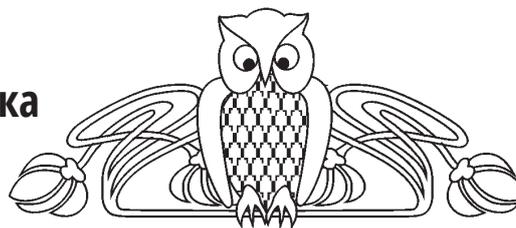
Поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 24.06.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 24.06.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 55–62
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 55–62
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-55-62>, EDN: MSEPMW

Научная статья
УДК 316.6+159.923

Социально-когнитивная архитектоника моральной травмы личности

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Во *введении* обосновывается актуальность изучения моральной травмы как психологической «раны совести», раскалывающей целостность личности, нарушающей ее картину мира и глубинные нравственные убеждения о справедливости и осмысленности человеческого существования, которая обусловлена глобальными вызовами современного общества, расширением понимания психологических последствий экстремального стресса, масштабированием групп риска, подверженных моральным травмам, и разрушительностью их последствий для отдельной личности и общества. **Теоретический анализ.** Цель: теоретическая рефлексия социально-когнитивной архитектурной моральной травмы с позиций авторской концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой». Показано, что интернализованные паттерны взаимодействия определяют формирование личности и психопатологию, выступая не столько в качестве бессознательных паттернов, сколько как смысловые и оценочные структуры сознания, организующие опыт межличностных отношений. Выявлено, что моральная травма возникает в результате конфликтного рассогласования личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой», влияющих на отношения к себе, миру и другим людям и вызывающих глубокие нарушения на эмоциональном, когнитивном, социальном и духовном уровнях. **Заключение.** Установлено, что моральная травма – это катастрофическое рассогласование в структуре ключевых личностных репрезентаций взаимодействия, которое приводит к внутреннему расколу и распаду целостного образа Я как морального субъекта, экзистенциальному кризису, разрушению доверия, соматизации и деструктивному поведению. Предложен обобщенный алгоритм психологической работы, направленной на трансформацию травматических личностных репрезентаций взаимодействия и восстановление способности личности к смысловой переработке опыта.

Ключевые слова: социально-когнитивная архитектоника, моральная травма, диада Я–Другой, репрезентации взаимодействия

Для цитирования: Рягузова Е. В. Социально-когнитивная архитектоника моральной травмы личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 55–62. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-55-62>, EDN: MSEPMW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social-cognitive architectonics of personal moral injury

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. The *introduction* substantiates the relevance of studying moral injury as a psychological “wound of conscience” that shatters the integrity of the personality, disrupts its worldview and deep moral convictions about justice and the meaningfulness of human existence. This relevance is driven by global challenges of modern society, the expanding understanding of the psychological consequences of extreme stress, the scaling of risk groups susceptible to moral injuries, and the destructiveness of their consequences for both an individual and society. **Theoretical analysis.** The purpose of the paper is a theoretical reflection on the socio-cognitive architectonics of moral injury from the standpoint of the author’s concept of personal representations of the «Self–Other» interaction. It is shown that internalized interaction patterns determine personality formation and psychopathology, functioning not so much as unconscious patterns but as semantic and evaluative structures of consciousness that organize the experience of interpersonal relationships. It was revealed that moral injury arises from a conflicting discrepancy in personal representations of the Self–Other interaction, which affect attitudes towards oneself, the world, and other people, causing profound disruptions at the emotional, cognitive, social, and spiritual levels. **Conclusion.** It is established that moral injury is a catastrophic discrepancy in the structure of key personal representations of interaction, which leads to the disintegration of the holistic self-image as a moral subject. A clear algorithm for psychological work is proposed, aimed at transforming traumatic personal representations of interaction and restoring the individual’s capacity for the semantic processing of experience.

Keywords: socio-cognitive architectonics, moral injury, Self–Other dyad, interaction representations

For citation: Ryaguzova E. V. Social-cognitive architectonics of personal moral injury. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 55–62 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-55-62>, EDN: MSEPMMW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Перефразируя В. Франкла, можно сказать, что у каждого времени не только свои неврозы [1], но и свои моральные травмы, которые обусловлены актуальными глобальными вызовами современного общества. Военные конфликты и политические кризисы нарушают базовую потребность в безопасности, связаны с агрессией и насилием, необходимостью совершать или быть свидетелем действий, противоречащих моральным стандартам человека. Природные и техногенные катастрофы способствуют разрушению стабильной и предсказуемой картины мира, актуализируют у личности чувство беспомощности и незащищенности перед природой или технологиями. Социальное неравенство и несправедливость имеют отношение к предательству со стороны властей и институтов, потере доверия, разрушению веры в справедливое устройство общества. Культурная травма и рефигурация системы базовых ценностей сопряжены с коллективными переживаниями, размыванием групповой идентичности, чувством потери «нормального» мира, неверием в будущее и, как верно заметила Т. П. Скрипкина, новой культурной этикой [2]. Разрушение межкультурного диалога и рост экстремизма касаются усиления оппозиции «мы – они», нетерпимости к инакомыслию, использования насилия для разрешения конфликтов, что приводит к формированию социальной среды, в которой диалог и взаимопонимание невозможны, а вынужденное пребывание в условиях вражды и агрессии деструктивно влияет на моральные основы совместного сосуществования социальных акторов. Более того, в современном мире растет число групп риска, подверженных моральным травмам, среди них не только те, кто непосредственно принимает участие в войнах и ликвидации последствий катастроф (медики – особенно в период таких кризисов, как пандемия, полицейские, пожарные, журналисты, работающие в «горячих точках»), жертвы или свидетели насилия, травли, предательства в разных контекстах взаимодействия, включая киберпространство, но и люди, работающие

в токсичных корпоративных культурах, вынужденные идти против своих этических принципов. Еще один аспект актуальности заявленной темы обусловлен важностью дифференциации последствий травматического стресса, в частности разведения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и моральной травмы, что необходимо для эффективной терапии ПТСР и продуктивного исцеления от моральной травмы.

Целью данного исследования выступает теоретическая рефлексия социально-когнитивной архитектоники моральной травмы с позиций концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой».

Новизна исследования заключается в том, что моральная травма позиционируется как результат конфликтного рассогласования личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой» и разрыва интернализированных паттернов интеракции, приводящих к расколу идентичности, распаду моральной субъектности, разрушению доверия к миру, себе и Другому, деструктивному поведению и экзистенциальному кризису.

Теоретическая значимость связана с тем, что результаты проведенной рефлексии расширяют научные представления о моральной травме и возможностях ее социально-когнитивной переработки, позволяя анализировать моральную травму не только как внутренний сбой личности, а как комплексный конфликт в системе «личность–общество», приводящий к разрушению идентичности, вызванному столкновением внутренней морали с невыносимой внешней реальностью, восстановление которой требует реконструкции связей личности с собой, миром, Другими.

Теоретический анализ репрезентаций взаимодействия «Я–Другой»

Социально-когнитивная архитектоника акцентирует внимание на том, как социальные структуры, взаимодействия и контексты формируют и организуют когнитивные процессы человека (мышление, память, внимание, приня-

тие решений). В рамках социально-когнитивной архитектуры моральная травма позиционируется в качестве сложного, многоуровневого, структурного образования, возникающего в результате динамического взаимодействия личности с разнообразными Другими в травматических контекстах, что обуславливает выбор в качестве методологической рамки исследования авторскую концепцию личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой» [3].

Одним из ее теоретических оснований выступают психоаналитические теории объектных отношений М. Кляйн [4], О. Кернберга [5], С. Митчелла и Д. Гринберга [6].

М. Кляйн сохраняет фрейдовскую трактовку влечений, таких как либидо и агрессия, но делает их неразрывно связанными с объектами, под которыми понимаются конкретные люди или символы, удовлетворяющие влечение, смещая тем самым исследовательский фокус с биологических влечений ребенка на самые ранние межличностные отношения, и то, как внутренние образы-репрезентанты объектов этих отношений формируют психику человека.

О. Кернберг объединяет теорию влечений и межличностные отношения, считая, что объект – это психический образ другого человека (чаще всего матери), который через эмоциональное состояние связывается с образом Я. Он полагает, что в раннем детстве ребенок интроецирует (поглощает внутрь, присваивает) взаимодействия с матерью, расщепляя их на «хорошие» (удовлетворяющие) и «плохие» (фрустрирующие). О. Кернберг выделяет фазы развития объектных отношений – от интроекции как примитивного механизма присвоения опыта, до идентификации как усвоения ролей и понимания различий в поведенческих рисунках одних и тех же людей в разных ситуациях и отождествления Я как интеграции всех идентификаций в целостное представление о себе, осознание взаимосвязи собственного поведения и отношения окружающих [5]. По его мнению, влечения возникают из конституциональных предрасположенностей, но организуются и структурируются через ранние объектные отношения и Я-объектную полярность. Для эффективного функционирования и целостной идентичности личности необходима проработка примитивных защит, особенно связанных

с расщеплением, и интеграция расщепленных «хороших» и «плохих» репрезентаций себя и объекта. Это приводит к формированию целостной идентичности и способности к амбивалентности, предполагающей возможность видеть в себе и Другом как хорошее, так и плохое одновременно. Безусловной заслугой О. Кернберга является не только конструирование модели личностной организации, в рамках которой уровни локализируются на континууме от здоровой и пограничной организации до патологической и дифференцируются, исходя из способности Я к интеграции (сила Эго) и типа преобладающих защитных механизмов, но и предложенная им эффективная терапия для пограничной организации личности.

С. Митчелл и Д. Гринберг полностью абстрагируются от теории влечений и утверждают, что поведение человека мотивируется не разрядкой инстинктивного напряжения, а стремлением к отношениям и установлению связей с Другими. Они полагают, что личность – это не внутренняя структура, а паттерн взаимодействий, который постоянно воспроизводится в сети реальных и внутренних отношений, тем самым перемещая исследовательское внимание с интрапсихического мира личности на интерперсональное поле, предполагающее динамическую сеть отношений с Другими [6].

Общий тезис проанализированных концепций заключается в смещении аналитического акцента на межличностные отношения как на первичную силу в формировании личности и психопатологии. Представители этих теорий полагают, что психика структурирована вокруг системы бессознательных репрезентаций, которые формируются в процессе раннего опыта взаимодействия со Значимыми Другими – важными людьми, позиционируемыми как объекты. Система репрезентаций включает саморепрезентацию как совокупность Я-идентификаций в конкретных ситуациях взаимодействия («Я-любимый», «Я-бросаемый», «Я-сильный»); репрезентацию Другого как образ значимого человека («Другой-заботящийся», «Другой-отвергающий», «Другой-агрессивный»), а также эмоциональную оценку, связывающую репрезентации Я и Другого (любовь, забота, страх, гнев, стыд) и определяющую валентность личностных

ожиданий от интерперсональных отношений. Например, репрезентативная схема может быть представлена следующим образом: «Я–хороший» ↔ (связь через любовь) ↔ «Другой–хороший».

Концепция личностных репрезентаций взаимодействия [3] фокусируется на том, как человек воспринимает, понимает и оценивает себя и Другого в интерактивном процессе, позиционируя и себя, и Другого как целостных, активных субъектов (а не как пассивных объектов). Это не бессознательные паттерны, а скорее смысловые и оценочные структуры сознания, которые организуют опыт отношений. Соответственно, единицей анализа выступает целостное взаимодействие, при котором Я и Другой не рассматриваются по отдельности, а воспринимаются именно как целостный гештальт, в котором оба наделены активностью, целями, смыслами. В каждой личностной репрезентации взаимодействия можно выделить: образ себя («Я-компонент»), имеющий отношение к тому, как личность видит себя в том или ином взаимодействии и какие личностные качества при этом проявляются; образ Другого («Alter-Другой») – это интернализированный Другой, активный агент, наделенный собственной субъектностью, который участвует во внутреннем диалоге с сознательным «Я» личности, и важно то, как личность воспринимает Другого в конкретном взаимодействии, какие качества и интенции атрибутирует ему; образ взаимодействия («Связка»), отражающий валентность и качественную определенность предполагаемой интеракции (диалог, признание, борьба, конфликт, проекция, отзеркаливание, слияние), связанный с тем как личность оценивает сам процесс взаимодействия, кто его инициирует, доминирует, оказывает влияние, несет ответственность и какой эмоциональный фон предполагает (уважение, интерес, открытость, агрессия, страх, ненависть, подозрительность, тревога, вина). При этом заметим, что психологически зрелая личность способна гибко перемещаться между разными образами взаимодействия, сохраняя способность к диалогу и признанию, минимизируя деструктивную борьбу и слияние. Ключевым параметром является согласованность или рассогласованность этих образов: эффективное взаимодействие характеризуется относительной согласованно-

стью между тем, как личность воспринимает себя, Другого и процесс интеракции, тогда как рассогласованность образов может приводить к различным видам деструкций и моральной травме.

Моральная травма как результат рассогласования личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой»

В современных исследованиях моральная травма понимается многомерно: как синдром, характеризующийся симптомами повторного переживания и избегания, сопровождающийся моральными эмоциями, деморализацией, социальной изоляцией или отстранением, связанный с изменениями в целеполагании, конструировании экзистенциальных смыслов, потерей духовности и религиозной веры [7]; как психологическая рана, наносящая ущерб базовым человеческим потребностям в социальной принадлежности и сплоченности [8]; как модель поведения, при которой человек пытается избежать или контролировать свою моральную боль [9].

Развитие теорий моральной травмы показывает сдвиг от понимания ее как внутреннего психологического конфликта в концепции Б. Литца [10] к более комплексному взгляду, учитывающему роль социального контекста и морального диссонанса в теории А. Те Брейка и Б. Наута [11], специфику травмирующих событий и субъектность личности в концептуальной модели двойного процесса моральной травмы и травматических расстройств Н. Барра с соавторами [12].

Ключевые компоненты моральной травмы могут быть представлены через нарушение морального ожидания, когда человек является свидетелем, совершает трансгрессивный проступок или становится жертвой действий, грубо деформирующих его представления о добре и зле, справедливости и человечности; через актуализацию чувства вины («Я сделал это»), стыда («Я – ужасный человек из-за того, что сделал это») и отвращения («То, что я сделал, отвратительно!»), а также через кризисы смысла, доверия и идентичности, имеющие место при разрушении фундаментальных представлений о том, что мир справедлив, люди в основе хорошие, а я – достойный человек.

Собственный трансгрессивный поступок или аморальные действия Другого искажают репрезентации «Я–Другой» и наносят удар по самым фундаментальным, часто идеализированным репрезентациям, не просто добавляя один негативный шаблон, а раскалывая или радикально трансформируя ключевые диады. Если до травмы существуют позитивные или, по крайней мере, сбалансированные репрезентации: «Я-моральный / хороший» ↔ «Другой-справедливый / предсказуемый»; «Я-защитник» ↔ «Другой-нуждающийся в защите»; «Я-действующий» ↔ «Другой-принимающий мое действие» (ожидание, что мои действия принесут добро или нейтральный результат), то во время и/или после морального травмирующего события происходит катастрофический сдвиг, приводящий к следующим сценариям.

1. *Человек совершил действие, нарушившее его кодекс (активная вина)*. В качестве примера можно привести комбатанта, убившего гражданское лицо или спасателя, не сумевшего спасти всех в условиях катастрофы. Трансформация репрезентаций: «Я-хороший» замещается на «Я-монстр / убийца / предатель». «Другой-справедливый» (например, образ общества или Бога) превращается в «Другой-карающий / осуждающий». Эмоциональная связка: любовь и доверие заменяются на стыд, вину и самоотвержение. Возникает новая доминирующая диада: «Я-преступник» ↔ (связь через стыд и вину) ↔ «Другой-судья», а также рассогласование между образом Я и образом взаимодействия. Если раньше существовала связка: «Я – хороший солдат» (образ Я) ↔ «Я выполняю приказ для защиты» (образ взаимодействия), то появляется репрезентация «Я участвую в убийстве невинных», в результате этого образ Я не может интегрировать подобный тип взаимодействия, что актуализирует острый когнитивный диссонанс и чувство вины.

2. *Человек стал свидетелем аморального действия и не вмешался (вина свидетеля)*. Например, сотрудник, который видел, как начальство покрывает преступление, но промолчал из-за страха быть уволенным. Трансформация репрезентаций: «Я-смелый / принципиальный» замещается на «Я-трус / соучастник». «Другой-авторитетный управленец» связывается с образом «Я-предавший», что порождает невыно-

симуемую вину. Новая диада: «Я-слабый» ↔ (связь через стыд и бессилие) ↔ «Другой-всемогущий-и-злой» (образ системы, начальства, которому подчинился). Происходит рассогласование между образами Другого и взаимодействия: «Руководитель – авторитет, который управляет организацией» (образ Другого) ↔ «Я выполняю его приказы» (образ взаимодействия) замещается следующими репрезентациями: «Руководитель, скрывающий преступление» (новый образ Другого) ↔ «Я слепо подчинился» (новый образ взаимодействия). В результате разрушается доверие к системе и Другим, которые должны были обеспечивать моральные ориентиры, а также возникает чувство предательства и гнева.

3. *Человек стал жертвой предательства со стороны «своих» (травма предательства)*. Например, ветеран, которого правительство «бросило» после войны, или сотрудник, которого обвинили в ошибках руководства. Трансформация репрезентаций: «Другой-защищающий / доверяющий» (армия, команда, руководство) замещается на «Другой-предающий / использующий». «Я-лояльный» превращается в «Я-обманутый / наивный / обесцененный». Эмоциональная связка: доверие заменяется на гнев, обиду и экзистенциальное одиночество. Актуализируется новая диада: «Я-брошенный» ↔ (связь через гнев и обиду) ↔ «Другой-предатель».

Соответственно, такое радикальное переопределение репрезентаций приводит к тяжелым последствиям. К ним относится, прежде всего, внутренний раскол, при котором положительные репрезентации «Я-хороший» не исчезают полностью, а продолжают существовать, вступая в неразрешимый конфликт с новыми, негативными репрезентациями, способствуя фрагментации идентичности, когда человек разрывается между «Я – герой» и «Я – монстр». Происходит распад ядра моральной субъектности как способности быть автором своих действий, нести за них ответственность и оценивать их с этической точки зрения. Моральная травма разрушает это ядро, так как человек не может «присвоить» себе действие (вина) или, наоборот, чувствует себя лишенным субъектности (бессилие, предательство).

Другим последствием может быть экзистенциальный кризис, в результате которого распадается целостная картина мира, постро-

енная на этих репрезентациях, жизнь теряет смысл, взаимодействие «Я-Другой» перестает быть источником смысла, а становится причиной стыда, вины и экзистенциальной пустоты. Человек не может найти позитивный смысл в том, что произошло.

Еще одним последствием выступает разрушение доверия, поскольку если образ Другого стал «предателем» или «судьей», то любые новые отношения воспринимаются как потенциально опасные, что приводит к социальной изоляции. Образ Другого становится угрожающим (осуждающим) или сам образ Я становится неприемлемым, человек бессознательно избегает глубоких, подлинных взаимодействий, чтобы вновь не пережить это рассогласование.

И, наконец, происходит соматизация и имеет место самодеструктивное поведение, так как труднопереносимые эмоции стыда и вины, связанные с новой диадой, ищут выхода, что может проявляться в виде психосоматических заболеваний, зависимостей, самоповреждающего и саморазрушительного поведения как бессознательной попытки наказать «плохое Я».

Таким образом, моральная травма – это катастрофическое рассогласование в структуре ключевых личностных репрезентаций взаимодействия, которое приводит к распаду целостного образа Я как морального субъекта. При этом моральная травма не просто набор симптомов, а глубокое структурное повреждение самой личности, которое выражается в формировании доминирующих, патологических диад, захватывающих идентичность человека и его способность к отношениям. Понимание этого механизма является ключом к направленной и эффективной психологической работе, целью которой выступает восстановление целостности Я и способности доверять Другому.

Концепция личностных репрезентаций взаимодействия «Я-Другой» предлагает обобщенный алгоритм подобной работы для восстановления способности к смысловой переработке опыта и согласованности репрезентаций.

1. Диагностика предполагает оказание помощи личности в осознании и вербализации тех репрезентаций взаимодействия «Я-Другой», которые были нарушены.

2. Переработка травмы с целью не столько «стереть» негативную диадку, сколько инте-

грировать противоречивые репрезентации, дать личности возможность увидеть себя не «монстром», а человеком, совершившим ужасный поступок в исключительных обстоятельствах, постараться разделить поступок и идентичность; трансформировать тотальный стыд в вину, которую можно искупить; слепой гнев – в осознанную злость, которую можно выразить конструктивно; создать новые, более гибкие репрезентации в безопасных психотерапевтических отношениях (где психолог – это «Другой-принимающий / понимающий, а не осуждающий»); помочь найти иной смысл в произошедшем, например, через помощь Другим (искупление), что позволит создать новую, жизнеутверждающую диадку: «Я-выживший-и-помогающий» ↔ «Другой-принимающий-помощь».

3. Восстановление диалога, при котором создается безопасное пространство между конфликтующими личностными репрезентациями взаимодействия и предоставляется право голоса и «Я-предателю», и «Я-жертве обстоятельств», и «Я-спасавшемуся-как-мог».

4. Переосмысление компонентов взаимодействия через, во-первых, пересмотр образа взаимодействия, для того чтобы помочь личности увидеть ситуацию в контексте внешних, непреодолимых обстоятельств, давления системы, ограниченности выбора, а во-вторых, дифференциацию образа Я в контексте разделения поступков и личности.

Заключение

Социально-когнитивная архитектура моральной травмы позиционируется как многомерное динамичное структурное образование, определяющее когнитивные процессы человека и детерминированное социальными структурами, социальными взаимодействиями и социальными контекстами. В рамках данного теоретического анализа исследовательское внимание акцентируется лишь на межличностных отношениях, однако моральные травмы – социальные травмы, и перспективы исследования связываются с фокусированием на социальном дискурсе, культурных нормах, идеологии и институциональных практиках, которые формируют сами критерии морального и аморального.

Моральная травма возникает в результате трансгрессивного поступка личности или действия Другого, нарушающих этический кодекс, и маркируется конфликтным рассогласованием ключевых личностных репрезентаций взаимодействия, приводящим к распаду целостного образа Я, разрушению позитивного нарратива о себе, экзистенциальному кризису, разрушению доверия, соматизации и деструктивному поведению. Однако в дальнейшем необходим учет постепенности, нелинейности и индивидуальной вариативности катастрофического сдвига от одной диады к другой, что будет способствовать углубленному пониманию сложности и противоречивости переживания моральной травмы.

Предложен обобщенный алгоритм психологической работы, направленной на трансформацию травматических личностных репрезентаций взаимодействия и восстановление способности личности к смысловой переработке опыта, требующий учета рисков, противопоказаний и адаптации психологических технологий под разные типы моральных травм.

Список литературы

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
2. Скрипкина Т. П. Актуальные социально-психологические проблемы современного российского общества // Человек и общество в современном киберпространстве : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (Москва, 21 апреля 2023 г.). М. : Энциклопедист-Максимум, 2023. С. 28–33. EDN: ADWTMW
3. Рягузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я–Другой». Саратов : Научная книга, 2011. 304 с. EDN: TNOLKH
4. Кляйн М. Детский психоанализ / пер. с англ. О. Бессоновой. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. 160 с.
5. Кернберг О. Ф. Психоаналитические теории объектных отношений // Ключевые понятия психоанализа / под ред. В. Мертенса. СПб. : В&К, 2001. С. 78–84.
6. Greenberg J. R., Mitchell S. A. Object Relations in Psychoanalytic Theory. Harvard University Press, 1983. 437 p.
7. Coady A., Chartoff R., Litz B., Frankfurt S. Trauma, Spirituality, and Moral Injury: Assessing and Addressing Moral Injury in the Context of PTSD Treatment // Current Treatment Options in Psychiatry. 2021. Vol. 8. P. 186–195. <https://doi.org/10.1007/s40501-021-00252-0>
8. Zefferman M. R., Mathew S. An evolutionary theory of moral injury with insight from Turkana warriors // Evolution and Human Behavior. 2020. Vol. 41, № 5. P. 341–353. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2020.07.003>
9. Borges L. M., Barnes S. M., Farnsworth J. K., Drescher K. D., Walser R. D. Case conceptualizing in acceptance and commitment therapy for moral injury: An active and ongoing approach to understanding and intervening on moral injury // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13. Art. 910414. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.910414>
10. Litz B. T., Stein N., Delaney E., Lebowitz L., Nash W. P., Silva C., Maguen S. Moral injury and moral repair in war veterans: A preliminary model and intervention strategy // Clinical Psychology Review. 2009. Vol. 29, № 8. P. 695–706. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.07.003>
11. Te Brake H., Nauta B. Caught between is and ought: The Moral Dissonance Model // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13. Art. 906231. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.906231>
12. Barr N., Atuel H., Saba S., Castro C. Toward a dual process model of moral injury and traumatic illness // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13. Art. 883338. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.883338>

References

1. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [A man in search of meaning]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russian).
2. Skripkina T. P. Actual socio-psychological problems of modern Russian society. *Chelovek i obshchestvo v sovremennom kiberprostranstve: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 21 aprelya 2023 g.)* [Man and Society in Modern Cyberspace: Collection of scientific papers of the II International scientific and practical conference (Moscow, April 21, 2023)]. Moscow, Encyclopedia-Maximum, 2023, pp. 28–33 (in Russian). EDN: ADWTMW
3. Ryaguzova Ye. V. *Sotsialnaya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsii vzaimodeistviya «Ya-Drugoi»* [Social psychology of personal representations of the “Self–Other” interaction]. Saratov, Nauchnaya kniga, 2011. 304 p. (in Russian). EDN: TNOLKH
4. Klyain M. *Detskii psikhoanaliz*. Per. s angl. O. Bessonovoi [Child psychoanalysis. Trans. from English O. Bessonova]. Moscow, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2010. 160 p. (in Russian).
5. Kernberg O. F. Psychoanalytic Theories of Object Relations. In: Mertens V., ed. *Klyuchevye ponyatiya psikhoanaliza* [Key concepts of psychoanalysis]. St. Petersburg, B&K, 2001, pp. 78–84 (in Russian).
6. Greenberg J. R., Mitchell S. A. *Object Relations in Psychoanalytic Theory*. Harvard University Press, 1983. 437 p.

7. Coady A., Chartoff R., Litz B., Frankfurt S. Trauma, Spirituality, and Moral Injury: Assessing and Addressing Moral Injury in the Context of PTSD Treatment. *Current Treatment Options in Psychiatry*, 2021, vol. 8, pp. 186–195. <https://doi.org/10.1007/s40501-021-00252-0>
8. Zefferman M. R., Mathew S. An evolutionary theory of moral injury with insight from Turkana warriors. *Evolution and Human Behavior*, 2020, vol. 41, no. 5, pp. 341–353. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2020.07.003>
9. Borges L. M., Barnes S. M., Farnsworth J. K., Drescher K. D., Walser R. D. Case conceptualizing in acceptance and commitment therapy for moral injury: An active and ongoing approach to understanding and intervening on moral injury. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13, art. 910414. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.910414>
10. Litz B. T., Stein N., Delaney E., Lebowitz L., Nash W. P., Silva C., Maguen S. Moral injury and moral repair in war veterans: A preliminary model and intervention strategy. *Clinical Psychology Review*, 2009, vol. 29, no. 8, pp. 695–706. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.07.003>
11. Te Brake H., Nauta B. Caught between is and ought: The Moral Dissonance Model. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13, art. 906231. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.906231>
12. Barr N., Atuel H., Saba S., Castro C. Toward a dual process model of moral injury and traumatic illness. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13, art. 883338. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.883338>

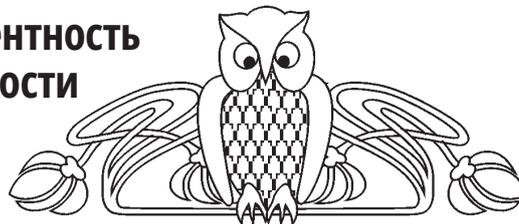
Поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 63–69
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 63–69
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-63-69>, EDN: QHKNZQ

Научная статья
УДК [61:316.334]-057.86+316.6

Профессионально-этическая комплаентность как критерий демаркации династийности и семейственности в современной социальной психологии

Л. М. Аранович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аранович Лилия Михайловна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры социальной психологии, aranovich@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4469-1494>

Аннотация. Введение. Обозначена проблема поиска оснований стабильного воспроизводства кадрового потенциала в условиях сохраняющегося дефицита врачебного персонала в области здравоохранения. В связи с этим социально-психологические исследования профессиональных династий в медицине как ресурса повышения качества организации медицинской помощи являются актуальными и научно значимыми. Исследование династийности в проблемном поле социальной психологии как элемента организационной культуры позволяет усовершенствовать принцип профессиональной преемственности в системе здравоохранения. **Теоретический анализ** включает общий обзор исследований, концептуализирующих понятия династии, профессиональной династии, медицинской династии. Династия определяется как один из каналов преемственности организационной культуры здравоохранения. Династийность, проявляясь в особой профессиональной идентичности, выступает ресурсом организационной культуры как социально-психологического феномена. Обосновывается необходимость выявления четких критериев определения династийности в целях предотвращения его подмены понятием семейственности. Автор осуществляет попытку демаркации феноменов династийности и семейственности. Критерием разграничения в данном случае выступает профессионально-этический комплаенс как системообразующий элемент организационной культуры. **Заключение.** Профессионально-этическая комплаентность определяется как необходимое условие развития организационной культуры, а профессиональные династии в этом отношении выступают как социально-психологические ресурсы его поддержания.

Ключевые слова: династия, династийность, семейственность, профессиональная (трудовая) династия, династия врачей, медицинская династия, профессионально-этическая комплаентность

Для цитирования: Аранович Л. М. Профессионально-этическая комплаентность как критерий демаркации династийности и семейственности в современной социальной психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 63–69. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-63-69>, EDN: QHKNZQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Professional and ethical compliance as a criterion for the demarcation of dynasties and domesticity in the modern social psychology

L. M. Aranovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lilia M. Aranovich, aranovich@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4469-1494>

Abstract. The Introduction identifies the problem of searching the basis for stable reproduction of human resources in the context of the persistent shortage of medical personnel in the field of healthcare. In this regard, socio-psychological studies of professional dynasties in medicine as a resource for improving the quality of medical care are relevant and scientifically significant. The study of dynasty in the problem field of social psychology as an element of organizational culture makes it possible to improve the principle of professional continuity in the health care system. The **Theoretical analysis** includes a general overview of studies conceptualizing the concepts of dynasty, professional dynasty, medical dynasty. Dynasty is defined as one of the channels of continuity of the organizational culture of health care. Dynasty manifested in a special professional identity, acts as a resource of organizational culture as a socio-psychological phenomenon. The need to identify clear criteria for determining dynasty in order to prevent its substitution by the concept of domesticity is substantiated. The author attempts to demarcate the phenomena of

dynasty and domesticity. The criterion for distinction in this case is professional and ethical compliance as a system-forming element of organizational culture. In the **Conclusion**, professional and ethical compliance is defined as a necessary condition for the development of organizational culture, and professional dynasties in this regard act as social resources for its maintenance.

Keywords: dynasty, dynasties, domesticity, professional (labor) dynasty, dynasty of doctors, medical dynasty, professional and ethical compliance

For citation: Aranovich L. M. Professional and ethical compliance as a criterion for the demarcation of dynasties and domesticity in the modern social psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 63–69 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-63-69>, EDN: QHKNZQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

По данным федеральной службы государственной статистики на 31 октября 2024 г., в нашей стране было более 31 тысячи вакансий рабочих мест врачебных специальностей¹. В условиях сохраняющегося дефицита кадров в области здравоохранения актуальной является проблема поиска оснований стабильного воспроизводства кадрового потенциала. В этой связи медицинские профессиональные династии становятся необходимым ресурсом выживания профессии, требующим поддержки не только со стороны общества, но и специального научного анализа. Как показывает в своем исследовании О. А. Нор-Аревян, династийность в медицине является положительно воспринимаемым явлением как в медицинском сообществе, так и среди пациентов, что, в свою очередь, позволяет рассматривать её как значимый фактор повышения качества организации медицинской помощи [1]. Исследование династийности в проблемном поле социальной психологии позволит усовершенствовать принцип профессиональной преемственности в системе здравоохранения, органично инкорпорировать его в организационную культуру отрасли и дополнять инновационные проекты направлениями развития и поддержки династийности в медицине.

Теоретический анализ

В настоящее время в научной литературе существует устойчивое определение понятия «профессиональная династия». По определению социолога О. Ю. Посуховой, «профессиональная династия – это локализованные в производственной и социально-экономической сфере социальные группы, которые характери-

зуются кровнородственными отношениями, в которых несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [2]. В рамках социальной психологии профессиональная династия определяется нами как социальная группа, локализованная в конкретной профессиональной сфере деятельности, характеризующаяся эмоционально-ценностным, целевым и смысловым единством в рамках межпоколенческих отношений [3]. К. А. Калашникова определяет «медицинскую династию» как «совокупность индивидов, имеющих медицинское образование и занимающихся одной и той же профессиональной деятельностью в рамках учреждений здравоохранения, объединенных функциональной и телеологической связью, а также трудовыми, моральными и родственными отношениями, и представляющих несколько поколенческих групп (генераций)» [4]. В исследованиях К. А. Калашниковой процесс профессиональной преемственности в медицине через институт семьи отражается термином «династийность». Выражая длительность процесса передачи профессионального опыта, данный термин акцентирует внимание на таких его составляющих, как мастерство, трудовые традиции и навыки [4, с. 149].

Выполняя функцию сохранения и трансляции профессионального опыта, династийность становится социально-психологическим механизмом внутренней интеграции медицинского коллектива. Династийность – это процесс, который включает в себя формирование профессионального самосознания, профессионального опыта и профессиональной установки [5].

Внимание психологии к феномену династийности в последние десятилетия проявилось в различных направлениях. Так, Е. А. Зиброва раскрыла смысл данного понятия через проблематику психологии труда [5], показав закономерности формирования опыта, установок и самосознания в профессии и их влияние на адаптационный потенциал организации.

¹ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266>

Н. В. Шаманин проанализировал профессиональную преемственность как социальную и семейную ценность, а династийность как средство их трансляции [6]. Исследование потенциала династийности как транслятора профессиональных ценностей является актуальным в условиях дефицита кадров в медицинской сфере и недостатка интериоризированных ценностно-смысловых оснований профессиональной деятельности у молодых специалистов.

Династия является одним из каналов преемственности организационной культуры здравоохранения. Династия – это механизм усвоения организационной культуры, вхождения в пространство профессии, условие формирования профессионального комплаенса. Проводя исследование медицинских династий, Ю. С. Панфилова доказывает влияние детско-родительских отношений на формирование династийных связей [7].

Понятие «организационная культура» отражает явления социальной и материальной жизни коллектива, доминирующие моральные нормы и ценности, кодекс поведения. Организационная культура обеспечивает повышение эффективности организации, так как влияет: на мотивацию сотрудников; привлекательность организации как работодателя, что отражается на текучести кадров; нравственность каждого сотрудника, его деловую репутацию; производительность и эффективность трудовой деятельности; качество работы сотрудников; характер личностных и производственных отношений в организации; отношение служащих к работе; развитие творческого потенциала служащих. Принадлежащие конкретной организационной культуре социальные представления формируют ценности, нормы, воззрения, символы, ритуалы данной организации и создают ее уникальность, способность обеспечивать деятельность и дальнейшее развитие.

Династийность, проявляясь в особой профессиональной идентичности, профессиональных установках и ценностях, профессиональном самосознании и опыте, выступает ресурсом организационной культуры как социально-психологического феномена. Понятие организационной культуры по ряду профессиональных критериев шире понятия династийности. При этом последнее выступает как способ воспроизводства профессиональных моделей поведения, в частности, способствует поддержанию и

развитию медицинской институциональности. Другими словами, профессиональная династия является важным ресурсом организационной культуры, она имеет свои функции и является показателем её зрелости.

Роль профессиональных династий состоит в трансмиссии и трансляции организационной культуры. В медицине профессиональная династия является ресурсом, повышая её престиж и потенциал. Рассмотрим особенности влияния династии на формирование личностного уровня организационной культуры. В рамках династии личность профессионала начинает развиваться намного раньше и идет параллельно с усвоением функциональных этических основ профессиональной деятельности под влиянием семейных традиций и уклада. Процесс профессиональной самоидентификации проходит раньше, легче и быстрее. Это происходит благодаря наличию на начало обучения профессии интериоризированных профессиональных ценностей, норм и правил. Наличие реалистичных представлений о профессии позволяет сформироваться на конец обучения представлениям об организационной культуре предприятия за счет усвоения функциональных этических смыслов на основе развития базовых путем идентификации себя с родителем-профессионалом.

Профессиональные династии как элемент организационной культуры профессионального сообщества выполняют ряд функций. Об одной из них уже сказано – это передача этико-смысловых основ профессиональной деятельности. Другой важной функцией является обеспечение профессионального старта, который происходит за счет наличия у представителей династий связей в профессиональной среде, что позволяет им остаться в профессии на старте трудовой деятельности, где важна помощь и поддержка представителей профессионального сообщества.

Еще одной функцией династийности в профессиональном сообществе является обеспечение устойчивости социальной структуры организации. Это особенно актуально для медицины, где долгое время сохраняется дефицит кадров, а также присутствует дисбаланс между социальной значимостью профессии и её престижностью среди населения.

В. А. Мансуров с соавторами рассматривают профессиональные династии как инструмент воспроизводства и развития различных профессиональных групп [8]. Династийность,

по их мнению, в структуре организационной культуры выполняет функцию воспроизводства профессионализма, что обеспечивает стабильность организации.

Таким образом, феномен династийности как социально-психологический ресурс деятельности профессиональной организации недостаточно изучен. Существуют исследования, которые говорят о двойственном – положительном и отрицательном – влиянии профессиональных династий на деятельность профессиональных организаций. Это связано с тем, что, с одной стороны, династийность рассматривается как социально-психологический механизм воспроизводства профессионализма, а с другой – как механизм стагнации.

Представители династий проще и легче адаптируются к профессиональной деятельности за счет более ранней интериоризации этическо-смысловых основ профессиональной деятельности. Они имеют легкий профессиональный старт за счет поддержки профессионального сообщества. Это одна из причин, почему они остаются в профессии, обеспечивая тем самым устойчивость структуры профессиональной организации. Семейная профессиональная династия представляет собой уникальный синтез двух систем взаимодействия: родственных (супружеских, родительско-детских) и организационных отношений, основанных на воспроизводстве профессиональных ценностей организационной культуры. Данная специфика профессиональной семейной династии определяет необходимость ее исследования в предметном поле социальной психологии.

Династийность как категория, отражающая процессы наследования титула, профессии, заслуг, в отличие от категории семейственности, воспринимается в позитивной коннотации. Отсутствие четких критериев демаркации семейственности и династийности приводит к негативным последствиям, связанным с утверждением на уровне законодательства норм, направленных на превенцию династических связей в медицине, а это, в свою очередь, увеличивает риск исчезновения профессиональных династий. В исследованиях Е. Ю. Ивановой демонстрируются проявления конфликта интересов и наличие противоречия между общими нормами антикоррупционного законодательства и отраслевой спецификой, требующей разработки научно обоснованного анализа

династийности. Это привело к стихийному процессу, в результате которого большинство профессиональных династий были прерваны и терминированы. Спецификой развития преемственности в таких сферах как искусство, образование, наука, медицина и т.д. является сильная обусловленность социально-историческими и культурными факторами. Разрушение династийности связано с более глубинным процессом нарушения механизма трансляции алгоритма профессионального самоопределения. Представляя собой модель свободного добровольного выбора профессиональной и образовательной направленности, династийность является способом синтезирования профессионального и жизненного пространства человека. Благодаря данному механизму комплекс базовых профессиональных установок, компетенций, этических норм и ценностей, составляющих ядро профессии, наследуется непроизвольно уже на уровне мироощущения и мировосприятия человека [9].

Одним из направлений социально-правовой политики в профессиональной сфере в постсоветский период стало ограничение династических связей в профессиональном пространстве, что было обусловлено тенденцией профилактики коррупционных злоупотреблений, исключением из сектора экономики и сферы интеллектуального труда, связанных с бюджетным финансированием, каналов перемещения в профессиональном пространстве при наличии родственных связей между субъектами. Это стимулировало развитие на уровне организационной культуры превентивных мер и установок на развитие династийной модели профессии. Наличие родственных связей между субъектами профессиональной деятельности в таких сферах как политика, образование, наука, медицина автоматически становилось основанием для дискредитации и усмотрения коррупционных целей субъектов профессионального пространства. В результате в обществе образовалась модель стереотипного негативного отношения к возможному сохранению династийности. Создававшаяся ситуация требует научного исследования династийности как социально-психологического ресурса деятельности профессиональной организации, а также как одной из моделей сохранения стратегического вектора профессионального поведения социума.

Конфликт между системами ценностей «домашней» и семейной ориентации и «гражданской волей» меритократии проявляется в противоречии между семейственностью и династийностью. Семейственность как процесс, ориентированный на интересы семьи и направленный на поддержание ее целостности, противоположен династийности как процессу, направленному на воспроизводство профессии. В этом отношении династийность является механизмом трансмиссии профессионального комплаенса как элемента организационной культуры.

Комплаенс в переводе с английского означает «соответствие» и в организационной культуре представляет собой комплекс норм, ценностей регулирующих поведение сотрудников в направлении следования этическим, правовым и внутренним организационным принципам. Этика составляет основу комплаенса. Проблема комплаенса является междисциплинарной и представляет научный интерес, в том числе для организационной психологии, так как в современных условиях общества риска профессионально-этический комплаенс является условием стабильности и инструментом ответственной профилактики рисков депрофессионализации. Теоретико-методологические подходы к анализу комплаенса были заложены социальной психологией влияния и связаны с именем Роберта Чалдини, который в исследовании «Психология влияния» определил основные принципы комплаенса [10].

Проблема поиска моделей согласования целей и ценностей индивида и организации определила актуальность исследований комплаенса для организационной психологии. S. Robbins и T. Judge в исследовании «Основы организационной психологии» отмечают особую значимость комплаенса как приверженности корпоративной культуре организации в условиях нестабильности и нарастающих рисков современного общества [11].

Комплаенс – необходимое условие формирования профессиональной ответственности. В сфере здравоохранения приверженность организационной культуре влечет за собой культивирование общего набора ценностей, убеждений, отношения и поведения в организации. Это коллективное мышление ставит во главу угла соблюдение нормативных требований, этических стандартов и передовой практики в

секторе здравоохранения. Это среда, в которой каждый член команды здравоохранения понимает свою роль в соблюдении правовых и этических стандартов, активно сотрудничая, чтобы гарантировать соблюдение организацией всех соответствующих законов, правил и положений.

Профессионально-этическая комплаентность в медицине играет важную роль как превентивный инструмент недобросовестного профессионального поведения. Включая в себя как формальные правила, устанавливаемые организацией, так и неформальные практики (традиции, мировоззрение и т.д.), определяемые организационной культурой, профессионально-этическая комплаентность задает стратегический вектор профессиональной направленности. В этом отношении династийность представляет собой ресурс профессионально-этической комплаентности, а следовательно, и условие минимизации рисков профессии. Исследование проблемы комплаенса задает необходимость его рассмотрения в общем контексте психологии организационной культуры профессионального сообщества, а также сопоставления с другими элементами, в частности с организационной приверженностью. В историко-методологическом исследовании С. В. Фроловой отмечается положительная корреляция организационной приверженности и показателей организационно-гражданского поведения. Исследование профессионального комплаенса в направлении поиска связей с особенностями отношения индивида к государству и характеристиками организационной приверженности также является актуальным и перспективным для развития организационной психологии [12].

Все вышесказанное определяет необходимость разработки в рамках социальной психологии научной методологии исследования династийности как социально-психологического ресурса воспроизводства профессионального комплаенса. Междисциплинарный характер проблемы определяет возможность использования методологического аппарата не только социальной и организационной психологии, но и смежных дисциплин. Перспективным представляется использование ордера подхода в организационной психологии к исследованию профессионального комплаенса медицинской организации и его взаимосвязи с династийностью [13].

Заключение

Представители династий как субъекты профессионального пространства организаций выступают носителями профессионально-этического комплаенса, участвуя, таким образом, в воспроизводстве организационной культуры профессионального сообщества. В этом отношении династийность способствует поддержанию и развитию стратегического вектора профессиональной направленности, а также играет роль естественного социально-психологического механизма воспроизводства профессионально-этического комплаенса в жизненном пространстве человека.

Медицинская профессиональная династия может рассматриваться как социально-психологический элемент организационной культуры профессионального сообщества, который реализует образовательную, трансляционную, социализирующую и наставническую функции. Представители медицинских династий выступают трансляторами профессионально-этического комплаенса организационной культуры в системе здравоохранения. Сохранение наследия нескольких поколений, формирование мировоззрения, отражающего специфику профессии, и возможность аккумуляции не только знаний, но и умений, – вот что является движущей силой в вопросах государственной поддержки династийности в социально-значимых областях, таких как медицина.

Список литературы

1. Нор-Аревян О. А. Династийность как ресурс успешной карьеры в представлениях нединастичных медиков (на материалах эмпирического исследования) // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 5. С. 132–143. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.9>
2. Посухова О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103. EDN: RSCXUT
3. Аранович Л. М. Профессиональная династийность как предмет социально-психологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 414–420. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-414-420>, EDN: NTTGMG
4. Калашникова К. А. Феномен династийности в процессе социальных изменений института здравоо-

рания // Философия социальных коммуникаций. 2012. № 1 (18). С. 149–156. EDN: OXHDED

5. Зиброва Е. А. Психология трудовых династий в контексте адаптации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 166–171. EDN: RAMUMN
6. Шаманин Н. В. Профессиональные династии как средство трансляции семейных ценностей // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 11, № 12 (153). С. 133–140. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2024.12.11.016>
7. Панфилова Ю. С. Детско-родительские отношения и перспективы биографий выходцев из медицинских профессиональных династий (на материалах глубинных интервью) // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе : Международная научно-практическая конференция (XX Мухинские чтения) (Псков, 21–23 октября 2021 г.). Псков : Псковский государственный университет, 2021. С. 89–95. EDN: WJFRZM
8. Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 208 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-904804-31-2.2020>
9. Иванова Е. Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147). С. 42–50. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.5.7>
10. Чалдини Р. Психология влияния. СПб. : Питер, 2002. 286 с.
11. Robbins S. P., Judge T. A. Organizational Behavior. New Jersey : Pearson Prentice Hall, 2009. 716 p.
12. Фролова С. В. История и теоретико-методологические проблемы изучения организационной приверженности // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М. : Институт психологии РАН, 2021. С. 1000–1014. EDN: YUSUUD
13. Аксеновская Л. Н. Ордерная психология «семейных» аспектов организационной культуры // Психология семьи: современные проблемы и решения : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Саратов, 8–9 ноября 2024 г.). Саратов : ИЦ «Наука», 2024. С. 354–361. EDN: ULQPLX

References

1. Nor-Arevyan O. A. Dynasty as a resource for a successful career in the views of non-dynastic physicians (based on empirical research). *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2021, vol. 10, no. 5, pp. 132–143 (in Russian). <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.9>

2. Posukhova O. Yu. Professional dynasty as a result of family strategies: Inertia or continuity? *Vlast'* [Authority], 2013, no. 12, pp. 100–103 (in Russian). EDN: RSCXUT
3. Aranovich L. M. Professional dynasty as an issue of social and psychological research. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 414–420 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-414-420>, EDN: NTTGMG
4. Kalashnikova K. A. Phenomenon of formation of professional dynastic continuity in the course of social changes of institute of health. *Philosophy of Social Communications*, 2012, no. 1 (18), pp. 149–156 (in Russian). EDN: OXHDED
5. Zibrova E. A. Labor dynasty psychology in the context of adaptation. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2013, no. 2 (38), pp. 166–171 (in Russian). EDN: RAMUMN
6. Shamanin N. V. Professional dynasties as a means of transmitting family values. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2024, vol. 11, no. 12 (153), pp. 133–140 (in Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.12.11.016>
7. Panfilova Yu. S. Child-parent relations and prospects of biographies of immigrants from medical professional dynasties (based on materials from in-depth interviews). *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (XX Mukhinskie chteniya)* (Pskov, 21–23 oktyabrya 2021 g.). [Current Issues in Personal Development in Modern Society: International scientific and practical conference (XX Mukhina Readings) (Pskov, October 21–23, 2021)]. Pskov, Pskov State University Publ., 2021, pp. 89–95 (in Russian). EDN: WJFRZM
8. Mansurov V. A., ed. *Professional'nye dinastii: vosproizvodstvo professional'nykh grupp* [Professional dynasties: Reproduction of professional groups]. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. 208 p. (in Russian). <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-904804-31-2.2020>
9. Ivanova Ye. Yu. Nepotism as a destructive form of professional dynasties: State policy and social opinion. *Theory and Practice of Social Development*, 2020, no. 5 (147), pp. 42–50 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/tpor.2020.5.7>
10. Cialdini R. B. *Influence: How and why people agree to things*. New York, Morrow, 1984. 302 p. (Russ. ed.: Chaldini R. *Psikhologiya vliyaniya*. St. Petersburg, Piter, 2002. 286 p.).
11. Robbins S., Judge T. *Organizational Behavior*. New Jersey, Pearson Prentice Hall, 2009. 716 p.
12. Frolova S. V. History and theoretical-methodological problems of organizational commitment studies. In: *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoy psikhologii* [Current State and Prospects for the Development of Occupational and Organizational Psychology]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 1000–1014 (in Russian). EDN: YUSUUD
13. Aksenovskaya L. N. The order psychology of family aspects of organizational culture. *Psikhologiya sem'i: sovremennye problemy i resheniya: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Saratov, 8–9 noyabrya 2024 g.)* [Family Psychology: Current Issues and Solutions: Collection of materials from the IX International scientific and practical conference (Saratov, November 8–9, 2024)]. Saratov, ITs "Nauka", 2024, pp. 354–361 (in Russian). EDN: ULQPLX

Поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 70–82

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 70–82

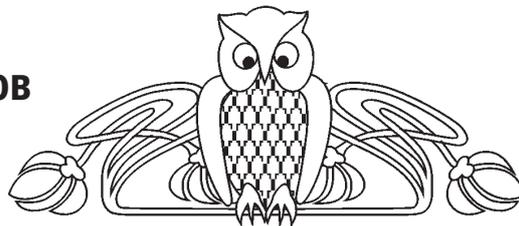
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-70-82>, EDN: TBLESU

Научная статья

УДК 004:[316.6+316.7]-053.81

Типология психологических эффектов социальной активности молодежи в виртуальной среде

Р. М. Шамионов, В. В. Белых ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, shamionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Белых Виктор Владимирович, младший научный сотрудник, аспирант кафедры социальной психологии образования и развития, stavstav950@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1878-6630>

Аннотация. Введение. В статье отражены результаты исследования, позволившего выявить типологию психологических эффектов, связанных с социальной активностью личности в виртуальной среде. **Теоретический анализ.** В психологии существуют данные о влиянии интернет-коммуникации на различные психологические особенности личности, но отсутствуют данные о типологических особенностях психологических эффектов социальной активности молодежи в интернете и их структуре, что составляет цель предпринятого исследования. **Эмпирический анализ.** Проведено исследование в форме опроса респондентов (N = 280) студенческого возраста с применением 13 шкал авторской анкеты и осуществления кластерного анализа показателей социальной активности личности в интернет-среде и ее последствий методом *k*-средних, позволивших выявить три типа эффектов социальной активности молодежи в виртуальной среде. **Заключение.** Выявлены три кластера, отражающих наличие типологических особенностей возникновения психологических эффектов социальной активности молодежи в виртуальной среде: позитивный эффект от познавательной активности и общения в интернете; компенсаторный эффект от нереализованности в физической среде; самопрезентация и самореализация в интернет-среде через нарушение правил. Структура выделенных эффектов отражает уровень погруженности личности в интернет-коммуникацию и степень ее социальной активности, особенности деятельности, реализующейся средствами сетевой коммуникации, влияния интернет-контента на различные группы ценностей и отношения личности.

Ключевые слова: психологические эффекты, социальная активность в виртуальной среде, сетевая коммуникация, интернет-пространство, интернет-контент, ценности, социальная идентичность

Для цитирования: Шамионов Р. М., Белых В. В. Типология психологических эффектов социальной активности молодежи в виртуальной среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 70–82. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-70-82>, EDN: TBLESU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Typology of psychological effects of youth social activity in a virtual environment

R. M. Shamionov, V. V. Belykh ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Rail M. Shamionov, shamionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Viktor V. Belykh, stavstav950@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1878-6630>

Abstract. Introduction. The article reflects the results of a study that made it possible to identify the typology of psychological effects associated with a person's social activity in a virtual environment. **Theoretical analysis.** In psychology there is data on the influence of Internet communication on various psychological personality traits, but there is no data on the typological features of the psychological effects of social activity of young people on the Internet and their structure, which is the purpose of the study. **Empirical analysis.** The study was carried out in the form of a survey of student age respondents (N = 280) using 13 scales of the author's questionnaire and a cluster analysis of indicators of individual social activity in the Internet environment and its consequences using the *k*-means method, which allowed to identify three types of effects of youth social activity in a virtual environment. **Conclusion.** Three clusters have been identified that reflect the presence of typological features of the psychological effects of youth social activity in a virtual environment: the positive effect of cognitive activity and communication

on the Internet; compensatory effect of unrealisation in the physical environment; desire for self-presentation and self-realization through violation of rules. The structure of the identified effects reflects the level of personal immersion in Internet communication and the degree of its social activity, the specifics of activities carried out by means of network communication, the influence of Internet content on various groups of values and personality attitudes.

Keywords: psychological effects, social activity in a virtual environment, network communication, Internet space, Internet content, values, social identity

For citation: Shamionov R. M., Belykh V. V. Typology of psychological effects of youth social activity in a virtual environment. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 70–82 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-70-82>, EDN: TBLESU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Социальная активность молодежи в виртуальной среде может приводить к различным психологическим последствиям, как конструктивным, так и деструктивным для развития личности. Выявление типов этих последствий, является новой научной проблемой. Виртуальная среда, предоставляя уникальные возможности для самореализации личности, способна оказывать как негативное, так и позитивное воздействие на систему ее установок и поведение. Например, в виртуальной среде человек чаще выступает инициатором деятельности [1], более свободно выражает собственную гражданскую, этническую и религиозную идентичности [2]. При этом деятельность в виртуальной среде может сопровождаться цифровыми девиациями [3]. Молодежь может использовать наряду с конструктивными, деструктивные способы самореализации в виртуальном пространстве [4]. Известно, что в зависимости от уровня активности в интернет-среде и предпочтения вида интернет-общения, социальное поведение молодежи может существенно отличаться ценностными ориентациями, копинг-стратегиями, уровнем демонстративности и асоциальности [5]. Исходя из этого, возникло предположение о том, что характер социальной активности молодых людей в виртуальном пространстве может сопровождаться сходными для этой активности психологическими эффектами, проявляющимися в особенностях эмоциональных переживаний после выхода из Сети, трансформации мотивационной сферы, ценностных ориентаций, системы отношений. В связи с этим цель настоящего исследования – выявить психологические эффекты социальной активности молодежи в виртуальной среде и их типологию.

Теоретический анализ

В социальной психологии активно ведутся поиски механизма и психологических детерминант социальной активности личности. Выявлен ее базовый побудительный механизм [6], обнаружены ее некоторые предикторы [7], структура мотивации [8]. Социальная активность в интернет-пространстве также становится предметом пристального внимания современных исследователей. В сопоставительном аспекте исследована девиантная активность у молодежи в реальной и виртуальных средах [9], последствия включенности личности в виртуальное взаимодействие в контексте ее социальной активности [10], особенности деятельности в социальных сетях у подростков [11]. Выявлены особенности использования как конструктивных способов межличностного взаимодействия молодежью в Сети, так и деструктивных, которые могут приводить к усилению конфликтности виртуального общения и негативным последствиям для личности [4]. Социальное поведение молодежи, сформированность ее ценностной и мотивационной сферы может определяться тем, какую форму и вид интернет-активности она использует [5].

Но, несмотря на это, остается мало изученной проблема обнаружения взаимосвязи проявления молодежью социальной активности в виртуальном пространстве и ее эффектов, не известна их типология.

Эмпирический анализ

Выборка исследования составила 280 человек студентов высших учебных заведений г. Саратова, г. Краснодара, г. Ставрополя, женщин – 215 (77%), мужчин – 65 (23%). Средний возраст – 19,3 (sd = 2,1) лет. Исследование про-

Как видно из рисунка, в результате кластерного анализа были выделены три самостоятельных кластера, позволяющих говорить о наличии трех основных типов психологических

эффектов, возникающих в результате социальной активности молодежи в виртуальной среде.

В табл. 1 представлены данные, отражающие содержание первого кластера.

Таблица 1 / Table 1

Содержание первого кластера «Позитивный эффект от познавательной активности и общения в интернете»
Content of the first cluster “Positive effect of cognitive activity and Internet communication”

Показатели первого кластера	Характеристики социальной активности в виртуальной среде
Принадлежность к интернет-сообществу	Высокий уровень владения компьютерными технологиями
	Высокая степень принадлежности к интернет-сообществу
	Пользователи соцсетей
Восприятие пользователей Сети	Способны проявлять душевную теплоту, эрудицию, компетентность
Социальная идентичность	Высокая степень приверженности своему этносу и региону
	Приверженность к группе друзей в физическом пространстве
Вид социальной активности в Сети	Познавательная и развлекательная
Влияние Сети на эмоциональное состояние	Положительные эмоции после выхода из Сети
Влияние Сети на деятельность	Усиление мотивации к деятельности и расширение возможностей после выхода из сети
Влияние взаимодействия в Сети на поведение	Позитивный эффект от взаимодействия в Сети, принятие более рациональных решений

Первый кластер объединил психологические эффекты, которые могут проявляться у молодежи с высоким уровнем владения компьютерными технологиями, причисляющей себя к пользователям социальных сетей и юзерам и осуществляющей по её собственным оценкам самореализацию скорее в виртуальной среде, нежели реальной. Они способны проявлять душевную теплоту, высокую осведомленность, эрудицию и компетентность. Для них характерны такие виды социальной активности в интернете, которые связаны с развлечением, просмотром новостной ленты, общением с друзьями, обучением на онлайн-платформах, поиском образовательной и научной литературы в Сети. После выхода из сети они испытывают радость, воодушевление, разрядку (освобождение от напряжения). У них появляется желание действовать, включаться в выполнение дел, которые они ранее считали неважными. Интернет расширяет их возможности к получению новой информации, усиливает потребность в познании, увеличивает способность к критическому восприятию информации, развивает логику, творческое мышление,

способствует появлению новых контактов, позволяет расширить круг настоящих друзей. При этом интернет усиливает значимость реального общения, расширяет возможности для профессиональной коммуникации, делает их более уверенными в общении, расширяет возможности для установления отношений с партнерами противоположного пола, способствует повышению самооценки. Пользователи интернета, предпочитающие развлекательную и познавательную социальную активность в интернете, отмечают, что они стали использовать слова и выражения, принятые в сети, а также принимать более рациональные решения. Для них также оказалась характерной приверженность к своей этнической группе, региону, в котором они проживают, а также к группе своих друзей в физическом пространстве.

На основе анализа этого кластера был сделан вывод о том, что социальная активность в виртуальной среде может приводить к позитивным эффектам, перечисленным в качестве характеристик первого типа (см. табл. 1), который получил название «Позитивный эффект от познавательной активности и общения в интернете».

В табл. 2 представлены данные, отражающие содержание второго кластера.

Второй кластер объединил следующие характеристики. Респонденты, которые причислили себя к участникам многопользовательских онлайн-игр, активно участвующих в просмотре и создании роликов в Тик-Токе, после выхода из Сети испытывают усталость, эйфорию (возбуждение), желание отдохнуть, склонны откладывать на потом выполнение намеченных дел. Виртуальный мир воспринимается ими как более безопасный, более интересный, комфортный, предоставляющий больше возможностей для реализации целей, чем реальный. У них происходит трансформация личных и социальных ценностей под

воздействием интернет-контента, меняется отношение к браку, семье, значимости образования и к таким профессиям, как учитель, врач, военный, ученый. Трансформируется отношение к политическим институтам и острым социальным проблемам в обществе. Результатом активности в Сети является изменение восприятия времени (время замедляется или ускоряется), им начинает больше нравиться воспринимать картинки в интернете, чем тратить время на чтение текста, больше привлекает оформление сайтов, чем их содержание. На этом основании нами был выделен второй тип эффекта социальной активности, который обозначен как «Компенсаторный эффект от нереализованности в физической среде».

Таблица 2 / Table 2

Содержание второго кластера «Компенсаторный эффект от нереализованности в физической среде»
Content of the second cluster “Compensatory effect from non-realization in the physical environment”

Показатели второго кластера	Характеристики социальной активности в виртуальной среде
Принадлежность к интернет-сообществу	Участники многопользовательских онлайн-игр
Вид социальной активности в Сети	Сетевые онлайн игры, просмотр и создание роликов в Тик-Ток
Влияние Сети на эмоциональное состояние	Усталость или эйфория после выхода из Сети
Влияние Сети на деятельность	Желание отдохнуть, прокрастинация
Отношение к виртуальному миру по сравнению с физическим	Виртуальный мир безопасный, более интересный, более комфортный предоставляет больше возможностей для реализации целей
Влияние просмотра контента в Сети	Приводит к трансформации социальных и личных ценностей, отношения к семье и профессиям
Результат активности в Сети	Предпочтение картинкам и оформлению сайтов, чем тексту; изменение восприятия времени (время замедляется или ускоряется)

В табл. 3 представлены данные, отражающие содержание третьего кластера.

Третий тип, получивший название «Самопрезентация и самореализации в интернет-среде через нарушение правил», отражает содержание третьего кластера. Представленные в этом кластере особенности социальной активности характерны для блогеров, участников вики-проектов, электронных форумов и чатов, организаторов и участников веб-конференций, пользователей имиджбордов, участников групп рассылок, электронных сообществ, групп онлайн-обучения и интернет-сообществ здоровья. Для них характерны такие формы социальной активности в вир-

туальной среде, как ведение блога и создание сообщества. Они заняты просмотром и изучением различных духовных практик и контента религиозных сайтов; распространением идей, направленных на развитие отдельных сфер гражданского общества; обсуждением социально-политической обстановки на специализированных форумах; просмотром контента о молодежных субкультурах, участием в их онлайн-деятельности; размещением протестных комментариев в обсуждениях; распространением материалов волонтерских организаций, а также поиском работы в Сети, реализацией профессиональной деятельности в Сети с помощью статуса самозанятого.

Таблица 3 / Table 3

Содержание третьего кластера «Самопрезентация и самореализация в интернет-среде через нарушение правил»
Content of the third cluster “Self-presentation and self-realization in the Internet environment through breaking the rules”

Показатели третьего кластера	Характеристики социальной активности в виртуальной среде
Принадлежность к интернет-сообществу	Блогеры Участники вики-проектов Участники электронных форумов и чатов Организаторы веб-конференций Участники веб-конференций Пользователи имиджбордов Участники групп рассылок Участники электронных сообществ Группы онлайн-обучения Создатели и участники интернет-сообществ
Вид социальной активности в Сети	Социально-политическая, протестная, экологическая, профессиональная, волонтерская, религиозная, эзотерическая
Влияние Сети на эмоциональное состояние	Агрессия, страх, разочарование, возмущение
Отношение к виртуальному миру по сравнению с физическим	Виртуальный мир более предпочтительный, чем реальный, создает возможность для нарушения правил
Результат активности в Сети	Восприятие интернета как живого существа

Для них характерно увлечение просмотром контента об экстремальных видах увлечений, туризма, спорта, эзотерической информации, гороскопов, предсказаний, гаданий. После выхода из Сети они испытывают агрессию, страх, разочарование, возмущение. Считают, что виртуальный мир более предпочтительный, чем реальный, и воспринимается ими как живое существо, при этом он создает возможность для нарушения правил.

Заключение

Таким образом, исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что эффекты социальной активности молодежи в виртуальном пространстве имеют типологические особенности. Студенческая молодежь, которая относит себя к пользователям социальных сетей, предпочитающая развлекательную и образовательную деятельность в виртуальной среде, демонстрирует наличие позитивного эффекта от познавательной активности и общения в интернете, что проявляется в положительных эмоциях после выхода из Сети, активизации деятельности в реальной среде, усилении ментальной и познавательной активности. Онлайн-геймеры, напротив, характеризуются сниженным эмоциональным фоном, пред-

почтением виртуальной действительности реальной, трансформацией личных, социальных и традиционных ценностей, что говорит о наличии у них компенсаторного эффекта от возможной нереализованности в физической среде. Блогеры и основатели интернет-сообществ, активные участники вики-проектов, электронных форумов и чатов демонстрируют увлеченность экологической, социально-политической деятельностью и протестной активностью в Сети. При этом они способны к реализации профессиональной деятельности через интернет-сервисы, а также проявляют увлеченность экстремальными видами спорта и туризма. Интернет привлекает их тем, что создает возможность для нарушения правил. Для них характерны яркие негативные эмоциональные переживания после выхода из Сети, предпочтение виртуального мира, его одушевление.

Полученные данные расширяют представления о характере влияния различных видов социальной активности молодежи в виртуальной среде на их эмоциональное состояние, деятельность, систему ценностных ориентаций и отношение к людям, физическому и виртуальному миру, что выражается в соответствующих психологических эффектах, имеющих выраженные типологические особенности.

**Анкета «Психологические эффекты социальной активности личности в виртуальной среде»
Questionnaire on the psychological effects of social activity in a virtual environment**

Уважаемый участник опроса!

Пожалуйста, выделите несколько минут, чтобы ответить на вопросы о том, что люди думают по поводу влияния на них интернет-коммуникации.

Ваши ответы важны для нас, мы гарантируем конфиденциальность, поэтому отвечайте честно. Отвечая на каждый вопрос, отметьте степень своего согласия, используя шкалу, где 1 – низкая выраженность Вашего согласия, а 7 – максимальная.

1. Пол Женский Мужской

2. Возраст _____ лет/года

Шкала 1. Виды социальной активности с использованием интернета

№	Определите степень своей социальной активности в каждой из следующих форм деятельности в интернете (киберпространстве)	Баллы						
		1 (нет активности)	2	3	4	5	6	7 (активен постоянно)
1	Ведение блога	1	2	3	4	5	6	7
2	Создание сообщества	1	2	3	4	5	6	7
3	Просмотр и изучение различных духовных практик, медитаций, прослушивание мантр	1	2	3	4	5	6	7
4	Просмотр фильмов, концертов, роликов, любой развлекательный контент в Сети интернет	1	2	3	4	5	6	7
5	Сетевые (онлайн) игры	1	2	3	4	5	6	7
6	Распространение идей, направленных на развитие отдельных сфер гражданского общества	1	2	3	4	5	6	7
7	Обсуждение социально-политической обстановки на специализированных форумах	1	2	3	4	5	6	7
8	Размещение протестных комментариев в обсуждениях, распространение оппозиционных протестных идей в Сети, размещение призывов к протестным акциям и митингам	1	2	3	4	5	6	7
9	Просмотры религиозных сайтов, участие в религиозных онлайн-сообществах, поиск религиозной литературы и фильмов, участие в обсуждениях на религиозных форумах	1	2	3	4	5	6	7
10	Знакомство в Сети интернет, общение с друзьями, обмен развлекательным контентом	1	2	3	4	5	6	7
11	Распространение идей экологической безопасности в Сети	1	2	3	4	5	6	7
12	Обучение на онлайн-платформах, поиск образовательной и научной литературы в Сети	1	2	3	4	5	6	7
13	Использование личных кабинетов в банках и других учреждениях	1	2	3	4	5	6	7
14	Поиск и размещение объявлений (купля-продажа, обмен, работа в интернете с целью получения дохода)	1	2	3	4	5	6	7
15	Поиск работы	1	2	3	4	5	6	7
16	Профессиональная деятельность в Сети, самозанятость (проведение вебинаров, обучающих и демонстрационных занятий, продажа собственных изделий и т.д.)	1	2	3	4	5	6	7
17	Просмотр и создание роликов в Тик-Ток	1	2	3	4	5	6	7

18	Просмотр тематических сайтов; сайтов, связанных с собственными интересами	1	2	3	4	5	6	7
19	Просмотр контента о молодежных субкультурах, участие в их онлайн-деятельности	1	2	3	4	5	6	7
20	Просмотр контента о путешествиях, туризме	1	2	3	4	5	6	7
21	Просмотр контента о спорте, здоровом образе жизни	1	2	3	4	5	6	7
22	Просмотр контента об экстремальных видах увлечений, туризма, спорта	1	2	3	4	5	6	7
23	Просмотр и изучение эзотерической информации, гороскопов, предсказаний, гаданий	1	2	3	4	5	6	7
24	Ведение групп и сообществ на добровольной основе, распространение материалов волонтерских организаций	1	2	3	4	5	6	7
25	Просмотр новостной ленты	1	2	3	4	5	6	7
26	Поиск информации об исторических событиях, датах, людях	1	2	3	4	5	6	7
27	Прослушивание музыки	1	2	3	4	5	6	7
28	Поиск учебной литературы, информации для подготовки к учебным занятиям, информации для уточнения понятий и терминов в учебных целях	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 2. Эмоциональное состояние и характер деятельности после просмотра контента и выхода из Сети

№	Насколько соответствует Вам утверждение:	Баллы						
		1 (полностью не соответствует)	2	3	4	5	6	7 (полностью соответствует)
	После просмотра контента в интернете я испытываю следующие эмоции и чувства:	1	2	3	4	5	6	7
1	агрессию	1	2	3	4	5	6	7
2	радость	1	2	3	4	5	6	7
3	усталость	1	2	3	4	5	6	7
4	страх	1	2	3	4	5	6	7
5	разочарование	1	2	3	4	5	6	7
6	возмущение	1	2	3	4	5	6	7
7	воодушевление	1	2	3	4	5	6	7
8	эйфорию (возбуждение)	1	2	3	4	5	6	7
9	разрядку (освобождение от напряжения)							
10	другое	1	2	3	4	5	6	7
	После того, как я вышел из Сети:	1	2	3	4	5	6	7
11	у меня появляется желание действовать	1	2	3	4	5	6	7
12	я включаюсь в выполнение дел, которые ранее считал неважными	1	2	3	4	5	6	7
13	я откладываю на потом выполнение намеченных дел	1	2	3	4	5	6	7
14	появляется желание отдохнуть							
	Использование Сети:	1	2	3	4	5	6	7
15	расширяет мои возможности к получению новой информации	1	2	3	4	5	6	7
16	усиливает потребность в познании	1	2	3	4	5	6	7

17	увеличивает способность к критическому восприятию информации	1	2	3	4	5	6	7
18	развивает логику	1	2	3	4	5	6	7
19	развивает творческое мышление	1	2	3	4	5	6	7
20	повышает осознанность себя, своих действий	1	2	3	4	5	6	7
	Взаимодействие в Сети:	1	2	3	4	5	6	7
21	способствует появлению новых контактов	1	2	3	4	5	6	7
22	позволяет расширить круг настоящих друзей	1	2	3	4	5	6	7
23	усиливает значимость реального общения	1	2	3	4	5	6	7
24	расширяет возможности для профессиональной коммуникации	1	2	3	4	5	6	7
25	делает меня более уверенным в общении	1	2	3	4	5	6	7
26	расширяет возможности для установления отношений с партнерами противоположного пола	1	2	3	4	5	6	7
27	способствует повышению самооценки	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 3. Отношение к виртуальному и реальному миру

№	Виртуальный мир для меня:	1	2	3	4	5	6	7
1	более предпочтительный, чем реальный	1	2	3	4	5	6	7
2	более безопасный	1	2	3	4	5	6	7
3	более интересный	1	2	3	4	5	6	7
4	предоставляет больше возможностей для реализации целей, чем реальный	1	2	3	4	5	6	7
5	более комфортный	1	2	3	4	5	6	7
6	создает возможность для нарушения правил	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 4. Трансформация представлений о браке и семье

№	В результате интернет-коммуникации изменились мои представления о:	1	2	3	4	5	6	7
1	браке	1	2	3	4	5	6	7
2	распределении ролей в семейном взаимодействии	1	2	3	4	5	6	7
3	необходимости иметь детей	1	2	3	4	5	6	7
4	финансовой самостоятельности супругов	1	2	3	4	5	6	7
5	доверия между супругами	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 5. Трансформация представлений об образовании

№	Просмотр контента в интернете влияет на мое отношение к:	1	2	3	4	5	6	7
1	школьному образованию	1	2	3	4	5	6	7
2	образованию в колледжах	1	2	3	4	5	6	7
3	обучению в вузах	1	2	3	4	5	6	7
4	самообразованию	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 6. Трансформация представлений о профессиях

№	Просмотр контента в интернете влияет на мое отношение к:	1	2	3	4	5	6	7
1	работе по найму	1	2	3	4	5	6	7
2	бизнесу	1	2	3	4	5	6	7
3	творческой деятельности	1	2	3	4	5	6	7

4	профессии учителя	1	2	3	4	5	6	7
5	профессии врача	1	2	3	4	5	6	7
6	профессии военного	1	2	3	4	5	6	7
7	научной деятельности	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 7. Трансформация социальных ценностей

№	После просмотра контента в интернете меняется мое отношение к восприятию:	1	2	3	4	5	6	7
1	добра и зла	1	2	3	4	5	6	7
2	долга	1	2	3	4	5	6	7
3	совести	1	2	3	4	5	6	7
4	чести	1	2	3	4	5	6	7
5	достоинства	1	2	3	4	5	6	7
6	счастья	1	2	3	4	5	6	7
7	смысла жизни	1	2	3	4	5	6	7
8	другое	1	2	3	4	5	6	7
	Просмотр контента в интернете влияет на мое отношение к:	1	2	3	4	5	6	7
9	Родине	1	2	3	4	5	6	7
10	обществу	1	2	3	4	5	6	7
11	себе	1	2	3	4	5	6	7
12	людям	1	2	3	4	5	6	7
13	религии	1	2	3	4	5	6	7
14	этническим особенностям людей	1	2	3	4	5	6	7
15	национальным традициям	1	2	3	4	5	6	7
16	традиционным ценностям	1	2	3	4	5	6	7
17	патриотизму	1	2	3	4	5	6	7
	Взаимодействие с людьми и информацией в интернете влияет на мое отношение к:	1	2	3	4	5	6	7
18	государству	1	2	3	4	5	6	7
19	лидерам государства	1	2	3	4	5	6	7
20	политическим элитам	1	2	3	4	5	6	7
21	органам власти	1	2	3	4	5	6	7
22	острым социальным проблемам	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 8. Трансформация личных ценностей

№	Просмотр контента в интернете влияет на мое отношение к:	1	2	3	4	5	6	7
1	любви	1	2	3	4	5	6	7
2	здоровью	1	2	3	4	5	6	7
3	трудолюбию	1	2	3	4	5	6	7
4	уважению к старшим	1	2	3	4	5	6	7
5	верности	1	2	3	4	5	6	7
6	честности	1	2	3	4	5	6	7
7	достатку	1	2	3	4	5	6	7
8	благополучию	1	2	3	4	5	6	7
9	безопасности	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 9. Характеристики социальной идентичности

1	Попробуйте оценить силу своей приверженности (радости, гордости) к своей этнической группе	Высокая степень приверженности						Отсутствие приверженности
		1	2	3	4	5	6	7
2	Попробуйте оценить степень своей приверженности к тому региону, в котором Вы проживаете	Высокая степень приверженности						Отсутствие приверженности
		1	2	3	4	5	6	7
3	Попробуйте оценить силу своей приверженности к группе своих друзей в физическом пространстве	Высокая степень приверженности						Отсутствие приверженности
		1	2	3	4	5	6	7

Шкала 10. Уровень владения компьютерными технологиями и принадлежность к интернет-сообществу

1	Попробуйте оценить Ваш уровень владения компьютерными технологиями	Очень низкий						Очень высокий
		1	2	3	4	5	6	7
2	Попробуйте оценить, в какой степени Вы относите себя к интернет-сообществу	Ни в какой						Я являюсь частью интернет-сообщества
		1	2	3	4	5	6	7

Шкала 11. Форма включенности в интернет-взаимодействие

№	Попробуйте оценить, в какой степени Вы относите себя к:	Высокая степень						Полное отсутствие интереса
1	блогерам	1	2	3	4	5	6	7
2	юзерам	1	2	3	4	5	6	7
3	участникам вики-проектов	1	2	3	4	5	6	7
4	участникам электронных форумов и чатов	1	2	3	4	5	6	7
5	организаторам веб-конференций	1	2	3	4	5	6	7
6	участникам веб-конференций	1	2	3	4	5	6	7
7	пользователям социальных сетей	1	2	3	4	5	6	7
8	пользователям имиджбордов	1	2	3	4	5	6	7
9	участникам многопользовательских онлайн- игр	1	2	3	4	5	6	7
10	участникам групп рассылок	1	2	3	4	5	6	7
11	участникам электронных кружков (сообществ)	1	2	3	4	5	6	7
12	группам онлайн-обучения	1	2	3	4	5	6	7
13	интернет-сообществам здоровья	1	2	3	4	5	6	7
14	другое	1	2	3	4	5	6	7

Шкала 12. Личностные особенности активных пользователей интернета

1	Попробуйте оценить активных пользователей Сети интернет по проявляемой ими душевной теплоте	Способен проявлять душевную теплоту						Не способен проявлять душевную теплоту
		1	2	3	4	5	6	7

2	Попробуйте оценить активных пользователей Сети по степени их общей осведомленности, эрудиции, компетентности	Высокая степень							Отсутствие осведомленности, эрудиции, компетентности
		1	2	3	4	5	6	7	

Шкала 13. Результаты активности в интернете

№	В результате моей активности в интернете:	1	2	3	4	5	6	7
1	я стал использовать слова и выражения, принятые в Сети	1	2	3	4	5	6	7
2	мне больше нравится воспринимать картинки, чем тратить время на чтение текста	1	2	3	4	5	6	7
3	меня больше привлекает оформление сайтов, чем их содержание	1	2	3	4	5	6	7
4	я принимаю более рациональные решения	1	2	3	4	5	6	7
5	у меня меняется восприятие времени (время замедляется или ускоряется)	1	2	3	4	5	6	7
6	я стал воспринимать интернет как живое существо	1	2	3	4	5	6	7

Список литературы

1. *Заграничный А. И.* Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2019. № 4 (60). С. 95–98. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.4.16>, EDN: PUBJDZ
2. *Шамионов Р. М., Суздальцев Н. В.* Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2022. Т. 19, № 1. С. 21–38. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38>, EDN: RMLEQQ
3. *Костоломова М. В.* Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // *Социологическая наука и социальная практика.* 2020. Т. 8, № 2. С. 41–53. <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>, EDN: UIEQQC
4. *Горбачева А. Г.* Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети интернет // *Идеи и идеалы.* 2013. Т. 2, № 3. С. 17–25.
5. *Самсонова Н. Н.* Взаимосвязь интернет-коммуникаций и социального поведения молодежи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 28 с.
6. *Григорьева М. В.* Базовый побудительный механизм социальной активности личности // *Социальная психология и общество.* 2019. Т. 10, № 1. С. 5–17. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2019100101>, EDN: DEJHNG
7. *Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Григорьев А. В.* Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // *Социальная психология и общество.* 2019. Т. 10, № 1. С. 18–34. <https://www.doi.org/10.17759/sps.2019100102>, EDN: NNBXPT
8. *Шаров А. А.* Структура мотивации молодых людей и их социальная активность // *Российский психологический журнал.* 2023. Т. 20, № 1. С. 20–32. <https://www.doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2>, EDN: LYRSAA
9. *Шаров А. А.* Особенности девиантной активности в реальной и виртуальной средах у представителей молодежных субкультур // *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта.* 2019. № 3. С. 450–454. EDN: PCTCEL
10. *Mishna F., Regehr C., Lacombe-Duncan A., Daciuk J., Fearing G., Van Wert M.* Social media, cyber-aggression and student mental health on a university campus // *J. Ment. Health.* 2018. Vol. 27, iss. 3. P. 222–229. <https://doi.org/10.1080/09638237.2018.1437607>
11. *Stornaiuolo A.* Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites Commentary on Zizek // *Human Development.* 2018. Vol. 60, iss. 5. P. 233–238. <https://doi.org/10.1159/000480341>

References

1. Zagranchnyy A. I. The Aspects of the Social Involvement of the Youth in Virtual and Real Environments. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2019, no. 4 (60), pp. 95–98 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2019.4.16>, EDN: PUBJDZ
2. Shamionov R. M., Suzdaltsev N. V. The Ratio Commitment to Social Activity on the Internet and Physical Space Among Young People. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2022, vol. 19, no. 1, pp. 21–38 (in Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38>, EDN: RMLEQQ

3. Kostolomova M. V. Digital Deviance as a Phenomenon of New Social Reality: Methodological Foundations and Conceptualization. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2020, vol. 8, no. 2, pp. 41–53 (in Russian). <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>, EDN: UIEQQC
4. Gorbacheva A. G. Constructive and destructive communication practices of people on the Internet. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2013, vol. 2, no. 3, pp. 17–25 (in Russian).
5. Samsonova N. N. *Interrelation of Internet communications and social behavior of youth: abstract*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2018. 28 p. (in Russian).
6. Grigoryeva M. V. The Basic Incentive Mechanism of Social Activity of the Individual. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 5–17 (in Russian). <https://www.doi.org/10.17759/sps.2019100101>, EDN: DEJIHG
7. Shamionov R. M., Grigoryeva M. V., Grigoryev A. V. Volitional Qualities as Predictors of the Importance of Social Activity of Students. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 18–34 (in Russian). <https://www.doi.org/10.17759/sps.2019100102>, EDN: NNBXPT
8. Sharov A. A. The Motivation Structure of Young People and Their Social Activity in the Complicating Conditions of Society Functioning. *Rossiyskiy psikhologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2023, vol. 20, no. 1, pp. 20–32 (in Russian). <https://www.doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2>, EDN: LYRSAA
9. Sharov A. A. Features of Deviant Activity in Real and Virtual Environments Among Representatives of Youth Subcultures. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta* [Scientific Notes of the Lesgaft National State University], 2019, no. 3, pp. 450–454 (in Russian). EDN: PCTCEL
10. Mishna F., Regehr C., Lacombe-Duncan A., Daciuk J., Fearing G., Van Wert M. Social media, cyber-aggression and student mental health on a university campus. *J. Ment. Health*, 2018, vol. 27, iss. 3, pp. 222–229. <https://doi.org/10.1080/09638237.2018.1437607>
11. Stornaiuolo A. Contexts of Digital Socialization: Studying Adolescents' Interactions on Social Network Sites Commentary on Zizek. *Human Development*, 2018, vol. 60, iss. 5, pp. 233–238. <https://doi.org/10.1159/000480341>

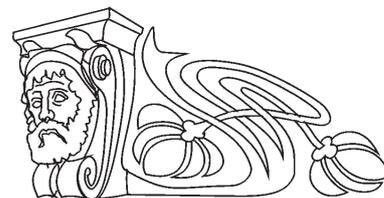
Поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 83–90
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 83–90
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-83-90>, EDN: TNJGQG

Научная статья
УДК 159.923

Анализ структурной модели формирования жизненных перспектив личности

И. Ф. Муханова

Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Министерства здравоохранения Российской Федерации, Россия, Донецкая народная республика, 83003, г. Донецк, пр. Ильича, д. 16

Муханова Ирина Федоровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и психологии, mukhanovai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3666-4581>

Аннотация. Введение. В динамичном современном мире изучение формирования жизненных перспектив становится особо актуальным. Важным шагом на пути к более глубокому пониманию этого сложного процесса является построение концептуальной модели и структуры формирования жизненных перспектив личности. Цель работы: на основе анализа теоретико-методологических подходов разработать структурную модель формирования жизненных перспектив личности. **Теоретический анализ.** Рассматривается проблема структуры и содержания жизненных перспектив личности. Применялся обзорно-аналитический метод, основанный на изучении и анализе научных работ по данной проблеме. Разработана концептуальная модель жизненных перспектив, включающая временной, смысловой, деятельностный и эмоционально-мотивационный компоненты, опосредованные индивидуальными и контекстуальными ресурсами. Отмечается, что целостность и успешность жизненного проектирования зависят от сбалансированности временных ориентаций, развитости системы ценностей и смыслов, способности к целеполаганию и саморегуляции, а также от уровня личностной резильентности и поддерживающих социальных условий. **Заключение.** Представленная модель позволяет систематизировать существующие подходы, представить их в виде целостной системы, глубже понять механизмы формирования жизненного пути, а также открывает перспективы для разработки диагностических инструментов и программ психологической поддержки.

Ключевые слова: жизненные перспективы, структурная модель, временное измерение, содержательные компоненты жизненных перспектив

Для цитирования: Муханова И. Ф. Анализ структурной модели формирования жизненных перспектив личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 83–90. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-83-90>, EDN: TNJGQG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Analysis of the structural model of the formation of life prospects of the individual

I. F. Mukhanova

M. Gorky Donetsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 16 Ilyicha pr., Donetsk 83003, the Donetsk People's Republic, Russia

Irina F. Mukhanova, mukhanovai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3666-4581>

Abstract. Introduction. In the dynamic modern world the study of the formation of life prospects is becoming particularly relevant. An important step towards a deeper understanding of this complex process is to build a conceptual model and structure for the formation of a person's life prospects. The purpose of the work is: on the bases of the analysis of theoretical and methodological approaches, to develop a structural model for the formation of life prospects of a personality. **Theoretical analysis.** The problem of the structure and content of a person's life prospects is considered. A review-analytical method was used based on the study and analysis of scientific papers on this issue. A conceptual model of life prospects has been developed that includes temporal, semantic, activity, and emotional-motivational components mediated by individual and contextual resources. It is noted that the integrity and success of life design depend on the balance of time orientations, the development of a system of values and meanings, the ability to set goals and self-regulation, as well as on the level of personal resilience and supportive social conditions. **Conclusion.** The presented model makes it possible to systematize existing approaches, present them as an integrated system, better understand the mechanisms of life path formation, and also opens up prospects for the development of diagnostic tools and psychological support programs. **Keywords:** life prospects, structural model, time dimension, meaningful components of life prospects

For citation: Mukhanova I. F. Analysis of the structural model of the formation of life prospects of the individual. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 83–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-83-90>, EDN: TNJGQG
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение жизненных перспектив личности в современном обществе приобретает особую актуальность в связи с возрастанием уровня неопределенности и нестабильности социальной среды. Социально-экономические кризисы, военные конфликты, ускоренная цифровизация и трансформация образовательного пространства создают новые вызовы для построения жизненного пути и реализации личностного потенциала. В этих условиях возрастает необходимость анализа структуры жизненных перспектив, так как именно они определяют способность личности сохранять целостность временного восприятия, формировать устойчивые жизненные смыслы, ставить и реализовывать цели, а также опираться на личностные и контекстуальные ресурсы для преодоления трудностей.

Построение модели жизненных перспектив позволяет выявить ключевые компоненты и механизмы, обеспечивающие успешное развитие и самореализацию личности, а также дает возможность более точно диагностировать факторы риска и ресурсы адаптации в условиях социальной и культурной турбулентности. Такой подход открывает перспективы как для фундаментальных исследований, так и для практических программ психологического сопровождения молодежи.

Новизна работы заключается в синтезе теоретических подходов к разнообразным конструктам – от временной перспективы до смысловой регуляции и попытки представить целостную, многокомпонентную модель, интегрирующую как внутренние, так и внешние факторы.

Целью данной работы является анализ теоретико-методологических подходов и разработка структурной модели формирования жизненных перспектив личности, объединяющей ее ключевые составляющие.

Теоретико-методологическую основу изучения жизненных перспектив составляют теория жизненного пути и психологического времени личности, научные разработки проблем поиска смыслов жизни, гуманистически ориентированные теории личности, личностно-деятельностный, субъектный, системный, событийно-биографический, смысловой, мотивационный подходы, концепция целеполагания и измерение качества жизни личности.

Теоретический анализ

Исследования жизненных перспектив личности (модели, структура, компоненты) достаточно широко представлены в отечественной и зарубежной психологии (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анциферова, Б. Г. Ананьев, А. Бандура, Ш. Бюлер, Е. И. Головаха, О. С. Гурова, P. G. Zimbardo, J. N. Boyd, А. А. Кроник, К. Lewin, Н. А. Логинова, Ж. Нюттен, Д. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Н. Н. Толстых, С. Л. Франк, В. Франкл и др.). Несмотря на значительное количество работ, существует потребность в интегративных моделях, которые бы системно описывали структуру жизненных перспектив и взаимосвязи ее компонентов.

В настоящее время отсутствует единый подход к определению жизненной перспективы личности, что обуславливает необходимость дальнейшего теоретико-практического осмысления ее содержания, структурных компонентов и параметров.

Согласно К. К. Платонову, «жизненная перспектива – это образ желанной и осознаваемой как возможной своей будущей жизни при условии достижения определенных целей» [1, с. 17].

Рассматривая жизненную перспективу как многогранный образ будущего, И. А. Ральникова обосновывает необходимость ее изучения с использованием теории психологических систем [2].

На основе теоретического анализа понятие «жизненная перспектива» определяется нами как системное представление личности о будущем, включающее в структуру когнитивный (система жизненных целей и планов), эмоционально-ценностный (переживание отношения к будущему, система ценностных ориентаций), деятельностный (решения и поступки) и другие компоненты [3, с. 269].

К. Lewin, рассматривая жизненное пространство личности и временную перспективу, один из первых ввел понятие «психологического будущего», связал восприятие будущего с мотивацией и поведением личности [4, с. 103–106].

P. G. Zimbardo, J. N. Boyd, как авторы концепции «временной перспективы», выделили ее когнитивные и поведенческие аспекты, разработали опросник временной перспективы (ZTP) и показали, что ориентация на прошлое, настоящее и будущее формирует стиль жизни. Их исследования показывают, как дисбаланс в восприятии времени может снижать субъективное благополучие [5].

Ж. Нюттен определил структуру жизненных целей и личностных смыслов как основу перспектив, а также создал теорию мотивации через перспективы будущего [6].

Э. Эриксон изучал развитие личности в контексте жизненного цикла, формирование идентичности и перспектив на будущее; связал развитие личности с формированием образа будущего и жизненных планов [7].

Б. Г. Ананьев рассматривал жизненный путь личности как систему этапов и перспектив, определял жизненный путь человека как структуру, включающую в себя такие элементы, как события, обстоятельства, социальное окружение, индивидуальную среду развития, личный стиль жизни и другие факторы [8].

С. Л. Рубинштейн изучал жизненный путь через призму принципа единства сознания и деятельности, что позволило рассматривать временную перспективу как основу сознательной активности человека. Он подчеркивал, что жизненные перспективы формируются не как абстрактные образы будущего, а как реальная возможность личности быть субъектом собственной жизни [9].

К. А. Абульханова-Славская, развивая идеи С. Л. Рубинштейна, рассматривала личность как субъекта жизненного пути, для которого жизненные перспективы определяются не только внешними обстоятельствами, но и активной организацией собственной жизни. Она подчеркнула роль личностного времени как структурирующего фактора, через который субъект формирует свою жизненную позицию, стратегию жизни и перспективу [10].

Л. И. Анцыферова исследовала проблему жизненных перспектив через исследование жизненного пути, динамики личности и стратегий совладания. Она рассматривала жизненные перспективы не как статичное образование, а как динамическую систему смыслов, целей и ценностей, которая изменяется под воздействием кризисов, жизненных испытаний и социально-исторических условий [11].

Ф. Е. Василюк разработал концепцию переживания, рассматривая переживание как способ преодоления трудных жизненных ситуаций и построения жизненных перспектив [12].

Н. Н. Толстых описала развитие глубокой временной перспективы у подростков и молодежи. Временная перспектива представлена в ее исследованиях как многомерная система, включающая когнитивные, мотивационные и

эмоционально-смысловые компоненты. Она показала, что жизненные перспективы личности тесно связаны с ее ценностными ориентациями, уровнем развития самосознания и способностью к рефлексии. [13].

Е. И. Головаха и А. А. Кроник являются авторами причинно-целевой концепции психологического времени, а также они предложили диагностическую модель структуры жизненной перспективы (цели, планы, временные локусы). В их концепции жизненная перспектива представлена как системообразующий фактор личности, обеспечивающий внутреннюю согласованность жизненного пути и выступающий критерием ее зрелости [14].

Д. А. Леонтьев внес значительный вклад в разработку проблематики жизненных перспектив, рассматривая данный феномен в контексте смысловой регуляции личности. В его концепции жизненные перспективы понимаются как система ориентиров, определяющих направленность жизненного пути человека. Личность, имеющая четкие ценности и смысл жизни, более мотивирована к достижению поставленных целей и преодолению жизненных трудностей [15].

О. С. Гурова подчеркивает сложность и многоуровневость субъективных представлений о жизненных перспективах. Определяя их структурные компоненты, она выделяет эмоциональную, когнитивную и поведенческую составляющие субъективных представлений личности о будущем. Согласно исследованиям автора, эмоциональный компонент жизненной перспективы определяется как эмоциональное переживание, отношение к будущему; когнитивный компонент – как когнитивное представление о будущих событиях жизни; поведенческий – как влияние представлений о жизненных перспективах на реальное поведение человека в настоящем [16].

На основе анализа современных исследований выделим авторскую модель И. В. Логутенковой, взгляды которой мы разделяем и придерживаемся их в нашей работе. Опираясь на системный подход, автор раскрывает как структуру, так и содержание жизненной перспективы личности. Модель включает следующие компоненты: смысловой (представления о себе, мире и будущем), ценностный (личностно значимые ценности и их проявления), личностный (эмоциональная окраска будущего, активность по отношению к нему), временной (наличие целей, планов и сроков), простран-

ственный (сферы самореализации) и организационно-деятельностный (стратегии воплощения планов в реальность) [17].

Таким образом, можно выделить две линии исследований жизненных перспектив.

1. Временное измерение жизненных перспектив: когнитивная модель времени и мотивации (К. Lewin, Р. G. Zimbardo, J. N. Boyd, Ж. Нюттен, Н. Н. Толстых, Е. И. Головаха, А. А. Кроник и др.). Жизненные перспективы формируются в трех временных измерениях: прошлом, настоящем и будущем.

2. Содержательные компоненты жизненных перспектив: жизненные цели и планы, стратегии и ресурсы личности, смыслы и ценности (Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Ф. Е. Василюк, Д. А. Леонтьев, Э. Эриксон и др.)

Исследования отечественных и зарубежных ученых позволяют рассматривать жизненные перспективы как многомерное психологическое образование, определяющее целостность и направленность жизненного пути личности.

Модель структуры жизненных перспектив

Анализ научных трудов [1–17] позволяет рассматривать структуру жизненных перспектив как многокомпонентное образование, включающее взаимосвязь временной, смысловой, деятельностной и эмоционально-мотивационные уровни, опосредуемые индивидуальными и контекстуальными ресурсами.

В научной литературе выделяют несколько ключевых компонентов, которые обеспечивают целостность и динамику жизненного пути.

Во-первых, *временное измерение* жизненной перспективы отражает когнитивные репрезентации прошлого, настоящего и будущего, а также баланс временных ориентаций, обеспечивающий целостность жизненного пути. Прошлое выступает источником личного опыта и ценностных ориентаций, настоящее отражает актуальные формы деятельности и систему повседневных отношений, будущее задает направленность развития, формирует мотивацию, цели и стратегию действий. Важно отметить, что настоящее играет ключевую роль, так как именно в текущий момент человек реализует свои намерения и принимает решения, которые влияют на будущее. Следовательно, будущее определяет ориентиры и цели, а настоящее – процесс их достижения. Баланс между будущим и настоящим обеспечивает гармоничное

развитие и устойчивость личности, а также целостность ее жизненного пути.

Во-вторых, *смысловое содержание* жизненных перспектив связан с системой ценностей, установок и личностных смыслов, которые задают направленность целей и определяют их значимость для субъекта. Жизненные цели и планы приобретают значимость только в контексте субъективных смыслов, определяющих индивидуальную траекторию самореализации.

В-третьих, в структуре жизненной перспективы выделяют *целеполагание и саморегуляцию*, представляющие собой процессуальный уровень жизненной перспективы, включающий стратегии, способы и средства достижения поставленных целей. Данный компонент отражает уровень активности и готовность личности брать на себя ответственность за собственное будущее.

Эмоционально-мотивационные ресурсы (самоэффективность, оптимизм, надежда, автономия, настойчивость) обеспечивают устойчивость жизненных планов и позитивное отношение к будущему, поддерживают активность личности в преодолении трудностей. Оптимизм, вера в собственные силы и ощущение жизненной эффективности способствуют успешной реализации перспектив.

Вместе с тем структура жизненной перспективы не может быть понята вне учета внешних и внутренних условий.

Контекстуальные модераторы (семья, образование, социально-экономическая и культурная среда, условия войны и стресса, цифровая среда) создают возможности или ограничения для реализации жизненных планов.

Индивидуальные ресурсы (резильентность, локус контроля, личностные черты, копинг-стратегии) определяют способность личности к адаптации и сохранению жизненной направленности даже в сложных обстоятельствах.

Итог реализации жизненных перспектив выражается в когерентности жизненного пути (связь между различными аспектами жизни, понимание их взаимосвязи), субъективном благополучии, учебно-профессиональной успешности и социальной активности личности.

В таблице представлены ключевые функции компонентов модели жизненной перспективы как системного образования, где каждый компонент дополняет другой.

Схематично структурная модель жизненных перспектив личности проиллюстрирована на рисунке.

Компоненты структуры жизненных перспектив
 Table. Components of the structure of life prospects

Компонент	Функции
Временной	Обеспечивает целостность прошлого, настоящего и будущего
Смысловой	Формирует значимость целей и их ценностное обоснование
Целеполагание и саморегуляция	Обеспечивает постановку целей и контроль их достижения
Эмоционально-мотивационно-ресурсы	Поддерживают устойчивость действий и позитивное отношение к будущему
Индивидуальные ресурсы	Повышают адаптивность и сопротивляемость стрессу
Контекстуальные модераторы	Определяют возможности и ограничения реализации планов
Итог реализации	Отражает степень успешности жизненного пути

Структурная модель жизненных перспектив
 Figure. A structural model of life prospects

В структурной модели жизненных перспектив все компоненты представляют собой интегративное образование. Их взаимодействие носит не линейный, а взаимозависимый характер. Модель показывает динамическую систему, где внутренние ресурсы и внешний контекст (контекстуальные модераторы) опосредуют взаимосвязь временного, смыслового, деятельностного и эмоционально-мотивационного компонентов.

Контекстуальные модераторы (социально-политические, культурные, экономические условия) располагаются сверху, так как задают внешние рамки функционирования системы, а личностные ресурсы – снизу, как внутренний фундамент системы, обеспечивая ее адаптивность и устойчивость.

Временной компонент задает структуру жизненного пути (прошлое, настоящее, будущее), определяя горизонты планирования и восприятия изменений. Он влияет на смысловые конструкции, мотивирует деятельность, определяя приоритеты и планирование действий, формирует эмоциональное отношение к событиям.

Смысловой компонент обеспечивает интерпретацию событий и целей, придает им личностную значимость. Смыслы выступают опорой для постановки целей, поддерживают мотивацию и регулируют эмоциональные реакции. Он также способствует формированию позитивных ожиданий и уверенности в будущем.

Деятельностный компонент реализует смыслы и временные ориентиры через практическую активность, позволяя личности воплощать замыслы и планы. При этом успешность деятельности напрямую зависит от личностных ресурсов и внешних условий, мотивации, восприятия смысла и временных перспектив.

Эмоционально-мотивационный компонент выступает связующим звеном: эмоции отражают субъективное переживание жизненной ситуации, а мотивация задает направленность и энергию для деятельности. Позитивные эмоции усиливают устойчивость смыслов и облегчают реализацию целей.

Контекстуальные модераторы (социальные, культурные, экономические условия) задают рамки возможностей, ограничивая или расширяя спектр выбора, а также усиливают или ослабляют действие других компонентов. Например, поддержка окружения может мобилизовать личностные ресурсы (уверенность), а социально-политические кризисы перестраивают временную перспективу.

В разные периоды жизни доминируют разные компоненты (например, в юности – временная перспектива, в зрелости – деятельностный, в кризисах – смысловой).

Личностные ресурсы (ценности, установки, когнитивные и регуляторные способности) обеспечивают адаптивность системы, выступая внутренними условиями, позволяющими преодолевать барьеры и трансформировать негативные влияния среды. Например, личностные ресурсы (оптимизм, гибкость, стрессоустойчивость) могут компенсировать негативное влияние контекстуальных ограничений на мотивацию.

Внешний контекст и внутренние ресурсы постоянно взаимодействуют. Они опосредуют, т.е. фильтруют, усиливают или ослабляют связь между компонентами.

Следует отметить, что важным элементом в модели является петля обратной связи от деятельностного компонента к внутренним ресурсам. Каждое действие, успех или неудача не просто дает результат, но и трансформирует самого человека: повышает компетенции, меняет убеждения, укрепляет ресурсы. Прошлый опыт деятельности становится частью внутренних ресурсов для построения будущих перспектив.

Также в модели (см. рисунок) показана связь внешних условий с временным компонентом. Данная связь – не просто прямое влияние, а именно опосредование (модерация). Это означает, что внешний контекст фильтрует, искажает, структурирует и придает оттенок нашему восприятию времени. Так, например, глобальные события (пандемия, война, кризис) резко делят жизнь человека на «до» и «после», заставляя пересматривать планы, ценности и само восприятие будущего, переходить от долгосрочного планирования к краткосрочному, т.е. меняется временной компонент.

Каждый компонент не существует изолированно: временная перспектива наполняется смыслом, смыслы обретают силу через деятельность, деятельность получает эмоционально-мотивационную поддержку, эмоционально-мотивационный компонент окрашивает восприятие времени и поддерживает энергию деятельности, а устойчивость всей системы зависит от ресурсов личности и влияния контекстуальных факторов. Их согласованное взаимодействие формирует целостность жизненного пути и определяет направленность личностного развития, обеспечивая возможность адаптации

и развития человека в изменяющихся условиях. Целостность жизненного пути – это итоговый нарратив жизни, где все компоненты интегрируются для достижения баланса.

Таким образом, модель жизненных перспектив можно представить как систему, в которой взаимодействуют временной, смысловой, деятельностный и эмоционально-мотивационный компоненты, опосредуемые индивидуальными и контекстуальными ресурсами, а результатом выступает успешность жизненной самореализации.

Заключение

Проведенный анализ научно-теоретических работ по проблеме жизненных перспектив позволил разработать структурную модель формирования жизненных перспектив личности, что дает возможность более глубоко понимать этот сложный процесс для дальнейшей разработки эффективных методов развития позитивных жизненных перспектив у различных групп населения с учетом разнообразных факторов (социальных, военно-политических, экономических и др.).

Представленная структурная модель формирования жизненных перспектив позволяет рассматривать жизненные перспективы личности как целостную систему, в которой взаимодействуют временные, смысловые, деятельностные и мотивационно-аффективные компоненты, опосредованные индивидуальными и контекстуальными ресурсами. Такой подход делает возможным не только теоретическое осмысление феномена жизненной перспективы, но и практическое применение результатов анализа в психолого-педагогической и социально-психологической работе.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке и обосновании комплексной модели, описывающей взаимосвязи между различными компонентами жизненных перспектив, а также в углублении понимания сложных процессов формирования жизненных перспектив личности, что способствует развитию теоретической базы и открывает новые возможности для дальнейших исследований и практических разработок в области психологии, социологии, педагогики и т.д.

Модель открывает перспективы для разработки диагностических инструментов, направленных на выявление сильных и уязвимых

сторон жизненного проектирования личности, а также для создания программ сопровождения и поддержки в условиях социальной нестабильности и кризисов. Она может быть использована в психологическом консультировании для изучения проблем, связанных с целеполаганием, планированием и смысловым кризисом, развитием навыков планирования, повышением реалистичности и когерентности целей, гармонизацией временной перспективы. Таким образом, теоретическая концептуализация жизненных перспектив имеет прикладное значение, обеспечивая возможность формирования стратегий, способствующих личностному развитию, повышению субъективного благополучия и успешной самореализации в будущем.

Список литературы

1. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М. : Наука, 1982. 309 с.
2. Ральникова И. А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия АлтГУ. 2011. № 2-1 (70). С. 53–60. EDN: OEUUMT
3. Муханова И. Ф. Жизненные перспективы личности: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 3 (94). С. 269–278. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-394-269-278>, EDN: ZKDDWA
4. Lewin K. Time perspective and morale. *Civilian Morale*. Boston : Houghton Mifflin Company, 1942. P. 103–124.
5. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, № 6. P. 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>, EDN: GXUJBZ
6. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М. : Смысл, 2004. 608 с.
7. Эриксон Э. Идентичность и жизненный цикл. СПб. : Питер, 2023. 208 с.
8. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб. : Питер, 2010. 282 с. EDN: QXABYZ
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2004. 713 с.
10. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с. EDN: SGBTRN
11. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // *Психологический журнал*. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–18. EDN: SAFDIZ
12. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М. : Изд-во МГУ, 1984. 240 с.
13. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 545 с. EDN: SCRUBV

14. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М. : Смысл, 2008. 267 с. EDN: QXWMSX
15. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2007. 512 с.
16. Гурова О. С. Психологические особенности субъективных представлений о жизненных перспективах участников локальных войн : дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004. 176 с. EDN: NMTCIP
17. Логутенкова И. В. Жизненные перспективы личности: авторская модель // Научный форум: педагогика и психология : сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции. М. : ООО «Международный центр науки и образования», 2019. Т. 6 (30). С. 57–65. EDN: SNJTJX
7. Erickson E. *Identichnost' i zhiznennyi tsikl* [Identity and life cycle]. St. Petersburg, Piter, 2023. 208 p. (in Russian).
8. Ananyev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. St. Petersburg, Piter, 2010. 282 p. (in Russian). EDN: QXABYZ
9. Rubinstein S. L. *Osnovy obschey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2006. 713 p. (in Russian).
10. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow, Smysl, 1991. 299 p. (in Russian). EDN: SGBTRN
11. Antsyferova L. I. Personality in difficult life conditions: Rethinking, transformation of situations and psychological protection. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1994, vol. 15, no. 1, pp. 3–18 (in Russian). EDN: SAFDIZ
12. Vasilyuk F. E. *Psikhologiya perezhevaniya* [Psychology of experience]. Moscow, MGU Publ., 1984. 240 p. (in Russian).
13. Tolstykh N. N. *The development of the temporal perspective of personality: A cultural and historical approach*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2010. 545 p. (in Russian). EDN: SCRUBV

References

1. Platonov K. K. *Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya* [The System of Psychology and the Theory of Reflection]. Moscow, Nauka, 1982. 309 p. (in Russian).
2. Ralnikova I. A. The life prospects of a personality in the scientific paradigm of psychological knowledge. *Izvestija AltGU* [News of AltSU], 2011, no. 2-1 (70), pp. 53–60 (in Russian). EDN: OEUUMT
3. Mukhanova I. F. Life Prospects of an individual: Theoretical and methodological aspect. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement], 2023, vol. 28, no. 3 (94), pp. 269–278 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-394-269-278>, EDN: ZKDDWA
4. Lewin K. *Time Perspective and Morale. Civilian Morale*. Boston, Houghton Mifflin Company, 1942, pp. 103–124.
5. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, no. 6, pp. 1271–1288, <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>, EDN: GXUJBZ
6. Nyutten J. *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, Action and the Prospect of the Future]. Moscow, Smysl, 2004. 608 p. (in Russian).
14. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological time of personality]. Moscow, Smysl, 2008. 267 p. (in Russian). EDN: QXWMSX
15. Leontiev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of Meaning: The Nature, Structure and Dynamics of Semantic Reality]. Moscow, Smysl, 2007. 512 p. (in Russian).
16. Gurova O. S. *Psychological features of subjective ideas about the life prospects of participants in local wars*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Barnaul, 2004. 176 p. (in Russian). EDN: NMTCIP
17. Logutenkova I. V. Life prospects of personality: Author's model. *Nauchnyi forum: pedagogika i psikhologiya: sbornik statey po materialam XXX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Scientific Forum: Pedagogy and Psychology: Collection of articles based on the materials of the XXX International scientific and practical conference]. Moscow, LLC "International Center of Science and Education" Publ., 2019, vol. 6 (30), pp. 57–64 (in Russian). EDN: SNJTJX

Поступила в редакцию 04.09.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 04.09.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 91–96

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 91–96
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-91-96>

EDN: UDQSFJ

Научная статья
УДК 811'243:378.091.39:004

Использование цифровых образовательных ресурсов в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей

Т. С. Боц , А. А. Сосновская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Боц Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, tatyana.bots@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7062-0158>

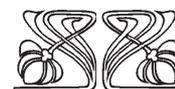
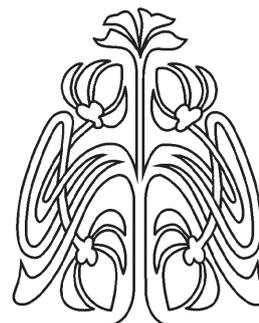
Сосновская Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, sosnovskaiaaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3832-955X>

Аннотация. Введение. В настоящее время современному педагогу необходимо ориентироваться в информационной среде образовательных ресурсов, учитывая цифровые возможности нового поколения студентов. В статье представлено краткое описание образовательных инструментов British Council: Learn English Online (LearnEnglish) и Wordwall, подчеркиваются преимущества и особенности их использования в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей. **Теоретический анализ.** Обзор современных исследований по проблеме позволил сделать вывод о ценности и возможностях данных ресурсов при организации как аудиторной, так и самостоятельной работы со студентами. **Эмпирический анализ.** Приводятся примеры практического применения British Council и Wordwall на занятиях по иностранному языку в разноуровневых группах студентов неязыковых специальностей и в группах углубленного изучения языка. **Заключение.** Интеграция подобных цифровых ресурсов в образовательный процесс не только расширяет методические возможности преподавателя, но и формирует у студентов навыки самоорганизации и непрерывного обучения.

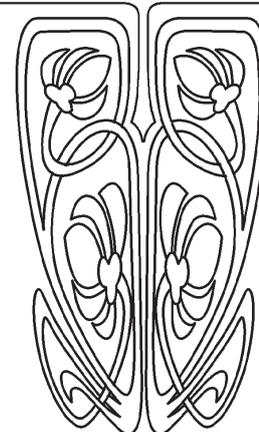
Ключевые слова: иностранный язык, цифровые образовательные ресурсы, студенты неязыковых специальностей, LearnEnglish, Wordwall

Для цитирования: Боц Т. С., Сосновская А. А. Использование цифровых образовательных ресурсов в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 91–96. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-91-96>, EDN: UDQSFJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The use of digital educational resources in teaching foreign language to non-linguistic students

T. S. Bots , A. A. Sosnovskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana S. Bots, tatyana.bots@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7062-0158>

Anna A. Sosnovskaya, sosnovskaiaaaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3832-955X>

Abstract. Introduction. Currently, a modern teacher needs to navigate the information environment of educational resources, taking into account the digital capabilities of a new generation of students. The article briefly describes digital tools (LearnEnglish and Wordwall) emphasizing the advantages and features of their use in teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. **Theoretical analysis.** A review of modern research on the problem allowed us to draw a conclusion about the value and potential of these resources in organizing both classroom and independent work with students. **Empirical analysis.** The research provides examples of their practical application in foreign language classes in multi-level groups of students of non-linguistic specialties and in groups of advanced language learning. **Conclusion.** The implementation of similar digital resources enhances teaching strategies while developing learner autonomy and fostering continuous education practices among students.

Keywords: foreign language, digital educational resources, non-linguistic students, LearnEnglish, Wordwall

For citation: Bots T. S., Sosnovskaya A. A. The use of digital educational resources in teaching foreign language to non-linguistic students. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 91–96 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-91-96>, EDN: UDQSFJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Перспектива использования цифровых образовательных ресурсов в обучении иностранному языку стала реальностью с ростом количества пользователей высокоскоростного интернета и общемировой тенденцией в области дистанционного обучения. Информационная среда предлагает широкий спектр образовательных инструментов, что становится причиной выхода учебного процесса за рамки аудиторных занятий.

Применение цифровых образовательных ресурсов в педагогике способствует повышению эффективности обучения, усилению мотивации студентов и росту уровня их самостоятельности при овладении дисциплиной [1]. Вслед за Д. Р. Золотовой под цифровыми образовательными ресурсами мы понимаем «современные средства обучения, представленные в электронном формате, применение которых направлено на повышение эффективности образовательного процесса и выполнение основных задач обучения и воспитания» [2, с. 122].

Доступ к этим ресурсам может осуществляться как с рабочих компьютерных станций учебного заведения (при наличии), так и с личных портативных мобильных устройств обучающихся. В связи с этим современному педагогу необходимо учитывать цифровые возможности нового поколения студентов. Ещё

в начале прошлого десятилетия А. Ю. Уваров отметил разнообразие индивидуальной ИКТ-среды обучающихся, под которой понимается использование личных цифровых устройств в образовательных целях [3]. В зарубежных исследованиях данный принцип получил название BYOD (от англ. bring your own device) [4], найдя отражение и в российской лингводидактической практике как использование мобильного устройства в качестве дополнительного источника информации при выполнении разного рода заданий [5].

В данной статье анализируются особенности цифровых образовательных ресурсов LearnEnglish и Wordwall в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей.

Теоретический анализ

Обзор исследований, посвященных использованию цифровых технологий в обучении английскому языку, показал, что LearnEnglish представляется ценным ресурсом для организации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений [6]. Анализ, проведенный А. Е. Кузиной, демонстрирует преимущество LearnEnglish перед традиционными методами преподавания и статистически доказывает более высокую эффективность усвоения учебного материала [7].

Широкий спектр разделов и подразделов этого сайта (Learning hub, Skills, Grammar, Vocabulary и т.д.) дает возможность преподавателю разнообразить учебный процесс. Так, подраздел General English является универсальным, поскольку содержит подкасты с интересными видео- и аудиоматериалами, упражнениями на ознакомление и отработку новой лексики, проверку общих фактов и детальной информации из аудио- или видеоисточника.

Что касается преимуществ ресурса Wordwall, к ним исследователи относят разнообразие предлагаемых заданий, возможность индивидуализировать учебный процесс, быструю обратную связь, доступность и удобный интерфейс [8]. По мнению чилийских ученых, Wordwall является эффективным инструментом при выполнении заданий на развитие лексики, добавляет элемент соревновательности и улучшает командную работу среди студентов [9].

Wordwall дает возможность создавать или использовать уже готовые интерактивные тестовые задания по 18 шаблонам с элементами геймификации. В контексте обучения иностранному языку наиболее востребованы такие шаблоны, как заполнение пропусков в тексте, поиск соответствий, перестановка слов в предложении, кроссворд и т.д. Они помогают разнообразить традиционный процесс обучения и повышают мотивацию студентов. Мотивирующим аспектом также является элемент соревнования. Во время выполнения задания работает таймер, а итоговое время и количество правильных ответов позволяют занять позицию в таблице лидеров.

Эмпирический анализ

В 2023–2025 гг. сайт Wordwall использовался на практических занятиях по дисциплине «Иностранный язык» в группах студентов неязыковых специальностей смешанного уровня (от A1 до B2). Количество студентов в группах составило в среднем 25 человек. В начале учебного семестра применялся только традиционный метод обучения, что выявило ряд проблем: трудности с подбором учебных материалов подходящего для всех уровней, ограниченную возможность персонального взаимодействия и индивидуальной обратной

связи, сложность удержания внимания всей группы, отсутствие мотивации у студентов и их низкую вовлеченность.

В результате интеграции традиционного метода обучения с интерактивными заданиями сайта Wordwall указанные проблемы удалось либо полностью устранить, либо значительно сократить. Так, наполнение сайта позволило подобрать лексико-грамматические задания уровня A2–B1, которые были интересными и подходили уровню всей группы. В соответствии с рабочими программами профессионально ориентированных дисциплин «Зоология» и «Неорганическая химия» студенты выполняли задания, направленные на освоение профильной терминологии на английском языке. В частности, проходили викторину на тему «Агрегатные состояния вещества» и заполняли пропуски в предложениях на тему «Беспозвоночные и позвоночные животные».

В процессе индивидуально-синхронной работы на занятии у каждого обучающегося появилась возможность получить обратную связь и оценить свою успеваемость. Во время выполнения заданий студенты активно участвовали в обсуждении, подсказывали и напоминали друг другу правила, что повысило их мотивацию и обеспечило полную вовлеченность. Исключением стали случаи, связанные с техническими сложностями (низкий заряд телефона, не открывается сайт), что составило не более 4% от общего количества студентов в группе.

Наряду с данным сайтом ресурс LearnEnglish оказался одним из эффективных цифровых инструментов для работы с обучающимися в рамках дополнительной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Языковая однородность групп (уровень B1+, B2) позволила подобрать необходимые задания для студентов, усвоить новый лексический, грамматический, текстовый материалы, способствовала формированию навыков чтения, говорения, написания различного рода текстов, навыков деловой переписки, коммуникативных навыков.

Так, например, наиболее востребованным на занятиях и для организации самостоятельной работы студентов стал раздел *Skills*, включающий задания, направленные на улучшение основных навыков чтения, письма, аудирования и говорения.

Темы аудирования в *Listening skills* можно выбирать, предварительно прочитав описание к каждой из них. Здесь даны два вида заданий: 1) подготовительный, знакомящий с новой лексикой, в котором в основном предлагается соотнести слово с его определением, либо распределить слова по группам, соответствующим тематике; 2) текстовый: упражнения типа *true / false*. В конце каждого аудирования представлено задание для обсуждения в виде вопроса. Например, вопрос к теме «*Film reviews*» «*What was the last film you watched? What did you think of it?*» позволяет не только поделиться своим впечатлением о фильме, но и написать собственную рецензию на фильм по выбору преподавателя.

Во вкладке *Reading skills* представлены тексты разной степени сложности и жанров: статья из энциклопедии, путеводитель, пример деловых переговоров, блог, рецензия на книгу, биография, доклад на конференцию и т.д. Многообразие текстов расширяет кругозор обучающихся, а также дает возможность преподавателю подобрать необходимые по теме тексты для отработки навыков чтения.

В *Speaking skills* предлагается разговорная практика (уровень A1–B1), которая направлена на отработку полезных фраз и выражений и часто используется в повседневном общении на английском языке. К каждому уроку предлагается подготовительное задание и видео, которое знакомит с необходимой лексикой в контексте.

Writing skills обеспечивает преподавателя необходимым материалом не только для обучения студентов заполнению анкет, различных форм, инструкций, но и написанию различного рода писем, рецензий, докладов, эссе, описанию таблиц, графиков и т.д. В частности, в качестве ознакомительного для студентов 1-го курса уровня B2 является задание: *write a curriculum vitae*. Подготовительная часть упражнения включает пример структуры резюме (следующие предложенные фразы и выражения «*Degree in marketing, Photography, Business Development Manager, Certificate in presentation skills, Professional blogger, etc.*» необходимо распределить в колонки *Work experience, Education, Skills and interests*). Далее следует сам текст резюме и основные рекомендации по составлению своего собственного текста.

Предложенные текстовые задания предполагают проверку полученной информации из текста (*True/false, Put the words and phrases in order to make sentences, Write the correct form of the word in brackets*). Результатом данной работы с ресурсом может послужить составление собственного резюме, которое студенты отправляют либо на почту, либо в общий чат.

Рубрики *Grammar* и *Vocabulary* состоят из понятных и простых уроков по грамматике, а также упражнений на изучение лексики по темам. Варианты упражнений на лексику: *Put the words in alphabetical order, Match the words and pictures, Write the words to complete the sentences, Choose the best answer, Listen and put the letters in order*. Темы изучаемой лексики совпадают с темами, представленными в рабочей программе дисциплины, но более разнообразны: *Body parts, Colours, Clothes, Appearance, Meals and cooking, Moving, Money, Holidays, Beaches, Containers, Tools* и т.д. Все задания рассчитаны на уровень знаний A1–A2, B1–B2. Грамматические темы соответствуют уровню A1–C1. Они содержат краткое описание теоретического материала, основные грамматические правила и тесты, направленные на проверку имеющихся и отработку полученных знаний.

Подразделы в рубрике *Business English* позволяют студентам развить навыки делового общения и коммуникативные навыки, необходимые для решения бизнес-задач, прохождения собеседований, написания понятных электронных писем на английском языке. В частности, во вкладке *English for emails* предлагается базовый материал для обучения студентов младших курсов основам деловой переписки. Здесь описываются структура делового письма, правила написания, формулы обращения и завершения письма. Навык составления деловых писем в дальнейшем отрабатывается и совершенствуется на этапе обучения профессиональной коммуникации в рамках дисциплины «Практический курс профессионально-ориентированного перевода».

Так, подобные цифровые ресурсы могут использоваться в качестве элемента организации самостоятельной работы студентов в разноуровневой группе. Онлайн-упражнения служат прекрасным инструментом самодиагностики студента, позволяют достичь уверенности и повысить мотивацию обучающихся.

Заключение

Проведённый анализ цифровых образовательных ресурсов LearnEnglish и Wordwall подтвердил их эффективность в обучении иностранному языку. В отличие от традиционных методов, цифровые ресурсы позволяют каждому студенту работать в собственном темпе, получая мгновенную обратную связь и корректируя свои ошибки. При этом синхронный формат занятий сохраняет преимущества группового взаимодействия: студенты могут обсуждать задания, помогать друг другу и участвовать в интерактивных элементах. Такой подход особенно важен в разноуровневых группах, где важно сочетать персонализацию обучения с коллективной вовлечённостью. В то же время проанализированные ресурсы эффективны при углублённом изучении языка, особенно в программах дополнительного образования: структурированные разделы сайта LearnEnglish предоставляют материалы для развития всех языковых навыков – от базовой лексики до профессиональной коммуникации.

Таким образом, представленные цифровые ресурсы являются эффективным инструментом, поскольку расширяют дидактический потенциал преподавателя, формируют у студентов навыки самоорганизации и закладывают основы для непрерывного профессионального совершенствования.

Список литературы

1. Алференко Е. В. Образовательные интернет-ресурсы для преподавателей иностранного языка // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2022. № 2 (41). С. 157–162. EDN: BXLONL
2. Золотова Д. Р. Цифровые образовательные ресурсы: понятие и классификация // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста : материалы XVIII Международной научно-практической Интернет-конференции (Тамбов, 30 мая – 5 июня 2022 г.). Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. С. 121–127. EDN: НКРСПК
3. Уваров А. Ю. Компьютер меняет всех: и ученика, и учителя // Образовательная политика. 2010. № 1-2 (39). С. 68–89.
4. Burns-Sardone N. Making the case for BYOD instruction in teacher education // Issues in Informing Science and Information Technology. 2014. Vol. 11. P. 191–201. <https://doi.org/10.28945/1988>
5. Горбушин А. Г. Использование мобильных технологий (технологии BYOD) в образовательном процессе // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики : коллективная монография [под ред. Е. В. Гришиной]. Уфа : Аэтерна, 2014. С. 31–45. EDN: THLNBD
6. Фалилеев А. Е. Использование ресурсов «British council» и «Native English» при организации самостоятельной работы по иностранному языку у учащихся средних классов // Учебный эксперимент в образовании. 2019. № 1 (89). С. 84–90. EDN: VPRDZY
7. Кузина А. Е. Формирование иноязычной компетенции студентов педагогического университета с применением платформы British Council // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 5, № 10. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PDMN522.pdf>. EDN: WGQUGZ
8. Кошеварова Ю. А., Галиева Д. А. Использование платформы Wordwall в обучении грамматики английского языка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 152–157. EDN: BDHDAG
9. Rodríguez-Escobar C., Cuevas-Lepe J., Maluenda-Parraque L. Assessing the effectiveness of Wordwall.net as a vocabulary learning tool: Pre-service EFL teachers' perspectives // Journal of Education and Practice. 2023. Vol. 14, № 31. P. 41–51. <https://doi.org/10.7176/JEP/14-31-04>

References

1. Alferenko E. V. Educational internet-resources for English-language teachers. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokikh tekhnologiy* [Bulletin of Voronezh Institute of High Technologies], 2022, no. 2 (41), pp. 157–162 (in Russian).
2. Zolotova D. R. Digital educational resources: Concept and classification. *Lichnostnoe i professional'noe razvitie budushchego spetsialista: materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii* [Personal and Professional Development of a Future Specialist: Proceedings of the XVIII International scientific-practical Internet conference (Tambov, May 30 – June 5, 2022)]. Tambov, Izdatel'skiy dom "Derzhavinskiy", 2022, pp. 121–127 (in Russian). EDN: НКРСПК
3. Uvarov A. Yu. Computer changes everyone: Both student and teacher. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 2010, no. 1-2 (39), pp. 68–89 (in Russian).
4. Burns-Sardone N. Making the case for BYOD instruction in teacher education. *Issues in Informing Science and Information Technology*, 2014, vol. 11, pp. 191–201. <https://doi.org/10.28945/1988>
5. Gorbushin A. G. The use of mobile technologies (BYOD) in the educational process. In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty psikhologii i pedagogiki* [Grishina E. V., ed. Theoretical and practical aspects of psychology and pedagogy]. Ufa, Aeterna, 2014, pp. 31–45 (in Russian). EDN: THLNBD

6. Falileev A. E. Using “British Council” and “Native English” resources for organizing independent foreign language work among middle school students. *Uchebnyy eksperiment v obrazovanii* [Educational Experiment in Education], 2019, no. 1 (89), pp. 84–90 (in Russian). EDN: VPRDZY
7. Kuzina A. E. Formation of foreign language competence among pedagogical university students using the British Council platform. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2022, vol. 10, no. 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PDMN522.pdf> (in Russian). EDN: WGQUGZ
8. Koshevarova Yu. A., Galieva D. A. Using Wordwall platform for teaching English grammar. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no. 3 (101), pp. 152–157 (in Russian). EDN: BDHDAG
9. Rodríguez-Escobar C., Cuevas-Lepe J., Maluenda-Parra L. Assessing the effectiveness of Wordwall.net as a vocabulary learning tool: Pre-service EFL teachers’ perspectives. *Journal of Education and Practice*, 2023, vol. 14, no. 31, pp. 41–51. <https://doi.org/10.7176/JEP/14-31-04>

Поступила в редакцию 14.11.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 14.11.2024; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 97–102
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 97–102
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-97-102>, EDN: XFMOWB

Научная статья
УДК 378:796.015

Повышение физической активности студенток вуза средствами оздоровительной аэробики: аэробно-силовые нагрузки в профилактике гиподинамии (педагогический аспект)

И. В. Маркина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Маркина Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, i_markina85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9462-3433>

Аннотация. Введение. Актуальность исследования обусловлена высокой распространенностью гиподинамии среди студенческой молодежи, негативно влияющей на здоровье и академическую успеваемость. Поиск эффективных педагогических средств повышения физической активности в условиях вуза является значимой задачей. **Теоретический анализ** подтверждает потенциал оздоровительной аэробики как доступного и комплексного инструмента, сочетающего аэробные и силовые нагрузки, однако требует научного обоснования конкретных методик для студенток. **Эмпирический анализ** включал 4-месячный педагогический эксперимент с участием 12 студенток (18–19 лет), не имевших опыта фитнес-тренировок. Была реализована авторская программа оздоровительной аэробики (3 раза/неделю) с комбинированными блоками: аэробным (25 мин, ЧСС 150–160 уд/мин) и силовым (20 мин, ЧСС 130–140 уд/мин). Динамика физической подготовленности оценивалась по тестам комплекса ГТО (VII ступень) до и после эксперимента с применением *t*-критерия Стьюдента. **Результаты.** Выявлены достоверные улучшения ($p < 0.05$) показателей общей выносливости (бег 2000 м, –41 с), силовой выносливости мышц верхнего плечевого пояса (сгибание/разгибание рук в упоре, +3.5 раза) и брюшного пресса (поднимание туловища, +5.2 раза/мин), а также гибкости (наклон вперед, +3.6 см). Статистически значимого прироста скоростно-силовых качеств не зафиксировано. Разработанная программа доказала эффективность как средство профилактики гиподинамии и повышения физической подготовленности студенток.

Ключевые слова: оздоровительная аэробика, физическая активность, студентки вуза, профилактика гиподинамии, аэробно-силовые нагрузки, физическая подготовленность, педагогический эксперимент

Для цитирования: Маркина И. В. Повышение физической активности студенток вуза средствами оздоровительной аэробики: аэробно-силовые нагрузки в профилактике гиподинамии (педагогический аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 97–102. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-97-102>, EDN: XFMOWB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Increasing physical activity of female university students by means of recreational aerobics: Aerobic and strength training in the prevention of physical inactivity (pedagogical aspect)

I. V. Markina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Markina, i_markina85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9462-3433>

Abstract. Introduction. The relevance of the study is due to the high prevalence of inactivity among student youth, which negatively affects health and academic performance. The search for effective pedagogical means of increasing physical activity in a university environment is a significant task. **Theoretical analysis** confirms the potential of wellness aerobics as an affordable and comprehensive tool that combines aerobic and power loads, but requires scientific justification of specific methods for students. **Empirical analysis** included a 4-month pedagogical experiment involving 12 students (18–19 years old) who had no experience in fitness training. The author's program of health aerobics (3 times / week) was implemented with combined units: aerobic (25 min, heart rate 150–160 beats / min) and power (20 min, heart rate 130–140 beats / min). The dynamics of physical fitness was assessed by tests of the GTO complex (VII stage) before and after the experiment with the use of the *t*-Student criterion. **Results.** Reliable improvements ($p < 0.05$) of indicators of total endurance (running 2000 m, –41 sec), power endurance of the muscles of the upper shoulder belt (bending/extension of the arms at point blank, +3.5 times) and abdominal press (lifting the torso, +5.2 times / min),

as well as flexibility (tilt forward, +3.6 cm) were identified. No statistically significant increase in speed-strength qualities was recorded. The developed program has proved its effectiveness as a means of preventing hypodynamia and increasing the physical fitness of students.

Keywords: recreational aerobics, physical activity, university students, prevention of physical inactivity, aerobic and strength training, physical fitness, pedagogical experiment

For citation: Markina I. V. Increasing physical activity of female university students by means of recreational aerobics: Aerobic and strength training in the prevention of physical inactivity (pedagogical aspect). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 97–102 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-97-102>, EDN: XFMOWB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В эпоху цифровых технологий и снижения физической активности поддержание здоровья молодого поколения является критически важной задачей. Н. В. Васенков с соавторами отмечают, что для студенческого периода свойственны высокие интеллектуальные нагрузки и необходимость социальной адаптации, что зачастую провоцирует хронический стресс, нарушение режима и дефицит двигательной активности, отрицательно сказываясь на физическом и психоэмоциональном здоровье [1].

Согласно данным ВОЗ, на которые ссылаются В. Д. Иванов, О. В. Марандыкина [2], вклад системы здравоохранения в уровень здоровья человека составляет лишь 10–15%. Наследственные факторы определяют его на 15–20%, состояние окружающей среды – на 20–25%, а наибольшее влияние (50–55%) оказывают условия и образ жизни. В этой связи особую обеспокоенность вызывает низкая физическая активность среди молодежи: более 60% лиц в возрасте 18–25 лет не следуют рекомендациям по её минимальной норме, что напрямую повышает риски развития сердечно-сосудистых и метаболических заболеваний. Регулярная физическая активность и спорт являются ключевыми элементами здорового образа жизни, не только укрепляя здоровье, но и выступая профилактикой вредных привычек. В этом контексте оздоровительная аэробика представляет собой не только популярное фитнес-направление, но и эффективное профилактическое средство, характеризующееся доступностью, эмоциональной привлекательностью и комплексным воздействием на организм [3].

Теоретический анализ

Проблема гиподинамии среди студенческой молодежи широко освещается в научной литературе. Проведенные исследования Р. А. Амбарцумяна, А. К. Соболевой подтверж-

дают, что недостаток двигательной активности провоцирует развитие хронических заболеваний даже у молодых людей, это связано преимущественно с академической загруженностью и дефицитом времени [4]. Как отмечают К. Н. Дементьев с соавторами, рост тревожности в студенческой среде обусловлен учебными стрессами и социальными факторами. В качестве коррекции психоэмоционального состояния исследователи указывают на физическую культуру, в частности концентрированные занятия [5]. Другие исследователи акцентируют внимание на взаимосвязи современных жизненных моделей (сидячая работа, несбалансированное питание) и снижения физической активности, предлагая интеграцию спортивных программ в образовательные стандарты и развитие инфраструктуры вузов [6, 7].

Популярность фитнес-направлений, особенно оздоровительной аэробики, среди молодежи остается высокой, смещая акцент с профессиональных достижений на укрепление здоровья, социализацию и стрессоустойчивость [8, 9]. Аэробика как вид кардионагрузки способствует укреплению сердечно-сосудистой системы и повышению выносливости. Ее эволюция и многообразие форм (классическая, силовая, аквааэробика) делают ее доступной для различной подготовленности [10]. Исследования Е. А. Грищенко, П. П. Николаева [11] и А. В. Немова, А. О. Алексина [12] подтверждают предпочтение аэробики студентами и указывают на ее положительное влияние не только на физические качества, но и на когнитивные функции при условии постепенного увеличения нагрузок. Работы Т. В. Бушма, Е. Г. Зуйковой [13], Е. Ю. Скнариной, Е. О. Дудник [14] демонстрируют эффективность интерактивных методов (творческие задания, ИКТ, музыка) для повышения вовлеченности в занятия физической культурой. В сравнении с высокоинтенсивными направлениями оздоровительная аэробика сохраняет статус безопасного и эффективного формата [15].

Эмпирический анализ

Цель исследования. Экспериментально обосновать эффективность разработанной программы оздоровительной аэробики, сочетающей аэробные и силовые нагрузки, для повышения уровня физической подготовленности студенток вуза.

Гипотеза исследования. Систематические занятия по авторской программе оздоровительной аэробики с комбинированными аэробно-силовыми нагрузками приведут к достоверному улучшению основных показателей физической подготовленности студенток.

В педагогическом эксперименте продолжительностью 4 месяца (16 учебных недель) приняли участие 12 студенток Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского в возрасте 18-19 лет, не имевшие опыта регулярных фитнес-тренировок в течение предшествующего года (на основе анкетирования). Все участницы были отнесены к основной медицинской группе.

Авторская программа занятий

Режим: 3 занятия в неделю по 60 минут.

Структура занятия

1. Подготовительная часть (10 мин). Обще-развивающие упражнения (разогрев суставов, умеренная кардионагрузка), ЧСС 110–130 уд/мин.

2. Основная часть (45 мин).

• Аэробный блок (25 мин): танцевальные связки базовых шагов аэробики (step-touch – приставной шаг), грейпвайн (grapevine – скрестный шаг), ни-лифт (knee lift – подъем колена), кик (kick – мах ногой) и др.) средней интенсивности, темп музыки 130–135 уд/мин. Цель: развитие общей выносливости, ЧСС 150–160 уд/мин.

• Силовой блок (20 мин): упражнения с весом собственного тела (отжимания с колен, приседания, выпады, планка, скручивания) и с использованием гантелей (1–3 кг, упражнения для мышц плечевого пояса, спины, рук). Акцент на правильной технике, 2-3 подхода по 12–15 повторений. Темп музыки 115–120 уд/мин. Цель: развитие силовой выносливости основных мышечных групп, ЧСС 130–140 уд/мин.

3. Заключительная часть (5 мин). Статические упражнения на растяжку основных мышечных групп (стретчинг), дыхательные упражнения. Цель: восстановление, повышение гибкости.

При построении тренировочного процесса строго соблюдались следующие принципы: постепенное увеличение нагрузки (объема, интенсивности), вариативность упражнений для поддержания интереса, использование современной популярной музыки для создания позитивной атмосферы и регулирования темпа движений.

Методы исследования

1. *Тестирование физической подготовленности:* проводилось до начала эксперимента и после его окончания по тестам, соответствующим VII ступени ВФСК ГТО (от 18 до 19 лет)¹.

• Прыжок в длину с места толчком двумя ногами (см) – скоростно-силовые качества.

• Бег на 100 м (с) – скоростные качества.

• Сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу (количество раз) – силовая выносливость верхнего плечевого пояса.

• Поднимание туловища из положения лежа на спине (количество раз за 1 мин) – силовая выносливость мышц брюшного пресса.

• Наклон вперед из положения стоя с прямыми ногами на гимнастической скамье (см) – гибкость.

• Бег на 2000 м (мин, с) – общая выносливость.

2. *Метод математической статистики:* для определения достоверности различий до и после реализации программы применялся *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Рассчитывались среднее арифметическое (*M*), ошибка среднего арифметического (*m*), уровень значимости (*p*). Обработка данных проводилась с использованием программы Statistica 10.0. Различия считались статистически значимыми при $p < 0.05$.

3. *Педагогическое наблюдение:* фиксировалась посещаемость, реакция на нагрузку, общая вовлеченность в процесс.

Нормативы ГТО VII ступени представляют стандартизированные и надежные тесты для оценки базовых физических качеств у данной возрастной группы. Они позволяют объективно оценить динамику подготовленности относительно возрастных нормативов, что имеет педа-

¹ Нормативы испытаний (тестов) Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). URL: <https://gto116.ru/wp-content/uploads/2023/11/zh18-19let.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).

гогическую ценность для оценки эффективности физкультурно-оздоровительной программы, даже для начинающих. Цель – не выполнение нормативов на знак отличия, а использование единого инструментария оценки.

Результаты исследования

Результаты тестирования физической подготовленности представлены в таблице. Статистическая обработка данных выявила достоверные улучшения ($p < 0.05$) по четырем из шести показателей, которые в таблице выделены жирным шрифтом.

Обсуждение результатов

1. Статистически значимые улучшения

- Силовая выносливость: достоверный прирост результатов в тестах на сгибание/разгибание рук в упоре лежа (+3.5 раза, $p < 0.05$) и поднятие туловища (+5.2 раза/мин, $p < 0.01$) подтверждает эффективность силового блока программы для развития выносливости мышц верхнего плечевого пояса и брюшного пресса. Это согласуется с гипотезой о положительном влиянии комбинированных нагрузок.

- Гибкость: улучшение результата в наклоне вперед на 3.6 см ($p < 0.05$) объясняется регулярным включением стретчинга в заключительную часть каждого занятия.

- Общая выносливость: достоверное сокращение времени бега на 2000 м на 41 с ($p < 0.05$) является следствием систематического выполнения аэробного блока тренировок, направленного на развитие кардиореспираторной системы.

2. Отсутствие значимых изменений

- Скоростно-силовые и скоростные качества: незначительные изменения в прыжке в длину с места (+2.6 см, $p > 0.05$) и беге на 100 м (-0.3 с, $p > 0.05$) ожидаемы, так как программа не содержала целенаправленных упражнений на развитие взрывной силы и максимальной скорости. Это подтверждает специфичность тренировочного эффекта и указывает на необходимость включения соответствующих средств при постановке таких задач.

Выводы

1. Разработанная и апробированная программа оздоровительной аэробики, сочетающая аэробные (25 мин, ЧСС 150–160 уд/мин) и силовые (20 мин, ЧСС 130–140 уд/мин) нагрузки в соотношении ~55%/45% при трехразовых

Динамика показателей физической подготовленности студенток под влиянием занятий оздоровительной аэробики

Table. Dynamics of physical fitness indicators of students under the influence of recreational aerobics

Показатель физической подготовленности	Тест (единица измерения)	До эксперимента	После эксперимента	Прирост (Δ)	p -уровень	Достоверность различий, $p > 0.05$
Скоростно-силовые качества	Прыжок в длину с места, см	167.2±3.8	169.8±3.9	+2.6	0.05	Нет
Скоростные качества	Бег на 100 м, с	19.8±0.4	19.5±0.3	-0.3	>0.05	Нет
Силовая выносливость (верх. плеч. пояс)	Сгибание/разгибание рук в упоре, кол-во раз	10.7±0.9	14.2±1.0	+3.5	<0.05	Да
Силовая выносливость (брюшной пресс)	Поднятие туловища, кол-во/мин	34.6±1.5	39.8±1.3	+5.2	<0.01	Да
Гибкость	Наклон вперед, см	7.3±1.0	10.9±0.9	+3.6	<0.05	Да
Общая выносливость	Бег на 2000 м, мин:с	12:45±0:18	12:04±0:15	-0:41	<0.05	Да

занятиях в неделю, доказала свою педагогическую эффективность для достоверного повышения уровня общей выносливости, силовой выносливости мышц верхнего плечевого пояса и брюшного пресса, а также гибкости у студенток 18-19 лет, ранее не занимавшихся фитнесом.

2. Наибольший прирост показателей зафиксирован в тестах, адекватно отражающих специфику применяемых тренировочных средств (аэробный бег, силовые упражнения, стретчинг).

3. Отсутствие значимого улучшения скоростно-силовых и скоростных качеств подчеркивает необходимость включения в подобные программы специализированных упражнений, если развитие этих качеств является отдельной педагогической задачей.

4. Практическая значимость программы заключается в ее доступности, структурированности и доказанной эффективности для улучшения ключевых компонентов физической подготовленности студенток, что является важным фактором профилактики гиподинамии в условиях вуза. Программа может быть рекомендована для использования в рамках секционной работы, элективных курсов по физической культуре или самостоятельных занятий.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает актуальность и эффективность использования комбинированных аэробно-силовых нагрузок в рамках оздоровительной аэробики как педагогического средства повышения физической активности и уровня физической подготовленности студенток вуза. Статистически достоверные положительные изменения в показателях выносливости, силовой выносливости и гибкости, полученные с применением *t*-критерия Стьюдента и стандартизированных тестов ГТО, обосновывают результативность предложенной программы. Реализация такой программы в условиях высшего учебного заведения способствует формированию устойчивой мотивации к занятиям физической культурой (о чем косвенно свидетельствуют высокая посещаемость и отсутствие отсева в эксперименте) и является действенным инструментом профилактики негативных последствий гиподинамии. Дальнейшие исследования могут быть направлены на оптимизацию соотношения аэробных и силовых компонентов, изучение отдаленных эффектов

программы и ее влияния на академическую успеваемость и психоэмоциональное состояние студенток с использованием валидных психометрических методик.

Список литературы

1. Васенков Н. В., Мухаметсафин Р. С., Хамзина Р. Э., Бикулова Л. Э. Психолого-педагогические проблемы в студенческом сообществе // Перспективы науки. 2024. № 1 (172). С. 165–168. EDN: AQOSDF
2. Иванов В. Д., Марандыкина О. В. Фитнес и аэробика в современном мире // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2024. Т. 9, № 3. С. 32–40. <https://doi.org/10.47475/2500-0365-2024-9-3-32-40>
3. Игаева А. В., Лобанова А. Т. Анализ причин снижения физической активности у молодежи // Наука через призму времени. 2024. № 5 (86). С. 63–65.
4. Амбарцумян Р. А., Соболева А. К. Малоподвижный образ жизни студентов // Молодежный вестник ИрГТУ. 2020. Т. 10, № 4. С. 86–90. EDN: GTCQEL
5. Дементьев К. Н., Волкова Л. М., Зуйкова Е. Г., Бушма Т. В., Липовка А. Ю. Коррекция личностной и ситуативной тревожности студентов на занятиях аэробикой // Теория и практика физической культуры. 2020. № 11. С. 15–17. EDN: LTUOIY
6. Иванов А. А. Физкультура как поддержание здоровья студентов, ведущих малоподвижный образ жизни // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 3. С. 91–93. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10079>, EDN: GPMTVR
7. Пивоварова О. А., Куликов Д. А., Коняева О. Е., Борцев Г. Г., Олейникова В. С. Глобальный фактор риска заболеваемости студентов-малоподвижный образ жизни // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н. И. Пирогова. 2024. Т. 19, № 2. С. 128–136. https://doi.org/10.25881/20728255_2024_19_2_128, EDN: SIWKCE
8. Подоруев Ю. В., Пухаев Р. Р., Занпаров Р. И. Система фитнеса в процессе физического воспитания студентов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2017. № 9 (151). С. 218–223. EDN: ZITSYR
9. Соколова И. В. Анализ востребованности групповых программ в фитнес-клубе // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 4 (26). С. 162–171. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-4-163-172>
10. Хвостенко С. Ю., Мусихина Н. А. Значение оздоровительной аэробики для студентов // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2021. № 1 (36). С. 150–153. EDN: GAQJCD
11. Грищенко Е. А., Николаев П. П. К вопросу о пользе занятий аэробикой для студентов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-1. С. 86–89. EDN: ERCDNK
12. Немова А. В., Алексина А. О. Аэробика как средство улучшения показателей ОФП для студентов // Российская наука: актуальные исследования и разработки : сборник научных статей V Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1. Са-

мара : Самарский государственный экономический университет, 2018. С. 312–316. EDN: XWYVKX

13. Бушма Т. В., Зуйкова Е. Г. Активные методы обучения студентов на занятиях аэробикой // Итоговая научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2022. С. 8–11. EDN: BWFMOX
14. Скнарина Е. Ю., Дудник Е. О. Оздоровительная функция аэробики в системе физического развития студентов // Актуальные вопросы психолого-педагогической кинезиологии, оздоровительной и адаптивной физической культуры : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д : Южный федеральный университет, 2023. С. 115–118. EDN: ZVECYF
15. Казанер Т. А. Влияние занятий оздоровительной аэробикой на физическое развитие студенток // Мир науки. 2017. Т. 5, № 4. С. 35. EDN: ZMPZYN

References

1. Vasenkov N. B., Muhametsafin R. C., Khamzina R. E., Bikulova L. E. Psychological and pedagogical problems in the student community. *Prospects of Science*, 2024, no. 1 (172), pp. 165–168 (in Russian). EDN: AQOSDF
2. Ivanov V. D., Marandykin O. B. Fitness and aerobics in the modern world. *Physical Culture. Sports. Tourism. Navigational Recreation*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 32–40 (in Russian). <https://doi.org/10.47475/2500-0365-2024-9-3-32-40>
3. Igaeva A. B., Lobanova A. T. Analysis of the causes of reduced physical activity in young people. *Science Through the Prism of Time*, 2024, no. 5 (86), pp. 63–65 (in Russian).
4. Ambartsumyan R. A., Soboleva A. K. Sedentary lifestyle of students. *Youth Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 86–90 (in Russian). EDN: GTCQEL
5. Dementyev K. N., Volkova L. M., Zuykova E. G., Bushma T. V., Lipovka A. Yu. Correction of personal and situational anxiety of students in aerobics classes. *Theory and Practice of Physical Culture*, 2020, no. 11, pp. 15–17 (in Russian). EDN: LTUOIY
6. Ivanov A. A. Physical education as maintaining the health of students leading a sedentary lifestyle. *Psychology and Pedagogy of Professional Activity*, 2020, no. 3, pp. 91–93 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10079>, EDN: GPMTVR
7. Pivovarova O. A., Kulikov D. A., Konyaeva O. E., Borshchev G. G., Olynykova V. S. Global risk factor for student morbidity-sedentary lifestyle. *Bulletin of N. I. Pirogov National Medical and Surgical Center*, 2024, vol. 19, no. 2, pp. 128–136 (in Russian). https://doi.org/10.25881/20728255_2024_19_2_128, EDN: SIWKCE
8. Podoruev Yu. V., Pikhaev R. R., Zapparov R. I. Fitness system in the process of physical education of students. *Scientific Notes of P. F. Lesgaft University*, 2017, no. 9 (151), pp. 218–223 (in Russian). EDN: ZITSYP
9. Sokolova I. V. Analysis of the Demand for Group Programs in a Fitness Club. *Scientific and Pedagogical Review*, 2019, no. 4 (26), pp. 162–171 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-4-163-172>
10. Khvostenko S. Yu., Musikhina N. A. The Importance of Health-Improving Aerobics for Students. *Bulletin of Voronezh Institute of High Technologies*, 2021, no. 1 (36), pp. 150–153 (in Russian). EDN: GAQJCD
11. Grishchenko E. A., Nikolaev P. P. On the benefits of aerobics for students. *Tendencies of Science and Education Development*, 2023, no. 98-1, pp. 86–89 (in Russian). EDN: ERCDHK
12. Nemova A. V., Aleksina A. O. Aerobics as a means of improving general physical training for students. *Rossiyskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki: sbornik nauchnykh statey V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. Ch. 1* [Russian Science: Current Research and Developments: Collection of scientific articles of the V All-Russian scientific and practical conference: in 2 parts. Part 1]. Samara, Samara State University of Economics Publ., 2018, pp. 312–316 (in Russian). EDN: XWYVKX
13. Bushma T. V., Zuykova E. G. Active teaching methods for students in aerobics classes. In: *Itogovaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya professorsko-prepodavatel'skogo sostava Natsional'nogo gosudarstvennogo Universiteta fizicheskoy kul'tury, sporta i zdorov'ya im. P. F. Lesgafta: v 2 ch. Ch. 1* [Final Scientific and Practical Conference of P. F. Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health: in 2 parts. Part 1]. St. Petersburg, P. F. Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health Publ., 2022, pp. 8–11 (in Russian). EDN: BWFMOX
14. Sknarina E. Yu., Dudnik E. O. Health-improving function of aerobics in the system of physical development of students. *Aktual'nye voprosy psikhologo-pedagogicheskoy kineziologii, ozdorovitel'noy i adaptivnoy fizicheskoy kul'tury: sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual Issues of Psychological and Pedagogical Kinesiology, Health-Improving and Adaptive Physical Culture: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2023, pp. 115–118 (in Russian). EDN: ZVECYF
15. Kaganer T. A. Influence of health-improving aerobics on the physical development of female students. *World of Science*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 35 (in Russian). EDN: ZMPZYN

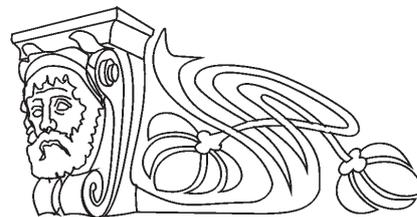
Поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 103–107
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 103–107
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-103-107>, EDN: VUWOAG

Научная статья
УДК 37.04:378.046.4

Особенности формирования тьюторской позиции педагога в процессе внутрифирменного обучения

О. В. Тиунчик

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Россия, 150000, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

Тиунчик Ольга Валентиновна, аспирант кафедры педагогических технологий, otov69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9051-6163>

Аннотация. Введение. В условиях современной образовательной парадигмы, ориентированной на индивидуализацию образования, особую актуальность приобретает появление в образовательных учреждениях педагогов с тьюторской позицией. **Теоретический анализ.** В ходе исследования был дополнен понятийный аппарат профессиональной педагогики за счет содержания понятий «тьюторская позиция педагога», «формирование тьюторской позиции педагога дополнительного образования»; конкретизированы структурно-содержательные компоненты тьюторской позиции педагога; выявлены и описаны ресурсы учреждений дополнительного образования для организации профессионального роста педагогов в процессе формирования тьюторской позиции. **Эмпирический анализ.** В рамках педагогического эксперимента раскрыты возможности внутрифирменного обучения для формирования тьюторской позиции действующих педагогов дополнительного образования с целью их профессионального роста в контексте гуманистической педагогики и актуализации процесса поддержки субъектности обучающегося. **Заключение.** Положительная динамика сформированности тьюторской позиции педагогов, участвующих в эксперименте, свидетельствует о реалистичности и эффективности процесса формирования тьюторской позиции педагогов с помощью формата внутрифирменного обучения с использованием механизмов тьюторского сопровождения самих педагогов как особого вида наставничества. Исследование позволяет сделать вывод о возможностях практического применения его результатов в различных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: тьюторская позиция педагога, внутрифирменное обучение, наставничество, индивидуализация, сопровождение индивидуальной образовательной деятельности

Для цитирования: Тиунчик О. В. Особенности формирования тьюторской позиции педагога в процессе внутрифирменного обучения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 103–107. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-103-107>, EDN: VUWOAG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the formation of teacher's tutoring position in the process of in-house training

O. V. Tiunchik

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya St., Yaroslavl Region, Yaroslavl 150000, Russia
Olga V. Tiunchik, otov69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9051-6163>

Abstract. Introduction. In the context of the modern educational paradigm, focused on the individualization of education, the emergence of teachers with a tutoring position in educational institutions is becoming especially relevant. **Theoretical analysis.** In the course of the study, the conceptual apparatus of professional pedagogy was supplemented by the content of the concepts of “tutoring position of a teacher”, “formation of the tutoring position in an additional education teacher”; the structural and substantive components of the tutoring position of a teacher were specified; the additional education institutions' resources for organizing teachers' professional growth in the process of forming the tutoring position were identified and described. **Empirical analysis.** Within the framework of the pedagogical experiment, the potential of in-house training was explored for developing the tutorial position of current teachers of additional education with the aim of their professional growth in the context of humanistic pedagogy and updating the process of supporting the learner's subjectivity. **Conclusion.** The positive dynamics of the formation of the tutoring position of the teachers participating in the experiment demonstrates the realism and effectiveness of the process of forming the tutoring position of teachers through the format of in-house training using the mechanisms of tutoring support for the teachers themselves, as a special type of mentoring. The study allows us to draw the conclusion about the possibilities of practical application of its results in various educational institutions.

Keywords: tutoring position of teacher, in-company training, mentoring, individualization, support for individual educational activities

For citation: Tiunchik O. V. Features of the formation of teacher's tutoring position in the process of in-house training. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 103–107 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-103-107>, EDN: VUWOAG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Адаптация системы образования к меняющимся государственно-политическим и социально-экономическим реалиям страны является ключевым фактором успешной реализации стратегии научно-технологического прогресса России. В настоящее время российское государство, ориентируясь на гуманистические ценности, строит образовательную политику, которая ставит во главу угла жизнь и здоровье человека, его права и свободу развития личности, а также создание индивидуальной образовательной среды. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» подчеркивается необходимость создания правовых основ для модернизации системы образования, отвечающей современным запросам человека. В ст. 12, п. 1 данного закона указывается, что образовательный процесс должен способствовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, принятию во внимание многообразия мировоззренческих позиций¹. В этой связи актуальным становится курс на индивидуализацию образования, поддержку субъектности обучающегося, изменение роли обучаемого и обучающего. Педагог из носителя и ретранслятора готовых знаний становится мотиватором образовательной деятельности ученика, помощником на его индивидуальном образовательном пути.

Внедрение новых образовательных стандартов подчеркивает необходимость подготовки педагогов, способных создавать условия для формирования у обучающихся уникальной точки зрения на образование, педагогов с тьюторской позицией. Тьюторская позиция не является исключительной прерогативой тьюторов, поскольку ее может занимать любой педагог, прошедший специальную подготовку, владеющий технологиями индивидуального сопровождения обучения и разделяющий ценности гуманистической педагогики. Формирование тьюторской позиции у педагогов, позволяющей

им выступать в роли проводников инноваций, является сегодня актуальной задачей современного профессионального образования.

Развитию тьюторской практики в системах общего и профессионального образования посвящены работы Л. В. Байбородовой, М. П. Кривунь [1] и других исследователей, однако формированию тьюторской позиции у действующих педагогов-предметников уделяется недостаточно внимания. Нами изучены возможности учреждений дополнительного образования для организации обучения, направленного на развитие тьюторской позиции у практикующих педагогов без отрыва от работы в процессе внутрифирменного обучения.

Теоретический анализ

В современном обществе понимание тьюторской позиции педагогов неоднозначно. Многие педагоги интерпретируют тьюторскую позицию с точки зрения индивидуального подхода, при котором учитываются индивидуальные особенности ребенка, но не принимаются во внимание его собственные приоритеты и мотивация. Мы разделяем точку зрения Т. М. Ковалевой и Т. В. Якубовской, определяющих тьюторскую позицию как гуманистическую, признающую право ребенка на самостоятельность, индивидуальность и самоопределение в тех областях и видах деятельности, которые позволяют ему достигать успеха [2].

С нашей точки зрения, тьюторская позиция педагога включает в себя два смысловых компонента: признание ценности и значимости мнения ученика, а также готовность и подготовленность к поддержке и сопровождению индивидуальной образовательной траектории каждого обучающегося.

В нашем исследовании сделан акцент на использовании внутрифирменного обучения в процессе профессионального развития педагогов. Современные подходы к внутрифирменному обучению ориентированы на конкретные потребности организации и целевые группы обучающихся. Система внутрифирменного обучения, как отмечает Н. И. Шаталова, пред-

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ, ст. 12, п. 1 (редакция, действующая с 29 декабря 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ст. 7598.

ставляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, включающих структуры, процессы, программы, методы и материально-техническое обеспечение [3, с. 133].

Мы рассматриваем внутрифирменное обучение в образовательном учреждении как процесс профессионального роста педагога, поддерживаемый коллективом. Суть такого обучения заключается в трансляции и передаче накопленного опыта, знаний и навыков внутри организации с использованием образовательных ресурсов открытой образовательной среды, а также в обретении ценностных установок в результате организации рефлексии профессиональной деятельности. В качестве ключевых преимуществ такого подхода к организации обучения педагогов можно выделить следующие:

- непрерывность обучения;
- соответствие программ обучения потребностям образовательного учреждения;
- обучение без отрыва от основной деятельности;
- использование механизмов наставничества;
- вовлечение в процесс всего или большей части педагогического коллектива;
- гибкость организации обучения.

Эмпирический анализ

Основу исследования составили учреждения дополнительного образования детей

г. Ярославля, муниципальные образовательные учреждения дополнительного образования г. Ярославля.

Первый шаг к формированию тьюторской позиции – это обеспечение мотивации педагогов к профессиональному росту. Мотивация педагогов к профессиональному росту в процессе формирования тьюторской позиции поддерживалась на протяжении всего периода внутрифирменного обучения. Успешное формирование навыков сопровождения индивидуальной образовательной деятельности стимулировало к продолжению обучения как самих педагогов, так и руководство, обеспечивая непрерывность данного процесса. Мотивация педагогов к профессиональному росту включает два ключевых элемента:

- активация внутренней мотивации,
- обеспечение внешней мотивации.

Активизация внутренней мотивации происходила через организацию рефлексии, помогающей педагогу найти личные смыслы в работе. При анализе перспектив, выявлении проблем, связанных с поддержкой самостоятельности учеников, и поиске решений педагог осознавал необходимость разработки собственной программы развития и движения по индивидуальной траектории. Внешняя мотивация обеспечивалась поддержкой коллектива. В ходе исследования были выявлены факторы, влияющие на внутреннюю и внешнюю мотивацию педагогов:

Факторы, влияющие на внутреннюю мотивацию педагогов	Факторы, влияющие на внешнюю мотивацию педагогов
Осознание важности профессионального роста педагога	Создание благоприятной атмосферы в коллективе, где ценится взаимопомощь и поддержка
Понимание перспектив личностного развития	Признание значимости работы каждого сотрудника для достижения общих целей организации
Возможность соответствия квалификации педагогов современным требованиям профессии	Учет и поддержка личных ценностей сотрудников со стороны руководства
Приобретение возможностей для повышения квалификации	Получение положительных откликов со стороны обучающихся и их родителей
Возможность делиться своим опытом с коллегами, выступая в роли наставника	Создание условий, обеспечивающих благоприятный режим обучения и профессиональной деятельности
Возможность участия в профессиональных конкурсах, связанных с тьюторским сопровождением	Использование механизмов морального и материального стимулирования обучающихся педагогов

Формирование тьюторской позиции предполагает переосмысление педагогом своей профессиональной роли. Отказываясь от авторитарного подхода, педагог переходит к поддержке и сопровождению индивидуальной образовательной траектории ученика. Новые ценностные установки гуманистической педагогики позволяют педагогу видеть в ребенке личность, обладающую правом на выбор образовательного пути.

В процессе обучения педагоги расширяли границы их привычного образовательного пространства с целью преобразования его в открытое. Открытое образовательное пространство давало каждому педагогу свободу выбора индивидуального пути развития, предоставляя опыт самоопределения. Ключевым элементом такого пространства является доступ к информации. В условиях открытости педагоги могли использовать ресурсы не только учебных заведений, но и всей окружающей действительности, превращая её в образовательные возможности [4].

С нашей точки зрения, ключевым элементом тьюторской позиции является умение применять тьюторские действия на практике. Этого можно достичь посредством тьюторского сопровождения самих педагогов. Педагоги дополнительного образования из экспериментальной группы приобретали навыки тьюторского сопровождения, попеременно выступая в ролях тьютора и тьюторанта.

Для формирования тьюторской позиции педагогов автором статьи была использована гибкая система наставничества, которая позволяет учитывать индивидуальные и групповые потребности в обучении. Наставниками выступали не только опытные педагоги, но и молодые специалисты, владеющие современными образовательными технологиями. Это позволяет эффективно решать задачи, возникающие при постоянной смене образовательных траекторий [5].

Диагностика результативности обучения осуществлялась через рефлексию, позволяющую педагогам осмыслить свою деятельность и перейти к проектированию дальнейшего профессионального развития. Организация групповой и индивидуальной рефлексии осуществлялась в рамках тьюториалов и консультаций, при этом рефлексивный анализ являлся обязательным компонентом после завершения каждого этапа обучения. Наряду с анализом об-

разовательного процесса ключевую роль играет саморефлексия педагогических кадров. Педагоги подчеркивали, что вовлечение в процесс саморефлексии способствовало более глубокому осознанию значимости их профессиональной деятельности. Ключевым моментом является умение «выйти» из текущей деятельности и взглянуть на нее со стороны. Педагог, анализируя прошлый опыт и планируя будущее, занимает рефлексивную позицию, что позволяет ему формировать новые, более глубокие знания, основанные на переосмыслении предыдущих. Значимым результатом рефлексивной практики, по мнению педагогов, стало формирование компетенций в области организации рефлексии в рамках учебных занятий с обучающимися [6].

Этапы организации формирования тьюторской позиции педагогов не имели четких временных рамок. Например, поддержка мотивации педагогов к профессиональному росту происходила в процессе обучения и диагностики его результатов через рефлексию, а рефлексивно-диагностическая деятельность организовывалась на всех этапах обучения.

Заключение

Взаимосвязь и взаимовлияние всех компонентов процесса формирования тьюторской позиции педагогов способствовали положительной динамике образовательных результатов профессионального роста педагогов. Качественная оценка уровня осознания важности поддержки субъектности обучающихся позволяет сделать вывод, что педагоги показывают положительную динамику принятия ценностных ориентиров гуманистической педагогики. В результате входного и итогового тестирования был проведен сравнительный количественный анализ уровня владения педагогами знаниями, умениями и практическими действиями сопровождения индивидуальной образовательной деятельности детей, зафиксировавший его рост на 41,8 % (в среднем).

Таким образом, полученная в ходе эксперимента положительная динамика уровня сформированности тьюторской позиции педагогов дополнительного образования в результате внутрифирменного обучения свидетельствует о реалистичности этого процесса и возможности его практического применения в других образовательных учреждениях.

Список литературы

1. Байбородова Л. В., Кривунь М. П. Профессиональная подготовка тьюторов для сферы образования. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 228 с.
2. Ковалева Т. М., Якубовская Т. В. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой // Человек.RU. 2017. № 12. С. 85–94. EDN: ХКРАВЗ
3. Шаталова Н. И. Консультирование в управлении человеческими ресурсами : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2012. 221 с.
4. Боровкова Т. И. Технологии открытого образования. М. : ИНФРА-М, 2015. 173 с.
5. Тьюторство в открытом образовательном пространстве. Особое наставничество : сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции (XXVIII Всероссийской научно-практической конференции) / под ред. Е. А. Волошиной. М. : ДПК Пресс, 2023. 356 с.
6. Тиунчик О. В. Содержание тьюторского сопровождения педагогов дополнительного образования в процессе профессионального развития // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2024. № 2 (68). С. 121–129. <https://doi.org/10.46845/2071-5331-2024-2-68-121-129>
7. Professional training of tutors for the field of education]. Moscow, Berlin, Direct-Media, 2020. 228 p. (in Russian).
8. Kovaleva T. M., Yakubovskaya T. V. Tutoring activity as anthropopractice: Between individual educational trajectory and individual educational program. *Chelovek.RU*, 2017, no. 12, pp. 85–94 (in Russian). EDN: ХКРАВЗ
9. Shatalova N. I. *Konsul'tirovanie v upravlenii chelovecheskimi resursami: ucheb. posobie* [Consulting in human resource management]. Moscow, INFRA-M, 2012. 221 p. (in Russian).
10. Borovkova T. I. *Tekhnologii otkrytogo obrazovaniya* [Technologies of open education]. Moscow, INFRA-M, 2015. 173 p. (in Russian).
11. *T'yutorstvo v otkrytom obrazovatel'nom prostranstve. Osoboe nastavnichestvo: sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (XXVIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii)*. Pod red. E. A. Voloshinoy [Voloshina E. A., ed. Tutoring in an Open Educational Space. Special Mentoring: Proceedings of the XVI International scientific and practical conference (XXVIII All-Russian scientific and practical conference)]. Moscow, DPK Press, 2023. 356 p. (in Russian).
12. Tiunchik O. V. The content of tutoring support for teachers of additional education in the process of professional development. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences], 2024, no. 2 (68), pp. 121–129 (in Russian). <https://doi.org/10.46845/2071-5331-2024-2-68-121-129>

References

1. Bayborodova L. V., Krivun M. P. *Professional'naya podgotovka t'yutorov dlya sfery obrazovaniya* [Profes-

Поступила в редакцию 17.07.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 17.07.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 15.11.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 108–116

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 108–116

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-108-116>, EDN: XLBWCJ

Научная статья

УДК 376:378.091.39

Моделирование дисциплины «Проектный практикум» для студентов дефектологических специальностей

Е. С. Неустроева

Шадринский государственный педагогический университет, Россия, 641870, Курганская область, г. Шадринск, ул. Карла Либкнехта, д. 3

Неустроева Елена Сергеевна, аспирант кафедры теории и методики дошкольного и начального образования, neustroewa.lenus05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7205-6164>

Аннотация. Введение. В системе современных образовательных направлений будущих педагогов большое значение занимает проектное обучение в вузе. Стремление использовать инновационные способы в образовании, которые ориентируют студентов на практическое освоение программы обучения, привело вузы к внедрению в образовательный процесс дисциплины «Проектный практикум».

Теоретический анализ. Проектное обучение в вузе нашло распространение в связи с необходимостью обеспечения единства теоретического и практического аспектов в образовании. На первый план выступает деятельностно-прагматический подход, согласно которому студенты апробируют свои знания на практике, приступая к решению образовательной задачи посредством проектной деятельности. За рубежом это осуществлялось в форме анализа существующих проектов, разработки собственных и их практической реализации. На второй план выступает творческо-методический подход с учетом которого в образовательной деятельности студентов принимаются во внимание их интересы и возможности к разработке проектов, способствующих раскрытию профессиональных компетенций личности каждого обучающегося. **Эмпирический анализ.** Анализ отечественных и зарубежных представлений о введении проектной деятельности в образовательный процесс вуза позволил разработать авторскую модель рабочей программы по дисциплине «Проектный практикум» для студентов-бакалавров по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование.

Заключение. Цель нашего исследования была достигнута, продуктом его стала модель программы дисциплины «Проектный практикум», которая предлагает комплексный подход к формированию у обучающихся универсальных компетенций.

Ключевые слова: проектный практикум, проектная деятельность, модель дисциплины, высшая школа

Для цитирования: Неустроева Е. С. Моделирование дисциплины «Проектный практикум» для студентов дефектологических специальностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 108–116. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-108-116>, EDN: XLBWCJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modeling the discipline "Project workshop" for students of defectological specialties

E. S. Neustroeva

Shadrinsky State Pedagogical University, 3 Karl Libknekht St., Shadrinsk 641870, Kurgan Region, Russia

Elena S. Neustroeva, neustroewa.lenus05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7205-6164>

Abstract. Introduction. In the system of modern educational programs for future teachers, project-based learning at a university is of great importance. The desire to use innovative teaching methods that would show comprehensive effectiveness in mastering the training program by students led us to introducing the discipline "Project Practice" into the educational process. **Theoretical analysis.** Project-based learning at universities has become widespread due to the need of ensuring the unity of theoretical and practical aspects in education. An activity-based pragmatic approach has come to the fore according to which students apply their knowledge in practice by solving educational problems through project-based activities. Abroad, this was carried out by analyzing existing projects, developing their own projects, and implementing them. Considering also a creative and methodological approach can give the opportunity to take into account students' interests and abilities in developing projects. This will contribute to the development of each student's professional competences in their educational activities.

Empirical analysis. An analysis of domestic and foreign ideas about introducing project activities into the university educational process allowed us to develop an author's model of the working program for the discipline "Project Workshop" for bachelor's degree students in the field of training 44.03.03 Special (Defectological) Education. **Conclusion.** The purpose of our research has been achieved, and its product has become the "Project Workshop" program model, which offers an integrated approach to the formation of universal competencies among students.

Keywords: project workshop, project activity, discipline model, higher school

For citation: Neustroeva E. S. Modeling the discipline "Project workshop" for students of defectological specialties. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 108–116 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-108-116>, EDN: XLBWCJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет 2030”» указано, что введение проектного практикума как дисциплины, основанной на изучении и использовании проектной деятельности, считается одним из глобальных трендов образовательного процесса в высших учебных заведениях. В «Приоритете 2030» внимание акцентируется на актуальности моделей проектно-ориентированных программ в освоении той или иной специальности, которые предлагают включение командного выполнения проектов полного жизненного цикла¹.

Использование проектной деятельности в учреждениях высшего образования связано с необходимостью развития гибких навыков (soft skills) у будущих профессионалов, которые позволят подготовить универсального специалиста, обладающего системным и критическим мышлением, инклюзивной компетентностью, знающего экономическую культуру и финансово грамотного, умеющего разрабатывать и реализовать проекты, осуществлять командную работу, быть лидером, способным к коммуникации, саморазвитию и т.д.

21 октября 2017 г. Президент РФ В. В. Путин принял участие в сессии «Молодёжь-2030. Образ будущего», прошедшей в рамках XIX Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, где поднял вопрос о ключевых направлениях в развитии человечества. Особое внимание Президент акцентировал на современном образовании, отметив, что «сегодняшнее образование становится совершенно другим, как и технологии. Совершенно очевидно, что конкурентные преимущества получают те люди, которые не просто обладают набором интересных и важных знаний, но и тем, что сегодня называют soft skills – креативным, плановым

¹ О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» (вместе с «Правилами проведения отбора образовательных организаций высшего образования для оказания поддержки программ развития образовательных организаций высшего образования в рамках реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет 2030”»): постановление Правительства РФ от 13.05.2021 № 729 (ред. от 29.11.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 12, ст. 1842.

и другими видами мышления, когда человек вырабатывает для себя целый маршрут по приобретению новых знаний»².

Учитель-дефектолог (в том числе логопед) – один из востребованных специалистов настоящего времени, который использует междисциплинарный подход в работе (биологические, психологические, педагогические компетенции). Развитие soft skills у обучающихся по этой специальности значительно повысит как результативность освоения образовательной программы обучения студентов, так и эффективность работы будущего специалиста в этой области.

Введение «Проектного практикума» в образовательную программу студентов-бакалавров по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование (профили: «Логопедия», «Специальная психология», «Дефектология») позволит осуществить практическую подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности, тем самым повысив их профессиональные, а также личностные и межличностные компетенции. Чтобы практическая подготовка была комплексной, необходимо разработать содержательную программу, по которой будет реализована дисциплина в вузе.

Цель нашего исследования – разработка модели рабочей программы по дисциплине «Проектный практикум» для студентов-бакалавров по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить опыт научных исследований по проблеме внедрения проектной деятельности в образовательный процесс;
- проанализировать зарубежные модели дисциплины «Проектный практикум» в разных направлениях подготовки специалистов в вузе;
- разработать модель программы дисциплины «Проектный практикум» для студентов дефектологических специальностей.

² Soft skills и генная инженерия: Владимир Путин на сессии «Молодёжь 2030. Образ будущего» – ключевые направления развития человечества // Росконгресс : новости. 22.10.2017 : [сайт]. URL : https://roscongress.org/news/soft-skills-gennaya-inzheneriya-vladimir-putin-na-sessii-molodezh-2030-obraz-budushhego-oboznachil-klyuchevye-napravleniya-razvitiya-chelovechestva-wp/?ysclid=mkmbty1d5d401898741&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 14.04.2024).

Научная новизна исследования состоит в том, что понятие «проектная деятельность» рассмотрено с применением деятельностно-прагматического (Дж. Дьюи, Е. С. Полат, М. Гоян, Г. К. Селевко, А. А. Бобцов, Н. В. Кокоева, И. Р. Багманов, Е. Ю. Донская и др.) и творческо-методического (В. В. Давыдов, В. В. Сериков, Т. П. Стенина, В. А. Луков, В. Д. Симоненко, Н. Г. Хабарова, Е. П. Тетюкова, Ю. Н. Бутикова, Е. С. Любимова и др.) подходов. Разработана авторская модель рабочей программы по дисциплине «Проектный практикум» для студентов-бакалавров по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование.

Практическая значимость. Модель программы по дисциплине «Проектный практикум», разработанная в рамках представленного исследования, применима для преподавания в высшем учебном заведении студентам-бакалаврам (III–IV курсов) по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование; может быть реализована по другим педагогическим направлениям программ бакалавриата, а также программ магистратуры в случае ее модификации. Реализация модели способствует формированию универсальных компетенций обучающихся, используя которые они разрабатывают и реализуют собственные проекты, а также управляют ими в рамках практического обучения по своей профессиональной направленности.

Теоретический анализ

Проектное обучение студентов вуза направлено на то, чтобы помочь им создать целостную картину своей будущей профессиональной деятельности [1]. По мнению Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркиной, проектное обучение обуславливает общенаучную и профессиональную подготовку будущих специалистов [2].

Применение проектной деятельности в образовательном процессе берет свое начало с XIX века, когда учеными (Дж. Дьюи, Ч. Пирс, У. Джемс, П. Ф. Каптерев, П. П. Блонский, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкий и т.д.) была обоснована необходимость поиска методов обучения, обеспечивающих связь обучающихся с реальностью.

В исследовании А. А. Косярского с соавторами сформирована цель проектной деятельности в обучении: «Целью внедрения в

образовательный процесс проектной деятельности явилось стремление придать образованию связи с жизнью, устраняя тем самым излишнюю абстрактность теоретических знаний» [3, с. 5]. Связь с жизнью – это не что иное, как связь науки с практической деятельностью, которая является одним из важнейших принципов процесса прагматического обучения.

О. В. Топоркова, объединяя идеи Э. Брукмана, С. Паперта, И. Харелла, утверждает, что «Люди учатся лучше всего, если они вовлечены в создание продукта, имеющего для них личностное значение и несущего пользу для окружающих» [4, с. 85]. Она отмечает также, что лучшим обучением они называют обучение в деятельности.

Теоретико-практическая значимость, диктуемая проектным обучением, находит свое отражение в деятельностно-прагматическом подходе к освоению образовательных программ.

В деятельностно-прагматическом подходе проектирование – это процесс движения от процесса описания к процессу практической деятельности. Такой процесс носит комплексный характер, так как в нем обучающийся движется вперед, используя знания, умения и навыки из разных дисциплин (Я. Кафай, П. Р. Атутова, И. Д. Чечель, В. В. Гузеева и др.), для того чтобы решить ту или иную проблемную ситуацию, возникающую в процессе обучения.

В диссертационном исследовании Г. А. Забелина отмечается, что проектное обучение – это процесс развития студентов, осуществляемый посредством организации их самостоятельной деятельности с использованием всех личностных ресурсов (интеллект, творчество, навыки и др.) для разрешения интересующей их образовательной и иных проблем [5].

Согласно мнению Л. А. Оганнисян, М. А. Акопян, проектное обучение происходит благодаря детальному анализу решаемой проблемы, т.е. осуществляется операционно и последовательно «...поиск проблемы, планирование действий, процесс исследования, описание и анализ продукта» [6, с. 102].

С учетом анализа опыта зарубежных стран (Финляндии, Франции, Австралии и т.д.) модель проектно-ориентированного обучения в университетах используется активно, с опорой на различные мотивы в компетентностном развитии студентов: образовательные мотивы (на основе анализа предыдущих проектов), социальные мотивы (на основе социального заказа/

интереса обучающихся), профессиональные мотивы (на основе актуальных технологий и необходимости рынка труда) [7]. Исходя из образовательных мотивов, осваивая дисциплину «Проектный практикум», студенты-бакалавры апробируют свои способности в методических разработках, например, создают учебные пособия (текстового и электронного формата), которые пополняются и обновляются каждым последующим поколением студентов (из опыта Финляндии).

Также трактует проектную деятельность в образовательном процессе Е. С. Любимова, говоря о ней как о гибкой модели организации обучения, ориентированной на развитие личности студентов-бакалавров, которая становится важным условием для профессиональной подготовки учителя-дефектолога, так как позволяет проявлять «уникальность, способность к творчеству, спонтанную познавательную активность, стремление реализовать себя» [8, с. 71].

В контексте такого понимания проектной деятельности обратимся к творческо-методическому подходу (В. В. Давыдов, В. В. Сериков, Т. П. Стенина, В. А. Луков, В. Д. Симоненко и др.), суть которого – в саморазвитии обучающегося в процессе проектной деятельности.

Проектное обучение в рамках творческо-методического подхода Н. Г. Капустина, Е. М. Багнетова определяют как процесс независимой творческой деятельности, позволяющий студентам-бакалаврам в сотрудничестве с профессионалом в определенной области осуществлять работу над проектом, выбор которого зависит от интересов самого обучающегося [9].

Е. П. Тетюкова, Т. А. Белых отмечают, что применение проектного обучения в образовательном процессе способствует самоопределению студента, формированию его мотивации к образовательной деятельности, профориентационному осознанию своего будущего и т.д. [10].

По мнению А. П. Казун, Л. С. Пастуховой, в проектной деятельности обучающиеся высшего образовательного учреждения формируют не только профессиональные компетенции, но и занимаются социально значимой деятельностью [7]. В комплексе это способствует формированию у студентов всех прогнозируемых компетенций: универсальных, общепрофессиональных и профессиональных. То же и мы имеем в виду, рассматривая проектное обучение будущих учителей-дефектологов.

По замечанию И. П. Лариной проектная деятельность студентов-бакалавров в процессе обучения направлена на самостоятельный поиск своих профессиональных интересов, а также способов решения поставленных перед будущим специалистом проблем и апробацию высказанного путем проведения самостоятельного исследования с последующим представлением результатов [11].

Реализация проектного практикума в обучении будущих дефектологов, по мнению Е. П. Тетюковой, Т. А. Белых, способствует обеспечению индивидуальных траекторий для каждого обучающегося студента в рамках освоения своих профессиональных дисциплин [10].

Эмпирический анализ

Для разработки модели были использованы методы: анализа, синтеза, сравнения, аналогии, дедукции, моделирования.

Модель включала в себя нормативно-правовую, целевую, теоретико-методологическую, содержательную, организационную и оценочную компоненты (рисунок).

Нормативно-правовой компонент выражает социальный заказ, подтверждающий актуальность проводимого исследования³.

В исследовании ученых (Ю. Н. Корешниковой, И. И. Замощанского, А. Н. Замощанской, А. М. Конашковой, А. А. Степановой, О. С. Гилязовой, Ю. Н. Овсянниковой, Е. З. Бахтияровой, С. Б. Велединской, Д. Д. Даммер, Д. С. Конькова, Э. Г. Новинковой, Ю. С. Осаченко, Г. С. Токаревой, И. А. Эннс, Н. К. Федоровой, Т. В. Погадаевой, Т. В. Пашенко, П. О. Крайновой и др.) установлено, что программа бакалавриата направлена на формирование у студентов универсальных компетенций: УК-1, УК-2, УК-3, УК-4, УК-6; общепрофессиональных компетенций: ОПК-2, ОПК-3, ОПК-6, ОПК-7 [12].

³ Об образовании в Российской Федерации (с изменениями) : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 1, ст. 14.

Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование : приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 123 (ред. от 27.02.2023) // Вестник государственной регистрации. 2018. № 11, ч. II. С. 331–340.

О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации : федер. закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33, ст. 6.

Нормативно-правовой компонент: Федеральный государственный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование					
Целевой компонент: формирование у студентов-бакалавров «Soft skills» и «Hard skills» в процессе освоения специальности 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование					
Теоретико-методологический компонент					
Деятельностно-прагматический подход (общая методология)			Творческо-методический подход (конкретная методология)		
Принцип активности и сознательности деятельности	Принцип «от простого к сложному»	Принцип целостности	Принцип психологической комфортности	Принцип вариативности	Принцип индивидуализации
Содержательно-процессуальный компонент					
Аналитический, проектировочный, содержательный, конкурсный, проектный, рефлексивный этапы					
Организационно-методический компонент					
объяснение, обсуждение, беседа, дискуссия, упражнение, посещение рабочих групп проекта (в процессе работы, в процессе деятельности), проведение конкурса «Лучший проект»		кейсы-проектов, шаблоны заявок на проекты (в том числе грантовые), ПК с доступом в интернет, бланк отчета о проекте (для обучающихся)		фронтальная (со всеми студентами), подгрупповая (с коллективам проекта), индивидуальная (с каждым отдельных участников команды проекта)	
Оценочно-результативный компонент					
Универсальные компетенции		Общепрофессиональные компетенции		Профессиональные компетенции	

Модель программы по дисциплине «Проектный практикум» для студентов-бакалавров по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование

Figure. Model of the program for the discipline “Project Workshop” for bachelor's degree students in the field of training 44.03.03 Special (Defectological) Education

Целевой компонент складывается из двух составляющих профессиональной подготовки студентов.

Во-первых, формирование «Soft skills» – «гибких» навыков, которые подготавливают личность к жизни в обществе, а соответственно, больше акцентированы на развитие межличностных критериев развития: умение коммуницировать с людьми; проявление лидерских качеств в управлении; креативность в решении задач; самодисциплина; эмоциональный интеллект.

Во-вторых, формирование «Hard skills» – «жестких» навыков, которые способствуют профессиональному становлению конкретной личности: знание нормативно-правовых и научно-методических основ в области специального (дефектологического) образования лиц разных возрастов; умение проектировать учебно-методические материалы для работы с лицами, име-

ющими особые образовательные потребности; умение организовывать работу с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья, а также их ближайшим окружением (родителями, педагогами); стрессоустойчивость.

Совокупность названных навыков прогнозируется нами как итог реализации разработанной модели рабочей программы по дисциплине «Проектный практикум».

Теоретико-методологический компонент раскрывает научно-исследовательский механизм в построении и эффективной реализации разработанной модели: деятельностно-прагматический подход (принцип активности и сознательности деятельности, принцип «от простого к сложному», принцип целостности) и творческо-методический подход (принцип психологической комфортности, принцип вариативности, принцип индивидуализации).

Для учета принципов обратимся к **содержательно-процессуальному компоненту** модели. Он предлагает поэтапную реализацию рабочей программы, которая осуществляется на основании установленных нами в соответствии с вышеназванными подходами принципов.

Так, *аналитический этап*, предполагает знакомство с основами проектного практикума, поэтому основывается на изучении теоретического аспекта в процессе создания педагогиче-

ского (социального и др.) видов проектов. Здесь необходимо уточнить компоненты: актуальность, цель, задачи, сроки, масштаб, целевая аудитория, ожидаемые результаты, механизм проекта, методы, ресурсы, команда проекта.

Так как дисциплина имеет практико-ориентированный характер, то лабораторные (практические) работы должны быть направлены на отработку навыков взаимодействия с каждым из ключевых компонентов проекта (таблица).

Механизм работы над компонентами проектов по дисциплине «Проектный практикум»
Table. Mechanism of working on project components in the discipline “Project Workshop”

Компонент проекта	Практическое задание	Реализуемые принципы
Структура проекта	Изучение грантовых заявок на проекты (например, социально-педагогические). Анализ составляющих проект компонентов. Далее следует проработка каждого отдельного компонента (на основе выбора интересующей, уже существующей, одной – коллективной грантовой заявки).	Принцип целостности
Актуальность, цель	Анализ теоретических источников (нормативно-правовой базы, статистических и/или архивных данных и т.д.) в дополнении с проведением диагностики ситуации (поиск заинтересованных лиц, партнеров, целевой группы проекта).	Принцип индивидуализации
Задачи, ожидаемые результаты	Проведение мозгового штурма по поводу определения наиболее значимых задач для достижения цели; упражнение в формулировании и конкретизации задач проекта, а также установлении причинно-следственных связей их с ожидаемыми результатами.	Принцип активности и сознательности деятельности
Целевая аудитория	Установление контакта с участниками целевой группы проекта: выявление дополнительных сведений через общение, наблюдение, диагностические методики и т.д.	Принцип «от простого к сложному»
Команда проекта	Проведение психологических тренингов на определение индивидуальности каждого студента; на формирование и сплоченность коллектива; распределение ролей.	Принцип психологической комфортности
Механизм проекта	Разработка мероприятий (конспектов) для каждой задачи проекта группами студентов с последующим проведение этих мероприятий на однокурсниках.	Принцип вариативности
Ресурсы проекта	Анализ необходимых действий, материалов для реализации проекта (то, что было использовано, то, что необходимо использовать) – осуществить подсчет.	Принцип целостности

На этом этапе обучающиеся проходят психолого-педагогическую подготовку в коллективном формате для последующей индивидуальной деятельности.

Проектировочный этап связан с разработкой собственной идеи проекта каждым студентом. Здесь обучающимся предстоит пройти весь путь по заполнению «паспорта» проекта только в индивидуальном порядке (в качестве автора и руководителя). Практический опыт

каждый студент получает в процессе составления каркаса проекта, а именно заполнения шаблона (заявки).

По достижении *содержательного этапа* обучающимся необходимо определиться, какой итоговый продукт они представят по завершении проекта, в соответствии с чем будут разработаны основные мероприятия по его реализации.

На этом этапе вводится модульное обучение: студенты выбирают, по каким направлени-

ям им необходимы индивидуальные консультации с педагогом. Представлены направления: составление конспекта занятия (например, образовательный проект), проведение родительских собраний (например, просветительский проект), организация встреч по повышению квалификации педагогов; разработка рекомендаций для взрослых по обучению и воспитанию детей.

Конкурсный этап подразумевает организацию для студентов внутреннего конкурса проектов, где они презентуют в группе (а затем и в вузе) подготовленные проекты. На этом этапе целесообразно провести с обучающимися упражнения по ораторскому мастерству, самопрезентации себя и проекта перед публикой.

Итогом данного этапа является анализ, оценка и выбор проектов для последующей разработки и реализации (критерии оценки: актуальность, креативность подхода, методическая важность, степень вовлеченности и активности каждой роли среди участников команды, реалистичность проекта, правильность оформления; соответствие всех компонентов друг другу).

Проектный этап – это этап, в рамках которого студенты осуществляют реализацию своего проекта (это те обучающиеся, которые прошли по конкурсу, другие – осуществляют доработку своих проектов). Здесь возможно участие в более масштабных конкурсах проектов (например, на грантовый) с целью повышения интереса самих проектировщиков.

Заключительным этапом рабочей модели является *рефлексивный этап* – сбор промежуточных (если проект долгосрочный), а также завершающих (если проект краткосрочный) результатов, презентация отчета о реализации проекта (если проект завершен).

Процессуальная часть содержательно-процессуального компонента представлена технологиями (проектная деятельность, компьютерные технологии (с выходом в веб-пространство), творческая деятельность); формами организации взаимодействия (фронтальная (проведение практических занятий) и подгрупповая (разработка и реализация проекта)); методами исследования (анализ, мозговой штурм, обсуждение, беседа, проектирование, моделирование, прогнозирование, упражнения, аналогия, дедукция); средствами обучения (кейсы-проектов, шаблоны заявок на проекты (в том числе грантовые)). Все это являлось инструментарием для сопровождения студентов и раскрытия **организационно-методического компонента**.

Оценочно-результативный компонент ориентирован на анализ компетенций, сформированных у студентов:

– универсальные (УК-1 – системное и критическое мышление; УК-2 – разработка и реализация проектов; УК-3 – командная работа и лидерство; УК-4 – коммуникация; УК-6 – самоорганизация и саморазвитие);

– общепрофессиональные (ОПК-2 – разработка основных и дополнительных образовательных программ; ОПК-3 – совместная и индивидуальная учебная и воспитательная деятельность обучающихся; ОПК-6 – психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности; ОПК-7 – взаимодействие с участниками образовательных отношений);

– профессиональные (способность организовывать профессионально-педагогическую деятельность для любого ребенка с особыми образовательными потребностями; способность осуществлять обучение, воспитание и развитие лиц с ограниченными возможностями здоровья; способность к психолого-педагогическому сопровождению всех участников образовательного процесса).

Результаты

Использование представленной модели в образовательном процессе высшего образования на ступени бакалавриат по специальности 44.03.03. Специальное (дефектологическое) образование позволило сформировать у обучающихся представление о механизме разработки проекта, о структуре проекта (образовательные задачи); студенты приобрели навыки командной работы, коммуникативные навыки (развивающие задачи); сформировали профессиональные представления и научились применять их в практическом действии (воспитательно-профессиональные задачи).

Внедрение модели программы по дисциплине «Проектный практикум» способствовало появлению проектов: в 2024 году – «Наша общая история» – проект, направленный на поддержку социально незащищенных слоев населения, детей-сирот и детей-инвалидов; «Лаборатория детской сказки» – проект, имеющий целью построение образовательного пространства в детском образовательном учреждении; в 2025 году – «Семейный клуб “Мы в кадре”»; «Научно-исследовательский марафон “Формула речи”»; «Коррекция дислексии и дисграфии»

посредством специализированного оборудования в работе логопеда» – проект, презентующий педагогическую инициативу, а именно распространение инновационных методов и технологий педагогической и социально-педагогической деятельности.

Проекты были представлены студентами-бакалаврами в конкурсном отборе, где получили положительную оценку и право на реализацию.

Заключение

Моделирование дисциплины «Проектный практикум» для студентов-бакалавров по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование и внедрение модели в образовательный процесс показали высокую практическую значимость. Разработка позволила нам обозначить положительные тенденции в обучении будущих дефектологов (логопедов): знание процесса конструирования проекта; умение выстраивать сотрудничество в команде; компетенции проектирования и реализации проекта с соблюдением его жизненного цикла.

Список литературы

1. Муратова И. А. Проектное обучение студентов как основное условие их готовности к профессиональной деятельности // Современное педагогическое образование. 2022. № 9. С. 171–176. EDN: CBHZEW
2. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.
3. Косярский А. А., Дорошкевич Т. И., Даниш В. Г. Организация проектной деятельности: методическое пособие / Департамент образования администрации МО г. Краснодар, Центр детского творчества «Прикубанский». Казань: Бук, 2019. 64 с. EDN: NNOMJH
4. Топоркова О. В. Технология проектного обучения в практике высшей технической школе за рубежом // Преподаватель XXI век. 2019. № 4-1. С. 82–92. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2019-4-82-92>, EDN: LFVOJZ
5. Забелина Г. А. Метод проектов в системе высшего образования: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 168 с.
6. Оганнисян Л. А., Акопян М. А. Использование метода проектов в образовательном процессе // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2-1. С. 101–104. EDN: UQHEBB
7. Казун А. П., Пастухова Л. С. Практики применения проектного метода обучения: опыт разных стран //

- Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. С. 32–59. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-32-59>, EDN: YRHOEM
8. Любимова Е. С. Учебный проект как средство подготовки будущих дефектологов // Коррекционная педагогика: теория и практика. 2015. № 1 (63). С. 68–71. EDN: UNVREJ
 9. Капустина Н. Г., Багнетова Е. М. Роль проектного обучения в подготовке будущих учителей-дефектологов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (79). С. 53–61. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.79.4.003>
 10. Тетюкова Е. П., Белых Т. А. Проектное обучение – инновационный подход к организации учебного процесса в высших учебных заведениях РФ // Физика. Технологии. Инновации: сборник материалов VI Международной молодежной научной конференции, посвященной 70-летию основания Физико-технологического института УрФУ (Екатеринбург, 20–24 мая 2019 г.) / под ред. В. Ю. Иванова, Д. Р. Байтмирова. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. С. 349–358. EDN: TAPVXH
 11. Ларина И. П. Роль проектно-исследовательской деятельности в развитии творческих способностей будущих дефектологов // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62, ч. 2. С. 166–169.
 12. Корешникова Ю. Н., Замощанский И. И., Замощанская А. Н., Конашкова А. М., Степанова А. А., Гилязова О. С., Овсянникова Ю. Н., Бахтиярова Е. З., Велединская С. Б., Даммер Д. Д., Коньков Д. С., Новинкова Э. Г., Осаченко Ю. С., Токарева Г. С., Эннс И. А., Федорова Н. К., Погадаева Т. В., Паченко Т. В., Крайнова П. О. Универсальные компетенции в российских университетах. М.: Издательство Aegitas, 2023. 246 с. <https://doi.org/10.47359/978-0-3694-1032-0>, EDN: SYVHXH

References

1. Muratova I. A. Project-based learning for students as a key condition for their readiness for professional activity. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2022, no. 9, pp. 171–176 (in Russian). EDN: CBHZEW
2. Polat E. S., Bukharkina M. Yu. *Sovremennye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [Modern pedagogical and information technologies in the education system]. Moscow, ITs “Akademiya”, 2008. 368 p. (in Russian).
3. Kosyarskij A. A., Doroshkevich T. I., Danish V. G. *Organizatsiya proektnoy deyatel'nosti: metodicheskoe posobie. Departament obrazovaniya administratsii MO g. Krasnodar, Tsentr detskogo tvorchestva “Prikubanskij”* [Organization of Project Activities: A Methodological Guide. Department of Education of the

- Krasnodar City Administration, Prikubansky Center for Children's Creativity]. Kazan', Buk, 2019. 64 p. (in Russian). EDN: NNOMJH
4. Toporkova O. V. Project-based learning technology in the practice of higher technical education abroad. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI Century], 2019, no. 4-1, pp. 82–92 (in Russian). <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2019-4-82-92>, EDN: LFVOJZ
 5. Zabelina G. A. *Metod proektov v sisteme vysshego obrazovaniya* [The project method in the higher education system]. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2009. 168 p. (in Russian).
 6. Ogannisyanyan L. A., Akopyan M. A. Using the Project Method in the Educational Process. *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'* [Using the Project Method in the Educational Process], 2015, no. 2-1, pp. 101–104 (in Russian). EDN: UQHEBB
 7. Kazun A. P., Pastukhova L. S. Practices of applying the project method of teaching: Experience of different countries. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 2018, vol. 20, no. 2, pp. 32–59 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-32-59>, EDN: YRHOEM
 8. Lyubimova E. S. Educational project as a means of training future defectologists. *Korreksionnaya pedagogika: teoriya i praktika* [Correctional Pedagogy: Theory and Practice], 2015, no. 1 (63), pp. 68–71 (in Russian). EDN: UNVREJ
 9. Kapustina N. G., Bagnetova E. M. The role of project-based learning in the training of future special education teachers. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2022, no. 4 (79), pp. 53–61 (in Russian). <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.79.4.003>
 10. Tetyukova E. P., Belykh T. A. Project-based learning is an innovative approach to the organization of the educational process in higher educational institutions of the Russian Federation. *Fizika. Tekhnologii. Innovatsii: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu osnovaniya Fiziko-tehnologicheskogo instituta UrFU* (Ekaterinburg, 20–24 maya 2019 g.). Pod red. V. Yu. Ivanova, D. R. Bajtimirova [Ivanov V. Yu., Bajtimirov D. R., eds. Physics. Technologies. Innovations: Collection of materials of the VI International youth scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the foundation of the Physics and Technology Institute of the Ural Federal University (Yekaterinburg, May 20–24, 2019)]. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin Publ., 2019, pp. 349–358 (in Russian). EDN: TAPBXH
 11. Larina I. P. The role of project and research activities in the development of creative abilities of future defectologists. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2019, no. 62, pt. 2, pp. 166–169 (in Russian). EDN: YXUTEL
 12. Koreshnikova Yu. N., Zamoshchanskij I. I., Zamoshchanskaya A. N., Konashkova A. M., Stepanova A. A., Gilyazova O. S., Ovsyannikova Yu. N., Bakhtiyarova E. Z., Veledinskaya S. B., Dammer D. D., Kon'kov D. S., Novinkova E. G., Osachenko Yu. S., Tokareva G. S., Enns I. A., Fedorova N. K., Pogadaeva T. V., Pashchenko T. V., Krajnova P. O. *Universal'nye kompetentsii v rossijskikh universitetakh* [Universal competencies in Russian universities]. Moscow, Izdatel'stvo Aegitas, 2023. 246 p. (in Russian). <https://doi.org/10.47359/978-0-3694-1032-0>, EDN: SYVHXH

Поступила в редакцию 16.04.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 16.04.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 15.11.2025

ISSN 1819-7671

26001

9 771819 767101

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026.
Том 26, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика**
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право

